

9(с)
55 19

ДАВИД БАКРАДЗЕ
**КАРПАТСКИЙ
РЕЙД**

ДАВИД БАКРАДЗЕ

КАРПАТСКИЙ РЕЙД

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ МОСКВА - 1968

9(с) VII
Б. 19.

ОТ АВТОРА

В послесловии к своей книге «Люди с чистой совестью» прославленный партизанский вожак Петр Петрович Вершигора писал:

«В этой книге рассказано только об одном отряде, одном боевом коллективе. В нем было и хорошее и плохое, и типичное и частное. Случай и место, где застала тебя война, определяет меру твоей ноши. Наше место было на коне, на тачанке, в походах. А ноша — Карпаты... Пусть они никому из моих товарищей, советских людей, не будут упреском: «А ты был в Карпатах?»»

Есть другое мерило долга и совести. И никого из нас не освобождает от них история.

Есть у советских людей совесть — совесть всего человечества — партия большевиков... Мудрая, строгая, животворящая сила истории. Не дает она поблажки ни нытикам, ни маловеерам, не прощает сюсюкающих, вдохновляет миллионы передовых людей и перерождает отстающих.

Победа нашей Родины — страны с чистой совестью, — вот что воодушевляло и подымало всех нас, солдат Советской Армии великого народа.

Мне посчастливилось пройти войну рядом с такими замечательными людьми, как Ковпак, Руднев, Вершигора, как тысячи их соратников, навечно вписавших свои имена в историю.

О них, о великом подвиге народном эта книга, которую я посвящаю молодому поколению, достойному продолжателю дела отцов.

**Герой Советского
Союза**

**Давид Ильич
Бакрадзе**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ, ИЛИ ОТТО ОЛЕНДОРФ ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ...

Жарким июньским днем 1945 года бывший начальник тылового района 2-й танковой армии и 9-й фашистской армии, бывший генерал-лейтенант гитлеровского вермахта Беригард давал в кабинете следователя в Брянске свои показания.

Беригард тревожно и внимательно всматривался в, казалось, бесстрастное лицо следователя: «Знает или не знает? Ведь фюрер строжайше приказал уничтожить эти документы... Если они знают — наверняка повесят, не знают — буду жить».

Глухим голосом, тщательно взвешивая каждое слово, Беригард медленно диктовал переводчику:

„Борьба с партизанами в районах Брянска и Бобруйска в 1942—1943 годах

Партизанское движение так же старо, как и сама война, так как всегда люди с национальным самосознанием пытались в военное время наносить ущерб противнику за линией фронта. Но это были отдельные люди, действия которых имели только небольшое военное значение. Только в этой войне с Россией перед немецкой армией встала необходимость охранять тыловые районы от нападений крупных сил противника. Это было необходимо для обеспечения подвоза и снабжения действующей армии и для сохранения спокойствия в оккупированной области. Русские партизаны угрожали тыловым путям сообщения и создавали серьезную опасность для тыловых районов.

Как я знаю, немецкий генеральный штаб рассчитывал на то, что в этой войне с Россией в тыловых районах будет беспокойно, но, несомненно, он не думал о возникновении сопротивления в таких масштабах. Эти масштабы начиная с 1942 года увеличивались из месяца в месяц. К началу войны было сформировано небольшое количество охранных батальонов из призывных контингентов старших возрастов. Эти батальоны были предназначены для охраны важнейших железнодорожных мостов. В ходе войны, когда борьба с партизанами приобрела большее значение, были сформированы новые охранные и ландверные батальоны. Однако метод борьбы с партизанами в основном выбирался само-

стоятельно каждой группой армий или армией. В Белоруссии и на Украине, где управление находилось в руках гражданской администрации, борьба с партизанами производилась только полицией, ею руководил рейхсфюрер СС и полиции Гиммлер. Насколько мне известно, Гиммлер сформировал полицейские полки, создал свою собственную организацию и назначил обер-группенфюрера СС фон дем Баха начальником штаба соединений по борьбе с партизанами.

Таким образом, в этом важнейшем вопросе армия и полиция шли различными дорогами и это существенно отражалось на ходе борьбы с партизанами. Фон дем Бах якобы разработал инструкцию по борьбе с партизанами, однако мне не пришлось ее видеть.

До войны возможность военных действий в тыловых областях вообще не учитывалась, партизаны не принимались во внимание при маневрах и военных играх, о них ничего не преподавалось в военных школах. Поэтому начальники тыловых районов, отвечающие за безопасность своих районов, в начале войны не были подготовлены ни для ведения военных действий, ни для встречи со значительными силами противника. Только примерно в начале 1943 г. верховное командование сухопутных сил издало приказ, по которому борьба с партизанами должна рассматриваться наравне с военными действиями на фронте и должна вестись, как и эти действия, согласно правилам тактики. Хотя этот приказ был выпущен с запозданием, все же он значительно поднял настроение командования и войск охранных частей.

Партизаны в большинстве состояли из молодежи, для которой жизнь в лесу не представляла трудностей. Мы часто удивлялись, как они могли выносить в этих лесах летом — ужасные мучения от комаров, а зимой — снег и холод и, несмотря ни на что, продолжать свою кочевую жизнь.

Мы часто слышали, что партизанам приходилось подолгу питаться только хлебом и солью да лесными ягодами. С другой стороны, к нашему удивлению, в их лагерях было абсолютно все оборудование, необходимое для выполнения заданий. Но наше удивление все больше возрастало по мере того, как затягивалась война. За линией фронта против нас также был смелый противник, хорошо организованный и умело руководимый.

Командование русской армии создало второй фронт, перенеся военные действия за линию немецкого фронта. Деятельность партизан сковывала значительные немецкие силы, которые в ином случае могли бы быть использованы на участках фронта. Кроме того, партизаны нанесли немецкой армии довольно солидные потери. Временами партизаны наносили чувствительные удары нашему снабжению и подрывами выводили из строя целую сеть железных дорог или причиняли значительный урон транспорту...»

Как видно из показаний фашистского генерала, в те первые дни после окончания войны он пытался убедить следствие, будто войска гитлеровского вермахта и он в их числе вели законную борьбу с партизанами и не имели никакого отношения к эсэсовцам, которые одни совершали массовые зверства и теперь, опять-таки одни, должны нести за них всю полноту ответственности.

Прошло полгода. Версию Беригарда взяли на вооружение на заседаниях Международного Нюрнбергского трибунала главные немецкие военные преступники фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Йодль: якобы ОКВ, ОКХ и они, их руководители, ни при чем, во всех зверствах виноваты РСХА и ЗИПО*.

И тогда представитель обвинения на Нюрнбергском процессе американский полковник Эймен попросил у судей разрешения допросить свидетеля Отто Олендорфа, бывшего начальника III Управления РСХА группенфюрера СС Олендорфа, который, также представ впоследствии перед судом, говорил в свое оправдание, что он приказывал расстреливать на Украине мирных жителей не поодиночке выстрелами в затылок, а залпами, сразу по несколько сотен человек.

В тот день на крышу здания Международного военного трибунала в Нюрнберге, на бесформенные развалины соседних домов тихо ложились снежинки. В ярко освещенном зале стрекотали кинокамеры, мелькали вспышки «блицев». Невысокий человек в аккуратном темном костюме говорил:

«Понятие «оперативная группа» было установлено совместно начальниками РСХА, ОКВ и ОКХ. Они согласи-

* ОКВ — главное командование вооруженных сил фашистской Германии.

ОКХ — главное командование сухопутных сил.

РСХА — главное имперское управление безопасности.

ЗИПО — полиция безопасности (СД).

лись по вопросу использования подразделений ЗИПО в зонах боевых операций. Понятие оперативной группы впервые было установлено во время Польской кампании.

Договоренность между ОКХ и ОКВ была достигнута только накануне похода в Россию. В этом соглашении указывалось, что группы армий или, вернее, сами армии должны иметь уполномоченного, представителя начальника полиции безопасности и СД, и этот уполномоченный, который был им придан, должен был иметь в своем распоряжении подразделения, т. е. так называемую оперативную группу, которая подразделялась на команды. Эти эйнзатц-команды должны были по распоряжению фронта или армии в случае необходимости придаваться отдельным войсковым частям.

Полковник Эймен. Скажите, если знаете, до начала кампании против СССР было ли заключено какое-либо соглашение между ОКВ, ОКХ и главным управлением имперской безопасности?

Олендорф. Да, использование описанных мною подразделений и команд происходило в соответствии с письменным соглашением между ОКВ, ОКХ и главным имперским управлением безопасности.

Полковник Эймен. Откуда вам известно, что было такое письменное соглашение?

Олендорф. Я неоднократно присутствовал во время переговоров, которые велись Альбрехтом и Шелленбергом с представителями ОКВ и ОКХ. Кроме того, я видел письменный экземпляр переговоров, я держал в руках это письменное соглашение, когда принимал оперативную группу.

Полковник Эймен. Объясните суду, кто такой Шелленберг, какой он пост занимал, если он занимал какой-либо пост?

Олендорф. Шелленберг был в последнее время начальником VI управления в главном имперском управлении безопасности, т. е. тогда, когда по поручению Гейдриха он вел эти переговоры.

Полковник Эймен. Когда примерно велись эти переговоры? Какова их дата?

Олендорф. Переговоры велись несколько недель. Соглашение было заключено примерно за неделю или за две до начала похода в Россию.

Полковник Эймен. Вы сами видели когда-либо экземпляр этого письменного соглашения?

Олендорф. Да.

Полковник Эймен. Приходилось ли вам работать с этим письменным экземпляром соглашения?

Олендорф. Да, приходилось.

Полковник Эймен. Один раз или больше?

Олендорф. Да, неоднократно и, в частности, при разборе всех вопросов, которые касались полномочий армии по отношению к этим оперативным группам.

Полковник Эймен. Вы знаете, где сейчас находится подлинник или какая-нибудь из копий этого соглашения?

Олендорф. Нет.

Полковник Эймен. Постарайтесь вспомнить и наилучшим образом объяснить трибуналу сущность этого письменного соглашения.

Олендорф. В этом соглашении прежде всего устанавливалось, что эти оперативные группы и команды создавались для того, чтобы действовать в районах военных действий. Это было нововведением, так как до сих пор армия брала на свою ответственность проведение тех мероприятий, которые отныне должны были проводиться полицией безопасности. Кроме того, это разграничивало деловые полномочия.

Председатель. Что делали эти оперативные команды согласно соглашению?

Олендорф. Я сказал, что соглашение касалось полномочий армии по отношению к этим оперативным группам. В этом соглашении устанавливалось, что фронты или армии несут ответственность за снабжение и передвижение этих оперативных групп. Деловые распоряжения исходили от начальника полиции безопасности и СД.

Председатель. Правильно ли, что каждая оперативная группа должна была быть придана армейской группировке или армии?

Олендорф. Каждая группа армий (фронт) должна была иметь оперативную группу. Эйнзатцкоманды, оперативные команды, в свою очередь, распределялись между армиями, причем распределялись фронтом.

Председатель. Скажите, командование армии должно было определить область, в которой должна была действовать оперативная группа, ведь так?

Олендорф. Территориально действия оперативной группы уже определялись тем, что эта оперативная группа придавалась фронту и вместе с ним перемещалась. Эйн-

затюкоманды (оперативные команды) определяли свою сферу деятельности в зависимости от армии, которой они придавались...»

Показания эсэсовского головореза Олендорфа произвели впечатление разорвавшейся бомбы: вермахт и СС творили злодеяния вместе!

После того как защитники Кейтеля и Йодля усомнились в правдивости показаний Олендорфа, трибуналу были предъявлены подлинные фашистские документы.

С того времени прошло более двух десятилетий, но и сейчас невозможно оставаться спокойным, вспоминая, что в них написано. Каждое слово этих документов непосредственно касалось меня как советского гражданина, воина, узника гитлеровских концлагерей, народного мстителя. Каждое слово грозило неисчислимыми бедами моей Родине, моему народу!

Я, бывший командир полка 1-й украинской партизанской дивизии, Давид Бакрадзе привожу в своей книге отдельные выдержки из этих документов, чтобы еще раз напомнить тебе, молодой читатель, от какой опасности отстояли мы свою Родину, с каким врагом воевали.

На всех документах имеется гриф «совершенно секретно».

«26 марта 1941 года было заключено соглашение Вагнера — Гейдриха (между генералом Вагнером, представляющим армию, и Гейдрихом, представляющим СД). Это соглашение регулировало распределение функций и взаимоотношения между армией, с одной стороны, и гестапо, СД и войсками СС — с другой».

Соглашение начиналось ссылкой на то, что «выполнение специальных полицейских задач по поддержанию безопасности, не входящих в обязанности войск, вызывает необходимость использования в оперативном районе специальных отрядов (зондеркоманд) службы безопасности (СД)».

...Таким образом, была заложена основа для массового уничтожения тех представителей местного населения, которые, по мнению нацистов, «могли враждебно относиться к нацистской идеологии». (Документ из книги Ч. О. Диксона и О. Гейльбрунна «Коммунистические партизанские действия», стр. 136, 137).

«Рассмотрение дел о преступлениях, совершаемых

гражданским населением противника, в данное время изымается из компетенции обычных военно-полевых судов.

...Подозреваемые элементы должны быть немедленно отправлены к любому офицеру, который решит, подлежат ли они расстрелу.

Если обстоятельства не позволяют быстро задержать отдельных преступников, то по приказу любого офицера, занимающего пост не ниже командира батальона, немедленно должны быть предприняты массовые карательные меры против населения районов, где на вооруженные силы были совершены вероломные нападения...

Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок».

Из директивы Гитлера «Об особой подсудимости в районе «Барбаросса» от 13 мая 1941 г.) *.

«1. Ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраняться.

2. Поскольку они будут захватываться войсками, решение о том, должны ли они устраняться, принимается офицером, имеющим право налагать дисциплинарные взыскания. Для решения достаточно установления того, что данное лицо является руководящим политическим работником.

3. Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются».

(Из директивы Гитлера об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками от 12 мая 1941 г.)

«Территории, дающие излишки, расположены в черноземных районах, т. е. на юге, юго-востоке и на Кавказе. Недостаточно плодородные районы расположены главным образом в лесистой зоне Севера. Поэтому изолированные черноземные районы, во всяком случае, должны представить более или менее значительное количество зерна этих районов в наше распоряжение... Но в результате этого может

* 27 августа 1941 года Гитлер приказал уничтожить все экземпляры директивы, боясь, чтобы они не попали в руки советских войск.

наступить полное прекращение снабжения всей северной зоны, включая такие важные промышленные центры, как Москва и Санкт-Петербург...

Население в этих районах, и в особенности городское население, обречено на серьезные страдания от голода. Необходимо будет вывозить население в Сибирь. А поскольку о железнодорожном транспорте не может быть и речи, то это представляет собой труднейшую проблему.

Фюрер потребовал, чтобы к осени снижение норм на мясо прекратилось. А это возможно осуществить только путем самого быстрого и решительного захвата скота в России, главным образом в районах, удобных для транспортировки скота в Германию...

Многие десятки миллионов людей в этом районе окажутся лишними и вынуждены будут или умереть, или выехать в Сибирь. Всякие попытки спасти население от голодной смерти путем импорта излишних продуктов из черномоземных районов происходили бы за счет вывоза продуктов питания в Европу. Такой вывоз продуктов снизил бы военную мощь Германии и подорвал бы в Европе и Германии силу сопротивления блокаде. Это должно быть ясно и четко понято.

Наша задача заключается в преднамеренном повороте от существующего положения и включении русских пищевых ресурсов в европейский план потребления. Это вызовет, конечно, уничтожение промышленности, а также большого количества населения в тех районах, которые до этого считались неплодородными...»

(Из директивы Розенберга об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 г.).

«Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а, наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры. Напротив, мы заинтересованы в раздроблении их на многочисленные мелкие группы...»

Нам удастся полностью уничтожить понятие «еврей». Несколько времени потребуется для того, чтобы на нашей территории исчезли такие народности, как украинцы, гораки и лужичане...

Принципиальным вопросом в решении всех этих проблем является вопрос о системе образования и тем самым — об отборе и фильтрации молодежи. Для не немецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должно быть только: простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам...

Это население будет представлять собой лишенную руководителей массу рабочей силы и поставлять Германии ежегодно сезонных рабочих и рабочих для использования на черновых работах (строительстве дорог, в каменоломнях, на стройках).

...Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобшить их.

...Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относится, между прочим, к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа, а в будущем частично и к Украине...

Следует пропагандировать также добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней.

Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе...»

(«Из Гитлеровского плана «Ост»).

«Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

Клеймо имеет форму острого угла примерно в 45 градусов с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху...

Клеймение не является санитарным мероприятием».

(Из директивы ОКВ № 3142/42/ от 20 июля 1942 г.)

«Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе про-

тив банд*, за свое поведение в бою были привлечены в последующем к ответственности.

В связи с этим фюрер приказал:

1. Противник использует в бандах фанатичных, имеющих коммунистическую подготовку бойцов, которые не гнушаются никакими актами насилия. Более чем когда-либо дело идет здесь о том, «быть или не быть». Эта борьба отныне не должна иметь ничего общего с рыцарским поведением солдата или правилами Женевской конвенции.

Если эта борьба против банд как на Востоке, так и Балканах не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху.

Проявление любого вида мягкости является преступлением.

2. Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке».

(Из директивы ОКВ №-1388/42 от 16 декабря 1942 г.)

«Рейхсфюрер СС приказом от 12 ноября 1941 года за № 1461 запретил фотографирование экзекуций и распорядился, поскольку такие снимки нужны для служебных надобностей, собирать все фотодокументы в архив...

Руководитель оперативной группы и зандеркоманды или командир роты войск СС и командир взвода военных корреспондентов несут ответственность за то, чтобы пластинки, фильмы и копии не оставались на руках отдельных лиц оперативной службы».

(Из отношения начальника полиции безопасности и СД, запрещающего фотографирование массовых казней).

«Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости... Подписано: Кейтель».

(Из директивы ОКВ от 16 сентября 1941 г.)

«Всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а если оккупационные

* Бандитами гитлеровцы называли партизан. (— Д. Б.).

власти будут внушать тот страх, который единственно способен отнять у населения всякую охоту к сопротивлению».

(Из директивы ОКВ от 23 июля 1941 г.)

«Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры, в ином смысле это меня не интересует. Погибнут или нет от изнурения при создании противотанкового рва 10 000 русских баб, интересует меня лишь в том отношении, готов ли для Германии противотанковый ров».

(Из выступления Гимmlера на совещании группенфюреров СС в Познани 4 сентября 1943 г.)

«Партизан, захваченных в бою, прежде всего следует допросить, а затем расстрелять (бывших военнослужащих Красной Армии) или повесить (гражданских лиц)».

(Из памятки командования 11-й армии от 15 декабря 1941 г.)

«В ходе борьбы с партизанами в полосе армии было публично повешено и расстреляно несколько тысяч человек. Опыт показывает, что казнь через повешение действует особенно устрашающе. Кроме того, были уничтожены многие «бродяги», у которых не оказалось удостоверений личности и под личиной которых скрываются агенты и разведчики партизан...

Командование группы армий рекомендует в случае необходимости прибегать к таким же мерам».

(Из директивы командующего группы армий «Юг» от 8 декабря 1941 г.)

«Все допрашиваемые должны быть предупреждены самым суровым образом о необходимости говорить правду. Во всяком случае они знают, что с самого начала допроса их будут избивать.

Кто-либо из допрашиваемых, безусловно, даст показания относительно партизан. Однако если, как это обычно бывает, допрашиваемый сначала притворяется, что он ничего не знает о партизанах, а позднее сообщает какие-нибудь сведения, его надо подвергнуть более тщательному допросу (около двадцати пяти ударов резиновой дубинкой или плетью). Каждый раз вслед за вопросом необходимо добавлять слово «говори», например:

— Где находится командир партизанского отряда? Говори!

— Какое задание вам поручили? Говори! — и т. д.

Лицо, допрашиваемое таким образом, будет продолжать говорить, и когда ему прикажут сообщить все остальное из того, что ему известно, его необходимо подвергнуть еще двадцати пяти ударам...

Лица, которые подверглись такому суровому и тщательному допросу, должны быть ликвидированы вместе с осужденными.

Казненные должны быть захоронены таким образом, чтобы родственники не могли найти их могилы и откопать их трупы».

(Из инструкции командира 257-й пехотной дивизии).

Но никакой жесточайший террор не смог запугать советских людей, ослабить их волю к борьбе за свою свободу и независимость. Это вынуждены были признать даже фашистские главари.

«6 марта 1942 года. В донесении СД (гниусная служба безопасности Гимmlера) сообщается о положении в оккупированной России. Оно еще более неустойчиво, чем все предполагали. Опасность со стороны партизан растет с каждой неделей. Партизаны безраздельно господствуют над обширными районами оккупированной России.

29 апреля 1942 года. Партизаны в оккупированных районах по-прежнему представляют для нас огромную угрозу. Этой зимой они поставили нас перед большими трудностями, которые отнюдь не уменьшились с началом весны».

(Из дневника Геббельса)

«В глубоком тылу бои против партизан и групп, которые прорвались к нам в тыл, стали обычным явлением... Поддержка, оказываемая противнику гражданским населением, часто в форме партизанских действий, которые особенно культивируют большевики, делает борьбу немецких солдат крайне утомительной. Бои на фронте и в нашем тылу носят чрезвычайно ожесточенный характер и связаны со всякого рода трудностями и лишениями...

В течение всей зимы 1941/42 года партизаны действовали непрерывно...

В настоящее время партизанская война представляет реальную опасность, партизаны не только дезорганизуют движение на наших тыловых коммуникациях, но наносят также удары по тылам и флангам наших войск».

(Из фашистских газет «Данцигер фор-постен», «Кельшине цайтунг», «Гамбургер тагеблатт»)

«Действия партизанских отрядов на Востоке за последние несколько месяцев стали крайне опасными и ныне представляют серьезную угрозу нашим коммуникациям, идущим к фронту».

(Из директивы Гитлера от 6 сентября 1942 г.)

Никого из авторов этих изуверских документов нет уже сегодня в живых.

Боясь возмездия, покончили самоубийством Гитлер, Гиммлер, Геббельс. Убит чешскими патриотами Гейдрих. Повешены в Нюрнберге по приговору Международного трибунала «военные специалисты» Кейтель и Йодль и их соратники по «колонизации восточных пространств и борьбе с партизанами» Кальтенбруннер и Розенберг. Каэпен англичанами СС-группенфюрер Отто Олендорф. Публично повешен на центральной площади Брянска фашистский каратель генерал-лейтенант Беригард.

Военные преступники, сеявшие страдания и смерть, бесславно ушли из жизни, против которой они боролись.

Эти преступники олицетворяли фашизм, во имя уничтожения которого человечество принесло такие жертвы. И мы, борясь с фашизмом, не можем быть спокойными, наблюдая, как сейчас в Западной Германии делаются попытки возродить это чудовище. Люди, будьте бдительны!

...Но вернемся на два десятилетия назад. Может быть, там, в Нюрнберге, из уст врага и его документов мы впервые услышали оценку того весомого вклада, который внесли в великое дело Победы народные мстители.

Тогда стало ясно — сколько сил врага сковали и уничтожили они. Скольким надеждам не дали угаснуть...

Уже после войны я прочел книгу «Коммунистические партизанские действия», написанную бригадным генералом английской армии Ч. О. Диксоном и доктором Отто Гейльбрунном. Не скрою, приятно было прочесть в предисловии к ней следующие слова:

«Во второй мировой войне русские партизаны внесли значительный вклад в разгром немецких армий. Их воодушевляли жгучая ненависть к немцам и горячее желание защитить свою родину, которую грабил и разорял враг...»

В минувшей войне мы защитили революцию. Защитили Октябрь.

А потому и были непобедимы.

Потому и шли прахом все фашистские инструкции и приказы.

Об этом-то как раз и не сказал ничего в Нюрнберге Отто Олендорф.

А это было главным...

ЛИСТАЯ ПАРТИЗАНСКИЙ ДНЕВНИК...

Объединенное партийно-комсомольское собрание ковпаковцев

Который уже раз перелистываю маленькую книжечку в потертом картонном переплете — мой дневник партизанских походов. Вот первая запись: «29 августа 1942 года. Бежали из лагеря группой в количестве 32 человек».

Следующая запись: «11 сентября. Прибыли в Брянские леса группой в 26 человек и встретились с комиссаром отряда Рудневым...»

Много лет спустя Сидор Артемович Ковпак запишет в своей книге «От Путивля до Карпат»:

«Лес всегда вызывал у меня такие же мысли, как хлебные поля, фруктовые сады, стада скота, — мысли о мирном труде, благополучии народа.

За всю советскую жизнь мне ни разу не приходилось смотреть на наши леса с военной точки зрения. Мог ли я подумать, что в том же лесу, в который путивляне ходили за орехами, грибами, ягодами, мне придется воевать, что он будет нам защитой от немецких танков, как в старину защищал путивляне от татарской конницы?..»

Я тоже, как и Ковпак, никогда не думал, что лес надол-

го станет моим домом, а его заросли, тропинки, поляны — страницами моей военной биографии.

У каждого дневника, наверное, есть одно удивительное свойство: перечитываешь его записи, сделанные тобой совсем недавно, или уже четверть века назад, и начинает лихо радочно работать память, щедро доставая из своих глубин то общую картину какого-то большого, значимого события, т.е. казалось бы, совсем позабытую деталь, промелькнувший давным-давно незначительный штрих, и вот они, эти общие картины событий, их детали и штрихи, разом обступают тебя, сменяют друг друга в стремительно мчащемся калейдоскопе или вдруг застывают стоп-кадром и к тебе снова возвращаются радость, горе, любовь, ненависть, отчаяние, надежда — словом, какие-то из чувств, ощущений, которые ты тогда пережил. Время порой притупляет остроту минувших ощущений, вносит свои коррективы в их оценку, и это закономерно: с годами человек становится мудрее; жизненный опыт, анализ наблюдений приучает его делать выводы, обобщения.

Читая первые строчки дневника сейчас, я говорю тебе, молодой читатель, к счастью, не познавший ужасов войны, самое страшное — плен. И не потому, что плен — это голод, холод, бесправие и даже унижение, плен — муки бездействия, когда твои товарищи-однополчане с оружием в руках на поле брани решают судьбу Родины. Они, но не ты!

Лучше смерть,
Но смерть со славой,
Чем бесславных дней позор,*

Восемь месяцев плена — самое страшное, что было в моей жизни. Каждый час из них я наверстал потом в боях с врагом, рассчитавшись за себя и своих погибших за колючей проволокой товарищей.

Так мыслится, просматривая первые записи дневника, сейчас. А тогда, в сорок втором, перечитывая только что написанное?

Тогда был счастлив. Наперекор судьбе вырвался из фашистского плена и вот теперь, крепко держа оружие, нахожусь в боевой партизанской семье.

Я снова воин! Через час я, коммунист Бакрадзе, пойду

* Шота Руставели. «Витязь в тигровой шкуре»

на партийное собрание партизанского отряда, которым командует легендарный Ковпак!

В руках у меня листовка Центрального Комитета комсомола, которую сохранил до настоящих дней. Вот она!

«Смерть немецким оккупантам!»

КОМСОМОЛЬЦАМ И КОМСОМОЛКАМ, ПАРТИЗАНАМ И ПАРТИЗАНКАМ, БЕССТРАШНО БОРЮЩИМСЯ В ТЫЛУ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи горячо поздравляет вас с новыми прекрасными успехами. Эти успехи высоко оценены нашей Родиной.

Сегодня* объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении еще девяти партизанам звания Героя Советского Союза, о награждении свыше 1000 партизан и партиzanок Украины, Белоруссии, Смоленской и Орловской областей орденами и медалями Союза ССР.

Центральный Комитет Ленинского Комсомола приветствует и поздравляет вас с высокой наградой, отважные народные мстители.

Комсомол гордится тем, что среди стойких и бесстрашных партизан видное место занимают его воспитанники — мужественная молодежь, комсомольцы.

Герой Советского Союза белорус Владимир Курilenko вместе со своими товарищами пустил под откос 5 немецких военных эшелонов и уничтожил более тысячи оккупантов. Орловский партизан Герой Советского Союза Владимир Рябок со своим отважным отрядом выбил немцев из родного города, восстановил там комсомольскую организацию и наладил бесперебойную подготовку боевых резервов для партизанских отрядов. 22-летний сын украинского народа Филипп Стрелец, теперь Герой Советского Союза, не растерялся, очутившись в окружении. Он сумел вырваться из рук немцев, собрал небольшую группу советской молодежи и смело бил оккупантов, уничтожал гадов, пока мог держать винтовку в руках. О славных молодых героях, не

* 2 сентября 1942 г.

ющих жизни в борьбе с немецкими захватчиками, налагает песни, пересказы, легенды. Их никогда не забывает народ.

Где бы вы ни были, товарищи партизаны и партизанки, где бы вы ни вели борьбу с немцами — в глухих ли брянских или черниговских лесах, в днепровских плавнях или южных степях — за вами внимательно следит, радуясь нашим победам, переживает ваши неудачи весь советский народ, весь многомиллионный комсомол, наша партия. Силой заботой окружает Родина своих верных сынов и дочерей.

Молодые партизаны и партизанки!

Здравляя вас с успехами, с высокой наградой, мы ждем еще сильнее наносить удары по врагу.

Ни часа покоя, ни минуты отдыха, пока хотя один немецкий захватчик ходит живым по нашей земле.

Сегодня тот, кто убил больше немцев. Раздувайте огонь всенародного соревнования истребителей оккупантов. Ведите свой счет убитых немцев — это почетный счет. Ведите его комсомольцы и комсомолки!

Будьте в первых рядах истребителей фашистов.

Покажите пример мужества, изобретательности, боевого искусства. Поднимайте всю молодежь на активную борьбу против захватчиков.

Помните с тыла немцев — пускайте под откос поезд, сжигайте дороги, рвите связь, уничтожайте штабы и боевую технику врага. Помните: чтобы уничтожить полк фашистов на фронте, нужно много усилий, много людей, пушки под откос поезд, везущий полк немцев, может пять отважных партизан. Небольшая группа народных героев — большая сила. Используйте ее, товарищи, в полной мере.

Молодые люди и девушки, попавшие в немецкое ярмо!

Свобода, счастье, радостная жизнь не вернутся к вам сами по себе. Их нужно завоевать. Все, кто может носить немецкие сапоги, — идите в партизаны. Там ждет вас вечная слава, героические подвиги, радость борьбы за свою Отчизну.

Здравствуют наши героини-партизаны!

Здравствует наша славная Родина!

Здравствует наша победа!

Смерть немецким оккупантам!

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского
Коммунистического Союза Молодежи.

Прочитай и передай другому».

Прочтя листовку, задумался. Пока поздравляют моих боевых товарищей. Но пройдет время, и эти же слова будут относиться ко мне, одному из многих тысяч народных мстителей в тылу врага. Это в будущем. А прошлое? Оно будоражит память прошедшими за год событиями, которые уже остались позади и которых не забуду всю свою жизнь.

Когда все это началось? Ну конечно же, в тот знойный июнь лихого сорок первого года. Наш 89-й артиллерийский полк 132-й стрелковой дивизии дислоцировался на Полтавщине, в Миргороде.

Прошедшее казалось кадрами из какой-то фантастически неправдоподобной картины. Но отрешиться от него сразу, да и потом было невозможно.

* * *

Начало лета сорок первого года. Украина, Полтавщина...

Кому привелось хотя раз побывать в этих местах, тот навсегда запомнит их. Небольшой городок Миргород с его вишневыми садами всем обликом своим напоминал мне родную Грузию. Глядя на густую траву в садах и скверах, я вспоминал просторные имеретинские дворы, покрытые такой же изумрудной травой, и забывал, что нахожусь вдали от родных Кавказских гор.

Особенно оживлен Миргород по вечерам. Медленно уплывает солнце за фруктовые сады, и вместе с ним уходят дневной зной, духота. Улицы заполняются нарядно одетыми людьми, всюду звучит веселый смех.

Неузнаваемо изменился Миргород за годы Советской власти. Глядя на его прямые, широкие проспекты, по вечерам залитые электрическим светом, я с улыбкой пытался представить себе гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, которые, прежде чем ступить ногой, прощупывали палкой дорогу, чтобы не увязнуть в грязи или не угодить в знаменитую миргородскую лужу.

Проходя по зеленым улицам города, я часто думал о великом грузинском поэте Давиде Гурамишвили.

Он родился в начале XVIII века, в мрачную историческую пору жизни своей родины. Пережившая тяжелое монгольское иго, раздираемая внутренними феодальными распрями, Грузия подвергалась опустошительным нашествиям турок и персов.

Однако грузинский народ не склонял головы перед иноземными захватчиками. Осенью 1724 года на Зедавельской равнине, около города Гори, произошла жестокая схватка с турками. Вначале перевес был на стороне грузин, а потом, как описывает Давид Гурамишвили,

От рассказов этих горьких
И в гортани горько стало!
Зедавельская долина
Ополчений не вмещала.
Атакуя войско турок,
Одолели мы сначала,
Но потом разбиты были:
Нас измена доконала.
Страшный день! Отряды турок
Проливали кровь невинных,
Обезглавливали женщин,
Чернецов, простолюдинов.
Наши головы возили
На арбах, в больших корзинах.
Мертвецов не хоронили,
Грызли волки их в долинах.

В одно раннее летнее утро 1728 года Давид Гурамишвили, скрывавшийся в Ксанском ущелье, был захвачен вооруженной группой лезгин и увезен в далекие дагестанские горы.

«Тяжко было, что лезгины не снимали путы с рук. Горе мне! Зачем не умер я от тяжких этих мук!»—говорит поэт.

После долгих мытарств он бежал из плена, но неудачно! Беглец был схвачен и брошен в глубокую сырую яму.

Решив во что бы то ни стало вырваться из заточения, Гурамишвили бежал вторично. Босой, в лохмотьях, без куска хлеба, он направился на север. 12 суток поэт блуждал в не знакомых ему горах, укрываясь от непогоды в пещерах, питаясь только дикими ягодами. Благодаря счастливому стечению обстоятельств Гурамишвили удалось пробраться на Северный Кавказ. И вдруг, рассказывает он, «до ушей моих донесся дальний благовест церковей». Поэт был спасен:

«Лазарь, дай-ка парню хлеба», —
Кто-то, сжалившись, сказал.
Слово «хлеб» слышав ухом,
Я, как лист, затрепетал,
Закачался на ногах я,
Пошатнулся, застонал

И, как рухнувшее зданье,
Без сознания упал.
Слово «хлеб» я знал по-русски.
Слышал я его и ране.
Услыхав его, я понял,
Что на русской я окраине.
И душа, забыв о муке,
Погрузилась в ликование.
И, как сноп, я там на землю
Повалился без сознанья.
Был казак в селенье этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.
Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою.

С Северного Кавказа Гурамишвили направился в Москву, где поступил в грузинскую гусарскую роту, которая впоследствии была переформирована в полк.

Россия стала второй родиной поэта, и он честно служил ей до конца своей жизни.

Первое боевое крещение полк получил в войне против турок, при взятии крепости Хотин на Днестре. Грузинские гусары, по свидетельству главнокомандующего русской армией фельдмаршала Миниха, «службу свою весьма храбро оказывают... Грузинцы поступали так, как надлежит храбрым и надежным людям, так что более требовать невозможно».

В Семилетней войне доблестные русские войска вместе с грузинским полком, по словам Гурамишвили, «поколебали устой трона прусского короля». Летом 1758 года под Кюстрином поэт попал в плен к немцам и был заключен в Магдебургскую крепость. После освобождения из плена он поселился под Миргородом, где ему был выделен участок земли. Там он создал гениальный поэтический сборник «Давитиани».

В 1792 году Гурамишвили умер и был похоронен в ограде миргородской успенской соборной церкви.

Благодатная украинская земля приняла в себя прах великого Давида, а в городе Сурами долгие годы жила поэтесса Лесья Украинка. Эти факты — еще одно свидетельство братской дружбы наших народов.

Я люблю поэзию Гурамишвили и Леси, знаю наизусть многие их стихи. Гуляя июньским вечером по оживленным улицам Миргорода, я даже приблизительно не мог предпо-

лагать, что некоторые факты из биографии поэта-изгнанника станут в какой-то мере похожими на отдельные страницы моей военной жизни. Мимо, смеясь и громко разговаривая, проходили юноши и девушки — потомки тех украинцев, которые два столетия назад протянули руку помощи моему поэту-земляку Гурамишвили...

* * *

На рассвете в полку объявили боевую тревогу — немцы бомбили Киев. Еще никто не сказал нам ни слова, но каждый из нас сердцем понял: война. В полдень, затаив дыхание, мы слушали заявление Советского правительства. Все стало ясным: фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину. Понятно, с каким нетерпением бойцы ждали приказа о выступлении, а его не было...

— Когда же нас — на фронт, — взволнованно спрашивал я командира огневого взвода лейтенанта Киселева.

— Не спеши, товарищ младший сержант, — успокаивал Киселев. — Придет и наш черед.

Помню, встретил как-то своего друга младшего лейтенанта Симона Беридзе. Беседуя, мы вошли в лес. Симон, прислонившись к дереву, немного помолчал и заговорил:

— Душа огнем горит — отступаем. Разве легко перенести такое? Война будет тяжелой, не все вернутся домой. Если погибну, утешь моих родителей. С тобой случится несчастье — я сделаю то же.

Симон сдержал слово — написал с фронта отцу о моей якобы гибели. Но утешать семью друга пришлось мне: лейтенант Беридзе погиб смертью храбрых в 1943 году...

В последних числах июля наш полк выгрузился на станции Чаусы и сразу попал под бомбежку фашистских самолетов. Сейчас не могу припомнить, сильной или слабой была та, первая в моей жизни, бомбежка. Но поначалу я и мои товарищи испытывали чувство страха. Ведь для нас это было первое крещение огнем. Пока мы участвовали лишь в маневрах, а войну видели только в кино да читали о ней в книгах.

Страх исчез, когда было приказано открыть ружейно-пулеметный огонь по вражеским бомбардировщикам. Впоследствии не раз проверял на себе и своих бойцах: когда на огонь противника отвечаешь огнем, страха нет. Тобой владеет лишь чувство боевой ярости.

После бомбежки мы заняли оборону вдоль Варшавско-

го шоссе и удерживали свои позиции почти месяц. Запомнился первый бой. На нашу батарею, качая курносими стволами пушек, двигались пятнадцать немецких танков, ведя с ходу артиллерийскую и пулеметную стрельбу. С воздуха танковую атаку прикрывали «юнкерсы». Было не легко, но мы выстояли. Мне посчастливилось подбить три фашистских танка. Потом вражеские атаки следовали одна за другой, и мы потеряли им счет.

Вскоре полк был окружен и продолжал вести бои в глубоким тылу противника. Наши силы таяли. Когда был сделан последний выстрел последним снарядом, командир батареи приказал привести в негодность орудия. Слезы выступали на глазах артиллеристов, но приказ — есть приказ. Теперь нам предстояло прорвать вражеское кольцо и выходить из окружения небольшими группами. Одну группу из восьми человек довелось возглавить мне.

С наступлением темноты, уложив раненого лейтенанта Киселева на плащ-палатку, мы двинулись на юго-восток. Боевое охранение противника миновали благополучно. На следующую ночь Киселеву стало совсем плохо и его пришлось оставить у незнакомой женщины в деревне, даже названия которой мы не знали.

Я считал своего командира погибшим и только после окончания войны случайно узнал, что он жив и работает учителем в Харьковской области.

...Почти три месяца скиталась наша группа по вражеским тылам, пройдя многокилометровый путь от белорусских болот до заснеженных степей Сумщины. А фронт немудрено отодвигался на восток...

Я снова шел по земле Украины, но как же все изменилось вокруг! На месте цветущих сел — обугленные развалины, а там, где села уцелели, хозяйничали фашисты. Хочется добрым словом упомянуть местных жителей: рискуя жизнью, они делились с нами последним куском хлеба, пускали в свои хаты обогреться и отдохнуть, указывали самый безопасный путь.

Наступил декабрь и наше положение стало совсем невыносимым. Стояли такие холода, что, как говорится, от мороза даже камни лопались. По ночам в поле зло завывал ветер. Кое-где в окнах хат, занесенных снегом, мерцал слабый огонек. Когда трещит тридцатиградусный мороз, свет, словно магнит, притягивает к себе человека. Но мы опасались приближаться к жилью — в то время почти во всех

селах находились фашисты. Поэтому мы зарывались днем в стоявшие в поле стога сена и спали в них или коротали ночи в полуразрушенных пастушьих землянках.

Первое время от мороза кожа так горела, словно меня ошпарили кипятком. Потом она затвердела и потеряла всякую чувствительность. Когда случалось посмотретья в зеркало, я не узнавал себя в грязном, бородатом человеке.

Холод и голод, скитальческая жизнь основательно подорвали наши силы. Остаться дольше в таком положении было невозможно, и накануне нового года мы решили пойти в оказавшуюся на пути деревню Дубовязовку. Это был акт отчаяния. «Будь, что будет», — сказал кто-то из нас. Набравшись смелости, осторожно постучали в дверь крайней хаты. Открыла нам дряхлая старушка. Она впустила нас, накормила чем могла, затем постелила на полу.

Необходимо было соблюдать большую осторожность. Мы выбрали товарища, который был на вид бодрее остальных, и сказали ему: «Будешь караулить во дворе, как только заметишь что-нибудь подозрительное, сейчас же дай нам сигнал». Выставив часового, улеглись и тотчас заснули, как убитые.

Однако наш сон был непродолжителен. Часа в четыре утра в дверь хаты громко постучали. Хозяйка разбудила нас и бросилась к двери.

Хата быстро заполнилась фашистами. Вскочив, мы, еще сонные, стояли под дулами автоматов. Гитлеровцев было намного больше... Но почему молчал часовой, что с ним произошло?!

Обыскав каждого, нам приказали выйти наружу. Хозяйка проводила нас плачем. Перешагнув порог хаты, мы увидели нашего часового. Он лежал с разбитой, окровавленной головой: видно, удар был нанесен внезапно ружейным прикладом.

По дороге фашисты с особой злобой смотрели на меня, по-видимому, они решили, что такой детина непременно должен быть командиром. Однако, не обнаружив ничего подтверждающего принадлежность к командному составу, гитлеровцы оставили меня в покое.

Все семь бойцов знали, что я член партии, но никто не проронил об этом ни звука; среди нашей группы предателей не было.

К полудню нас привели в Конотопский лагерь военнопленных.

Конотопский лагерь...

Три ряда колючей проволоки. Приземистые бараки. Но они не могли вместить всех. Пленные валялись прямо на голой земле, под открытым небом, совершенно обессиленные голодом, холодом, каждодневными побоями.

Нечеловеческие, антисанитарные условия вызвали эпидемию тифа.

Попав в этот ад, я с первого же дня твердо решил: чего бы это ни стоило, бежать.

В лагере встретился мой однополчанин офицер Сергей Анисимов. Ему первому и открыл я свою заветную мечту:

— Надо отсюда выбираться. Неужели нам суждено погибнуть в этом проклятом лагере?

— Нет, здесь подыхать я не намерен, — оживился Анисимов. — Подберем ребят и двинем к фронту. Мы еще повоюем...

Вместе начали готовить побег. Присматриваясь к окружающим, изучая их, прикидывали, на кого можно будет положиться в решительную минуту.

А тут к мукам голода прибавилась еще одна беда — отсутствие табака. Для нас, курящих, легче было остаться без пищи, чем без курева. На территории лагеря росло несколько чахлах деревьев. С них содрали кору, высушили ее, растолкли и курили вместо табака.

Как-то мне удалось раздобыть щепотку махорки, но где достать бумагу? Обратился к пленному врачу Савченко. Он огляделся по сторонам и протянул туго скрученную газету:

— Прочти, а потом можешь использовать на раскурку.

Я с волнением и благодарностью принял от врача газету, послешно развернул ее. Это был номер «Правды». От радости у меня словно выросли крылья. Несколько раз с начала до конца жадно перечитал газету, затем передал ее наиболее надежным товарищам. Наша ленинская «Правда»! Никто из пленных не мог себе представить, что увидит сравнительно свежий номер газеты здесь, в фашистском лагере.

Позже Савченко рассказал, как к нему попала «Правда». Местные жители, несмотря на строжайшее запрещение немцев, нет-нет, да умудрялись подбегать к колючей проволоке и перебрасывать пленным продукты. Однажды Сав-

Сергей Анисимов, один из организаторов побега из фашистского лагеря военнопленных, командир батареи ковпаковского соединения

ченко на лету поймал краюху хлеба, завернутую в газету. Бросил ее молодой хлопец и стремглав убежал. Задумался Савченко: откуда у хлопца эта газета? Может, в городе действует подпольная организация? Но как найти к ней дорогу? Это стало главной задачей Савченко. Над этим задумался и я, когда врач поделился со мной своими мыслями.

Через некоторое время конотопские подпольщики снова дали знать о себе. Какие-то ребята перебросили через проволоку комья глины, в которых мы обнаружили патристические листовки. Соблюдая все меры предосторожности, разбросали их по всей территории. Вышло это у нас неплохо; охранявшие лагерь фашисты так ничего и не заметили.

А лагерная жизнь между тем шла своим чередом.

Для меня навсегда останется памятным 15 января 1942 года. Было около пяти часов утра, когда поднялся сильный шум. Как выяснилось, нас должны были повести на работу в город.

— Лос! Бисро! — кричали фашисты, избивая прикладами стоявших впереди товарищей.

Пленные старались поскорее проскочить в двери, чтобы избежать ударов.

Подошла и моя очередь. «Рус!» — заорал фашист и с такой силой ударил прикладом в лицо, что я упал на землю и потерял сознание. Сергей Анисимов и Ной Чабукани, который попал в лагерь еще осенью, подхватили меня и вынесли из строя. Когда пришел в себя, очень болело лицо. Гитлеровец выбил мне зубы.

Долго переживать случившееся не пришлось; главным для нас было как можно скорее подготовить побег. Конотопские подпольщики, с которыми вскоре удалось связаться

Михаил Тартаковский,
участник побега из фашистского
лагеря, храбрый боец
и переводчик ковпаковского
соединения

После выздоровления мне удалось устроиться в лазарете санитаром. Самое главное теперь заключалось в том, чтобы под разными предлогами с помощью врача Савченко перевести в лазарет организаторов побега. Эту задачу лучше других мог решить Миша Тартаковский. Он отлично владел немецким языком, и гитлеровцы использовали его в качестве переводчика. Будучи евреем, Тартаковский выдавал себя за крымского татарина-националиста, и фашисты считали его своим человеком. Всякий, не знавший Тартаковского близко, относился к нему с недоверием, настолько он был вхож к немцам. Честно говоря, я боялся сразу откровенно заговорить с Тартаковским, но Михаил неожиданно сам пошел мне навстречу.

— Вот что, дружище, — сказал он при одной из встреч, — незачем нам играть в прятки. Ведь вижу, что вы затеяли. И хочу...

— Бежать задумал? — спросил я прямо.

— Да, бежать. Но как?

— Надо перевести в лазарет товарищей, которые будут руководить побегом, — сказал я.

— Кто они?

— Сергей Анисимов, Василий Минко, Ной Чабукани, Владимир Кознаков, врач Ульяновский, Михаил Никитин...

через Чабукани, оказывали нам посильную помощь. Благодаря их заботам мы постоянно находились в курсе всех событий, знали детально, что происходит в городе, вплоть до того, на какой улице и когда ходят патрули.

Но тут неожиданно стряслась беда. Однажды утром я почувствовал недомогание. Во всем теле ощущалась слабость и ломота, начался озноб.

Обратился к врачу Шевченко.

— Тиф, — сказал он и отдал распоряжение немедленно отправить меня в лазарет, в котором я пролежал, борясь со смертью, почти четыре месяца.

— Это я устрою. — решительно сказал Тартаковский. И ему действительно удалось перевести в лазарет всех, кого мы наметили.

С помощью Тартаковского Михаил Никитин сумел получить от немецкой комендатуры пропуск. Он связался с местной подпольной комсомольской организацией, члены которой должны были стать нашими проводниками после того, как мы выберемся из лагеря.

Для побега мы отобрали тридцать два человека, среди них были две женщины. Конотопские подпольщики снабдили нас оружием, продуктами и взялись в назначенный час вывести за город.

Желавших бежать из лагеря было много, поэтому Ною Чабукяни поручили организовать следующий побег. После войны я узнал, что провокатор выдал фашистам Чабукяни и они повесили его, а лагерь дополнительно обнесли рядами колючей проволоки.

...В намеченное нами воскресенье, 29 августа 1942 года, гитлеровцы, как обычно, пьянствовали, поручив охрану пленных предателям-полицейским. А те, в свою очередь, напились сами, значительно облегчив тем самым нашу задачу.

Вечером меня и Анисимова Тартаковский вывел через ворота как «могильщик» для закапывания умерших. Остальные выбрались из лагеря через заранее подготовленные проходы.

Когда мы вышли за город и стали приближаться к роще, где был намечен сборный пункт, то заметили, что за нами кто-то крадется. Все переполошились: кто знает, что это за человек? Стоило нам остановиться, как неизвестный тоже останавливался; двинемся мы, и он двигается вслед. Вскоре выяснилось, что нашим «преследователем» оказался один из пленных — Ясон Жоржолани. Оказывается, он следил за нашими приготовлениями к побегу. И как только мы выбрались из лагеря, последовал за нами. Когда Ясон, наконец, подошел ближе, то в первую очередь обратился ко мне с упреком: «Почему скрыли от меня побег?» Я раньше не знал Жоржолани, впервые увидел его в концентрационном лагере. Впоследствии, в ковпаковском соединении, он проявил себя отважным разведчиком.

Наша группа, сопровождаемая двумя подпольщиками-проводниками, шла всю ночь. Наступил рассвет. Мы посмотрели друг на друга и впервые увидели на лицах улыбки.

ки. Как хорошо — свобода! Это особенно оценил и почувствовал каждый в то утро.

Потом тридцать три бывших пленных устроили в небольшой роще первое собрание. На нем каждый сообщил краткие сведения о себе. Среди нас оказалось десять членов партии, тринадцать комсомольцев и десять беспартийных.

Надо было быстрее добраться до леса. Ближайшим отсюда был Спадщанский массив. Конотопские комсомольцы довели нас до него и вернулись домой. Не встретив здесь партизан, мы решили продолжать свой путь.

В дороге потеряли сначала двух женщин, а потом — двух мужчин. Случилось это так: наши женщины отправились в село Ярославец на разведку. Мы долго ждали их, но они не вернулись. Как выяснилось позже, обе они были арестованы полицейскими и затем повешены.

Нас очень огорчила их гибель, Анисимов неоднократно советовал им быть осторожными. На это одна из них бесечно ответила: «Волков бояться — в лес не ходить!».

Эти женщины в первые же месяцы Отечественной войны попали на фронт санитарками. Сколько раз приходилось им под огнем врага выносить с поля боя тяжело раненных воинов, спасая им жизнь. И вот где им изменила судьба! Как говорится: «В море не утонул, а каплей захлебнулся». Избавились от плена, вырвались на свободу и погибли от рук предателей. Я, к сожалению, не знал фамилий этих женщин. Помню, что молодую звали Марусей, а ту, что на вид была постарше, — Петровной.

Так же трагически закончилась жизнь двух мужчин из нашего отряда: они вышли из лесу на дорогу, фашисты обнаружили их, подкрались сзади и расстреляли из автоматов.

В нашей группе оставалось двадцать девять мужчин — бородатых, одетых в лохмотья, с разбитыми, окровавленными ногами. Шатаясь от усталости, мы шли вперед. У нас было твердое решение — добраться до линии фронта и влиться в Советскую Армию. Однако осуществлению этого намерения мешало множество препятствий: мы не знали местности, не имели ни карты, ни компаса, нашими путеводителями были лишь небесные светила. А по дорогам ездили на машинах гитлеровцы, и ввязываться с ними в бой, будучи почти безоружными, было бессмысленно.

Нас была горстка. Но в сердце каждого горел неугасимый огонь ненависти к врагам. Все хотели только одного:

как можно скорее включиться в активную борьбу с оккупантами.

Время от времени мы заходили в села, в которых иногда ставались по нескольку часов. Крестьяне, чем могли, помогали нам, хотя отлично понимали, что это может стоить им жизни. Скоро мы узнали, что севернее, в Брянских лесах, действует большой партизанский отряд. С огромной любовью отзывались украинские крестьяне о командире отряда Ковпаке. Говорили, будто у него множество танков, пушек и даже самолетов. Было решено идти к Ковпаку.

Хорошо в лесу в августе. Мы шли спокойно, без всякого страха располагались на ночь под открытым небом. Старый лес щедро снабжал нас грибами, дикими грушами, терном.

Иногда мы заходили в лесные хутора, но... большинство их было сравнено с землей. Печальная картина: опустошенные дворы изрыты глубокими ямами, повсюду пепел.

Однажды мы увидели у самой опушки леса небольшой домик. Подошли ближе и заглянули в окно. Убедившись, что здесь кто-то живет, решили дождаться возвращения хозяина и уселись перед самым домом на длинном бревне. Вскоре из леса показался белокурый мужчина средних лет, с румянцем во всю щеку.

Незнакомец приблизился к нам. Поздоровались.

— Вы, наверное, лесник? — спросил я.

— Двадцать лет работаю лесником, — неохотно ответил незнакомец.

— Должно быть, скучно вам здесь? Уж больно глухое место.

— А мне не приходится постоянно жить в лесу. В ближайшем селе — семья, и я часто бываю там.

— Здесь, наверное, безопасно. Никто вас не тревожит?

— Как сказать... — неопределенно буркнул он.

— Доходят до вас какие-нибудь известия о войне? — снова спросил я его.

— А от кого тут узнаешь!

— А нет здесь где-нибудь поблизости партизан?

Лесник настороженно нахмурил брови. Я решил успокоить его:

— Ты нас не бойся, мы, как тебе самому понятно, не полицай. Ищем партизан.

— Это-то я понимаю, — едва заметно усмехнулся лесник. Он помолчал немного и завел какой-то ничего не зна-

чащий разговор о погоде, о дичи, которой немало в этих местах.

Я все же решил возобновить разговор о партизанах.

— Все это, конечно, интересно, но нас интересует другое, — есть здесь партизаны или нет?

— Партизаны? Как вам сказать... Слышал, будто есть, а сам никогда никого не встречал, — ответил лесник.

Впоследствии, уже находясь в отряде Ковпака, я узнал, что лесник был связным партизан. Вполне естественно, что он ничего не сказал на расспросы незнакомых людей.

Светало, когда мы подошли к Ворголу — живописному селу, утопающему в зелени садов и огородов.

Осторожно постучали в дверь дома, стоявшего у самой дороги. Вышла старушка и взволнованно зашептала.

— Зачем пришли, детки мои! В селе полно немцев, вот вот будут подниматься. Не пощадят они вас, загубят. Да что же мне с вами делать, родименькие вы мои, где спрятать вас? Идем за мной на огород. Сховайтесь тамочки, пока эти изверги уйдут.

Мы залегли на огороде. Действительно, скоро поднялись немцы. Они построились на улице и в походном порядке выступили из села. То, что в этот тихий как будто район пришли сравнительно большие силы немецкой армии, подтверждало, что где-то поблизости — партизаны. И должно быть, ковпаковцы, о которых мы уже немало слышали. Это обрадовало нас и придало новые силы.

Передохнув, снова ушли в лес. Меж деревьев вилась нескончаемая узкая тропа. Стемнело. Наш отряд медленно продвигался вперед. Все молчали. От усталости пропала охота говорить.

Вдруг Анисимов остановился, прислушиваясь:

— Слышите? Кто-то идет. Приготовиться!..

Мы поспешно свернули с тропинки и скрылись в кустах.

Внезапно прогремел выстрел. По лесу прокатилось эхо. За выстрелом последовал залп. Мы тоже открыли огонь. Затем наступила тишина, и невидимый за деревьями человек по-русски крикнул: «Кто там?». Мы ответили. Переговоры длились недолго: выяснилось, что мы имеем дело с ковпаковской разведкой. К счастью, наша стычка обошлась без жертв.

Сошлись, поздоровались.

— Еще хорошо, что не перестреляли друг друга, — сказал командир партизанской разведки Берсеньев.

Ничего не поделаешь, нужна большая осторожность, сейчас в лесу всякого народу много: и врагов, и друзей.

Берсеньев двинулся вперед. Мы последовали за ним. Сбылась, наконец, наша мечта: мы у своих. Хотя и не дошли до линии фронта, зато попали в прославленный партизанский отряд Ковпака.

* * *

...Вот мы и в Старой Гуте, в партизанской столице, как любовно называли свое село и сами гутовцы, и партизаны.

Красивое село Старая Гута. Оно расположено в юго-западной части Брянских лесов и как бы вставлено в рамку курчавого леса. Гутовцы — народ смелый. Их не смогли сломить фашистские репрессии. Здесь продолжали действовать советские законы и порядки.

— Мы свободный народ! — говорили про себя гутовцы, — если понадобится, все, как один, пойдем в бой. Фашистам над нами не пановать.

В военном отношении у Брянских лесов было большое преимущество в сравнении со Спадщанским. Врагу было очень трудно контролировать их необозримые массивы.

У этих лесов есть одна удивительная особенность. Один участок со всей своей растительностью в точности повторяется в другом месте. Стоило отойти от лагеря на один километр, и потом в течение нескольких часов приходилось отыскивать свои землянки...

Берсеньев привел в лагерь отряда. На небольшой полянке между гигантскими соснами пылало несколько костров. Между деревьями дрожали розовые отблески пламени. Вокруг костров сидели люди. Немного поодаль, у телег, стояли лошади. Тут же на земле сложено военное снаряжение. Как только увидел эту милую сердцу каждого солдата картину воинского бивуака, сердце мое сильно забилося, словно после утомительного и опасного путешествия я снова попал в родной дом.

Сидора Артемьевича Ковпака в лагере не было: он вылетел в Москву на совещание командиров партизанских отрядов: его замещал комиссар отряда Руднев. Ему мы и представились.

На всю жизнь запомнил я первую встречу с Семеном Васильевичем Рудневым. Его большие черные глаза сверкали. Когда он улыбался, лицо озарялось внутренним све-

том. Он подробно расспросил нас и, узнав, кто мы и откуда пришли, сказал:

— Вам, наверное, известна народная поговорка: «Утро вечера мудренее». Об остальном потолкуем завтра. Теперь же надо отдохнуть, уж больно усталый у вас вид.

Мы доложили, кто из нас член партии, кто кандидат и кто — комсомолец.

...И вот, после такого продолжительного перерыва сегодня, сейчас, я снова иду на партийное собрание!

Трудно передать словами, какое ни с чем не сравнимое счастье испытал я во время этого собрания. Я слушал товарищей и думал о том, что еще предстоит мне, молодому бойцу родной моей партии...

«Впереди бои, ожесточенные, кровопролитные схватки с коварным и сильным врагом, впереди борьба, требующая множества жертв и много крови. Но мне ничего не страшно. В любой огонь пойду по твоему приказу, моя партия, и никакие страдания, никакие трудности не остановят меня... Нет, ничего мне не страшно, даже сама смерть, потому что бессмертно твое святое дело, великая партия!», — так думал я на том первом для меня партийном собрании в партизанском отряде, хотя оно было совсем не торжественным, и обсуждались на нем обычные вопросы.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПРИ ЖИЗНИ

Песню эту сочинил партизан Рудь, погибший в Брянских лесах:

Идем, не сгибаясь, в железном строю
За счастье народа, за землю свою.
Чтоб снова на ней, на земле на родной,
Стояли хлеба золотой стеной.
Чтоб яблони снова дымились в цвету,
Чтоб вольная песня неслась в высоту, —
О мать Украина, родная земля!
Мы вражеской кровью напьем поля,
За все твои раны врагу отомстим,
Живому отсюда уйти не дадим...

О ком рассказывала эта песня? О командире и комиссаре нашего партизанского отряда.

Организатор и руководитель партизанского отряда Сидор Артемьевич Ковпак — потомок свободолюбивых запо-

рожских казаков. Он, старый солдат, еще во время первой мировой войны принимал участие в известной военной операции генерала Брусилова по разгрому австро-германских войск на Юго-Западном фронте русской армии. В гражданскую войну Ковпак — большевистский командир. Был разведчиком в дивизии легендарного Чапаева, сражался под командованием Пархоменко.

Великая Отечественная война застала Ковпака в Путивле (Сумская область), где он работал председателем городского Совета. Позже, когда Сидор Артемьевич вернулся из Москвы, я несколько раз слышал, как он рассказывал молодым партизанам о своей жизни, своей довоенной работе.

...Сидор Артемьевич Ковпак родился 26 мая 1887 года, в селении Слобода-Котелково Харьковской губернии, в семье бедного крестьянина. Отец буквально выбивался из сил, чтобы прокормить большую семью. Маленького Сидора определили в приходскую школу, где он научился грамоте. После этого родители отдали сына в услужение местному торговцу, который взял на себя обязательство только кормить мальчика. Двенадцать лет проработал у него Сидор. Однажды приехал отец и сообщил: тебя призывают на военную службу.

Сидора одели в военную форму и направили в Саратов. Здесь он прослужил три года.

В 1912 году истек срок воинской повинности и Ковпак вернулся домой. Но лишней едой был в тягость бедняцкой семье, и он решил снова возвратиться в Саратов. Здесь больше месяца скитался по городу в поисках работы. В конце концов с помощью знакомых рабочих устроился в одну артель. Недолго трудился в ней и поступил на работу в трамвайное депо. Здесь его и застает первая мировая война. По мобилизации Ковпак был зачислен в тот самый полк, где до этого проходил воинскую службу.

Полк направили в город Люблин, откуда его буквально с ходу бросили в бой. Вначале Ковпак был связистом, затем стал солдатом разведывательной команды. Ему часто приходилось проникать в расположение неприятельских войск, откуда он неизменно доставлял в штаб ценные сведения.

Когда генерал Брусилов осуществил мощный рывок на юго-запад, который вошел в военную историю как «Брусиловский прорыв», Ковпак принимал участие в этом сражении. Многие в то время думали, что враг не выдержит

столь мощного натиска и капитулирует. Были захвачены тысячи пленных, богатые трофеи. Но вскоре наступление захлебнулось. И на этот раз не обошлось без измены в высших военных сферах. Наступила затяжная позиционная война. Затем — Февральская революция. В армии начались волнения. Солдаты устраивали митинги. Среди них с большим успехом распространялись большевистские прокламации. Известный лозунг Ленина о мире и хлебе был с энтузиазмом принят людьми в серых шинелях. Войска отказывались выполнять приказы Временного правительства.

Ковпак примкнул к восставшим солдатам и возвратился домой. Дома все было по-старому. Так же свирепствовали жандармы, полицейские. Восставшие солдаты объединились, разгромили полицейских, жандармов, заняли телефонную станцию и помещение участкового управления. На площади состоялась десятитысячный митинг. Было принято решение о передаче помещичьих земельных угодий трудовому крестьянству. Избрали сельский ревком. Ковпак был назначен председателем земельной комиссии. В течение нескольких дней у помещиков были отобраны земли и переданы беднейшей части крестьянства.

Вскоре Сидора Артемьевича Ковпака направили в легендарную дивизию Чапаева, где он вначале был разведчиком, а затем руководил сбором и хранением оружия.

После окончания гражданской войны партия направила Ковпака на работу в торговлю.

Это были тяжелые годы нэпа. Чапаевец и на этом фронте с честью выдержал экзамен. И тогда Павлоградский райком партии рекомендовал его в Путивльский горсовет начальником отдела дорожного строительства. Вскоре Сидора Артемьевича избирают председателем исполкома.

В течение многих лет работал Ковпак на посту председателя Исполнительного Комитета депутатов трудящихся города Путивля. Многого успел сделать, еще больше было задумано:

— Мы, путиловские большевики, — говорил Ковпак, — решили вывести наш район на первое место во всей Украине. И перед войной уже были близки к достижению этой цели: мы стали участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. На всю Украину славилась наши колхозы, гидроэлектростанции, клубы, школы и амбулатории. Мы созда-

ли отличные животноводческие и птицеводческие фермы. Но как раз в этот момент началась война.

— Я должен идти на фронт, мы сейчас нужны там, — заявил Ковпак секретарю городского партийного комитета.

— Нет, — ответил тот, — ты нам нужен именно здесь. Наша организация поручает тебе организацию партизанских отрядов и руководство ими. Ты ведь сам видишь, как быстро продвигается враг.

Воля партии — закон, и Ковпак приступил к делу. Создание партизанских отрядов требовало большой осторожности и напряженной работы. На него же возлагалось обеспечение партизанских отрядов на территории Сумской области провиантом, обмундированием и военным снаряжением.

Областной комитет партии поручил Ковпаку закладку партизанской базы в Спадщанском лесу.

10 сентября 1941 года враг ворвался в Путивль. К этому времени Сидор Артемьевич вместе со своими друзьями завершил всю подготовительную работу.

Первые же бои с противником показали необходимость объединения отдельных разрозненных партизанских отрядов, действующих в Спадщанском лесу.

— В начале войны, — рассказывает Сидор Артемьевич, — я и Семён Васильевич Руднев вышли одновременно из Путивля, возглавляя небольшие партизанские отряды, которые должны были вырасти в крупные партизанские соединения. Мы действовали в разных направлениях: Руднев вел подготовку в Новослободском лесу, а я — в Спадщанском. Прошло несколько месяцев, мы ничего не знали

Дважды Герой Советского Союза
генерал-майор С. А. Ковпак

друг о друге. И вот в декабре 1941 года разведчики Руднев неожиданно попали в наш лагерь. Для них встреча с мной была неожиданной. Фашистские агенты распространили слух, что отряд Ковпака уничтожен, а сам Ковпак схвачен и повешен. На другой день командование наших отрядов провело совместное совещание, на котором обсудил создавшееся в районе положение и решили объединить отряды.

— Ну что же, Сидор Артемьевич, — сказал Руднев, — ты командуй отрядом, а я по старой привычке буду комиссаром. Так и сделали. Начальником объединенного штаба был назначен учитель из Путивльского района Григорий Яковлевич Базима, его помощником — учитель из Белоруссии Николай Курс.

Вначале в объединенном партизанском отряде насчитывалось шестьдесят семь бойцов, вооруженных сорока семью винтовками, шестью автоматами и одним ручным пулеметом. Уже в середине декабря отряд с боем проложил себе путь к Брянским лесам. Это был его первый рейд.

* * *

Бежит, торопится время...

Более четверти века прошло уже с того времени, как я попал к ковпаковцам, но у меня и сейчас перед глазами стоят лица партизан, расположившихся вокруг догорающего костра. Они, затаив дыхание, слушают командира, и кто знает, о чем они думают. Каждый из них, наверное, вспоминает свое недавнее прошлое, счастливые мирные дни.

Среди бойцов спокойно сидит Семен Васильевич Руднев и усталыми глазами смотрит на тлеющие поленья. Когда вспоминаю его, то он неизменно предстает передо мной вот таким: задумчивое, почти суровое выражение лица, изогнутые брови вскинуты кверху. Сосредоточенно смотрит в одну точку. Я всегда как-то безотчетно глубоко верил во внутреннюю силу этого человека. Он был моим старшим другом, воспитателем и руководителем. Молодежь должна знать все о жизни этого легендарного большевика.

Семен Васильевич Руднев родился в 1900 году в селении Мошевка Путивльского района Сумской области. Семья была большая — четырнадцать душ. С детства началась для маленького Сени тяжелая трудовая жизнь. Но это не помешало ему окончить четырехклассную приходскую шко-

лу. В 1914 году старшие братья Се-
ни повезли мальчика в Петербург.
Вначале он был почтальоном, затем
устроился учеником на Русско-бал-
тийский завод. Здесь работал це-
ховым мастером его двоюродный
брат С. Тверетинин, который яв-
лялся активным участником неле-
гальной группы и был членом парт-
нии с 1905 года. С. Тверетинин во-
влек в революционную деятель-
ность старшего брата, а вскоре и
Сеня получил первое поручение. Он
распространяет большевистские
прокламации.

Жандармы нападают на его след
и арестовывают. Юношу заключи-
ли в Выборгскую тюрьму, в оди-
ночную камеру. Его пытали, стара-
ясь выбить сведения о
большевистской организации и ее
руководителях. Но тю-
ремщикам так и не удалось сломить волю юного Семена
Руднева. Тюремная администрация была вынуждена осво-
бодить его за неимением улик, но после этого он постоян-
но находился под полицейским надзором.

В 1917 году Семен Васильевич вступает в ряды больше-
вистской партии и зачисляется в Выборгский красноармей-
ский отряд. Именно этому отряду была поручена охрана
Финляндского вокзала в день приезда из-за границы Вла-
димира Ильича Ленина.

В этом же году Семен Васильевич плечом к плечу с пет-
роградскими рабочими сражается против корниловцев. А в
жаркие дни Октября он штурмует Зимний дворец.

В годы гражданской войны Руднев выполняет многочис-
ленные ответственные поручения партии. В июле 1918 го-
да его направляют в Пензенскую губернию уполномочен-
ным по заготовке провианта для четвертой Ленинградской
бригады. Незадолго до этого он избирается секретарем
партийного комитета бригады.

Когда вновь нависает гроза над молодой Советской рес-
публикой, Руднев идет на фронт вместе с 373-им стрелковым
полком. Он — командир взвода и секретарь партийной
организации полка.

Семен Васильевич сражался на фронтах гражданской

Герой Советского Союза
генерал-майор
С. В. Руднев

войны почти до самого ее окончания. В одном из боев получил тяжелое ранение и был отправлен в тыл. После выздоровления партия направила Руднева на краткосрочные курсы командиров. Окончив их, испытанный командир и политработник назначается в Донецк инструктором, где ведет большую работу по восстановлению Донецкого каменноугольного бассейна. Вскоре Семен Васильевич снова возвращается в армию. Он назначен помощником комиссара 42-го полка 15-й Сивашской дивизии. Отсюда его переводят комиссаром в дивизионную школу младшего комсостава.

С этих пор молодой командир отдает все свои силы и знания делу подготовки кадров для Красной Армии.

В 1929 году Руднев успешно оканчивает Ленинградскую Военно-политическую академию и назначается военным комиссаром артиллерийского полка, расположенного на Черноморском побережье Кавказа. Полк в течение непродолжительного времени становится образцовым, и в этом немалая заслуга его комиссара, который постоянно являл собой пример высокой принципиальности и дисциплины, большевистской чуткости к людям.

Была заметна огромная увлеченность Семена Васильевича художественной литературой. Он глубоко знал русскую и зарубежную классику. Любовь к книге была свойственна всем членам его семьи. Здесь часто шли интересные диспуты на литературные темы.

С какой-то особенной нежностью любил Семен Васильевич свою жену и двух сыновей — Радика и Юрия. Жена Руднева — Доминика Даниловна, педагог по профессии, всегда радушно встречала друзей мужа, которые знали ее как очень интересного собеседника, обаятельную и приветливую женщину.

Сам Семен Васильевич Руднев был замечательным рассказчиком. Я никогда не забуду его взволнованных воспоминаний о встрече с Лениным. Должен признаться, этот рассказ произвел на меня большое впечатление, чем все увиденные кинофильмы и спектакли.

В 1932 году Руднева назначили начальником политотдела и комиссаром 9-й бригады на Дальнем Востоке. Это был ответственный и очень неспокойный пост: японские милитаристы готовили нападение на СССР и от наших войск постоянно требовались высокая боеготовность и бдительность.

Большую часть своей сознательной жизни, свыше двух десятилетий, Семен Васильевич провел в рядах Красной Армии, из них семь лет на Дальнем Востоке. За храбрость и отвагу, проявленные в боях у озера Хасан, он был награжден орденом Красной Звезды.

В 1937 году Семен Васильевич был оклеветан, арестован и провел два года в заключении. Тяжелые испытания подорвали его здоровье. Он был признан негодным к военной службе и переведен на пенсию.

Перед началом Отечественной войны Руднев работал в городе Путивле председателем районного комитета Осоавиахима.

Семен Васильевич имел среди партизан непререкаемый авторитет. В его тоне всегда скорее чувствовалась просьба, чем приказание. Но эта просьба была сильнее любого приказа. Подобно электрическому току передавалась всем его неуемная энергия, вера в правоту нашего общего дела.

Бесстрашный воин, мудрый партийный руководитель, кристально чистый и душевный наш старший товарищ и друг — таким навсегда остался в моей памяти этот замечательный человек с чуть-чуть грустными и внимательными глазами.

„ОДИССЕЯ“ ВАНО РЕХВИШВИЛИ

Измученные долгими скитаниями, мы в первую ночь прибытия в лагерь спали как убитые. Проснувшись утром и еще лежа с закрытыми глазами, я почему-то вспомнил эти стихотворные строки.

Строки Давида Гурамишвили:

О, пленительная ликом!
Отблеск вечного светила!
Ни одна страна на свете
Мне тебя не заменила.
Сделай так, чтоб в отчих землях
Приняла мой прах могила!
Дай войти мне в рай небесный
Мимо адского горнила!
Ты одна моя надежда,
Жизни сладостный родник!
Неужели до кончины
Не увижу я твой лик?
Дай мне, господи, из плена

Возвратиться хоть на миг,
Отомстить врагам за горе —
То, что я от них постиг..!

Я поймал себя на том, что несколько раз повторил про себя в те дни.

Наверное, эти строки лучше всего выражали то, что творилось в моей душе...

Прогоняя остатки сна, быстро вскочил на ноги, огляделся.

Покрытые легким инеем кроны сосен были залиты лучами восходящего солнца. На лужайке, раскинувшейся среди лесной чащи, расположились партизаны.

Сидя на бревнах, они чистили оружие. Под трофейным грузовиком лежал шофер с гаечным ключом в руке. В стороне, у разведенного под березой костра, смеялись бойцы, слушая рассказ товарища. Неожиданно я услышал знакомые, родные слова. Прислушался: говорят по-грузински. Бросился к костру.

— Доброе утро, земляки! — сказал я громко по-грузински.

— Гамарджоба, мегоборо!* — неожиданно ответил пожилой украинец с длинными, как у Тараса Бульбы усами.

— Здоровеньки булы! — с сильным грузинским акцентом произнес широкоплечий, щегольски одетый молодой партизан.

Заметив мое недоумение, все рассмеялись. Как выяснилось тут же, в дружной партизанской семье мои соотечественники — грузины научились «балакать» по-украински, а их друзья — украинцы стали не без успеха употреблять в разговоре отдельные грузинские слова и выражения.

— Садись к нашему костру, дорогой, — переходя на родное наречие, приветливо сказал широкоплечий партизан и подвинулся, освобождая мне место. — А чтобы беседа текла, как быстрая Кура, и разливалась, как широкий Днепр, выпей вместо горилки или киндэмараули нашего крепкого чаю...

Так познакомился я с прославленным пулеметчиком ковпаковского отряда своим земляком Ваню Рехвиашвили. О том, как он попал в отряд, следует рассказать подробнее.

...Оказавшись в окружении, Ваню Рехвиашвили решил во что бы то ни стало найти партизан, о смелости и храбрости

* Здравствуй, друг!

сти которых много слышал от местных жителей. Как-то, окоченевший от холода, он забрел в одно небольшое село. Едва стемнело, постучал в первую же хату.

— Кто там, чего надо? — послышалось за дверью.

— Будь человеком,пусти меня! Я умираю от голода и холода.

— Как наступит вечер, от вашего брата покоя нет, — сказал человек за дверью. — Скажи мне хоть, кто ты.

— Я не вор и не разбойник. Не бойтесь,пустите меня!

— Э-эх, беда моя! — пробормотал хозяин хаты и сбросил щеколду.

В пролете двери предстал старик — украинец с благообразным, спокойным лицом.

— Что тебе от меня надо, сынок? Ни днем, ни ночью покоя нет! — начал он. — Вчера ночью три раза приходили немцы, все до ниточки перещупали, вверх дном перевернули. Грозилась: «Несдобровать тебе, если кого обнаружим!» — ну, как на счастье, за минуту до их прихода от меня ушел красноармеец. Если бы они застали его, нас обоих прикончили бы на месте.

— Бога ради, позволь только немного у печки обогреться, дай дух перевести. Я вот-вот свалюсь. Так закоченел, что не могу двигаться.

Старик сжалился:

— Входи. Всем нам, видать, одна смерть писана. Входи!

Вано подсел к раскаленной печке. Старик подвинул ему миску с горячей картошкой.

— По-украински умеешь говорить?

— Откуда мне уметь? Я и по-русски-то еле говорю...

Отважный пулеметчик
Вано Рехвиашвили

— А на каком же языке ты балакаешь?

— На грузинском.

— Ты грузин? Как раз четыре дня назад были у меня грузины. Ты тоже, наверное, от своей части отстал? Будь осторожен, друг. Сегодня жизнь человека стоит дешевле, чем жизнь курицы!

— Спасибо за сочувствие. Об одном тебя попрошу: скажи откровенно, нет ли где-нибудь поблизости партизан?

— Партизаны?.. Ну, как тебе сказать... Сегодня разве поймешь, кто где находится! — нерешительно ответил хозяин.

— Ты что-то неохотно мне отвечаешь. Неужели не доверяешь?

Хозяин стал одно за другим подкладывать в печку березовые поленья. Ярко вспыхнуло пламя, весело затрещали сухие дрова.

— Чего мне бояться? — уклончиво ответил он.

— Да я тебя не виню, время такое. Ты же сам сказал, что жизнь человека сегодня немного стоит.

— Сказал, так оно и есть. Ну, раз уж ты ко мне так пристал, слушай: в лесу, недалеко отсюда, стоит лагерем партизанский отряд Ковпака. Иногда его хлопцы заходят в наше село.

— Спасибо, дедушка. Если нам когда-нибудь придется свидеться, непременно отплачу тебе добром!

Долго они беседовали в ту ночь. Ваню согрелся. От тепла у него стало ломить кости. «А что, если мой хозяин сейчас предложит уходить на все четыре стороны: ведь я попросился к нему только обогреться. Что я тогда стану делать?» — подумал он.

— Постелю тебе около печки, спи до утра, а утром перекрестись — и в путь-дорогу...

— А если немцы нагрянут?

— Эх, будь что будет! В такую погоду и собаку на двор не выгонишь!

Горячая радость охватила Ваню, и он так крепко уснул, что, кажется, если бы над самым его ухом бухнула пушка, то и тогда бы он не проснулся!

Как только начало светать, хозяин разбудил своего гостя. Ваню поблагодарил доброго старика и пошел искать отряд Ковпака. Долго блуждал он по лесу, много пересек балок, полян. И неожиданно напоролся на полицейских.

— Кто такой? Откуда идешь? Куда идешь? — полицейские наставили на него винтовки и начали обыскивать.

— Марш вперед!

Что оставалось делать? Ваню подчинился.

Полицейские привели его к своему начальнику. В массивном дубовом кресле сидел бритоголовый мужчина средних лет, с трубкой в зубах. Мрачное, тупое лицо. Глаза без ресниц непрерывно слезились, и он ладонью вытирал их.

— Кто такой и откуда?

— Я красноармеец. Отстал от части.

— Откуда родом?

— Из Грузии.

— Наверное, хороший вояка?

— Куда уж мне!

— Партийный!

— Нет.

— С сегодняшнего дня будешь зачислен в списки полицейских и станешь служить новому порядку. Получишь обмундирование, обувь, винтовку, питание, табак, сколько захочешь. А когда окончится война, получишь здесь участок земли, — скороговоркой пообещал полицейский начальник.

— Спасибо за внимание, но я не гоюсь в полицейские.

— Собираешься в лес к партизанам улизнуть? Убери-те его! — приказал начальник своим подручным.

Ваню довольно крепко намяли бока и в последний раз предложили записаться в полицаи. «Запишусь, — подумал он. — ведь ковпаковцы близко. Если дадут винтовку или автомат, так убегу с этим оружием к партизанам».

— Ладно, запишите...

Его зачислили в полицию, дали трехлинейку. И на следующий день он со своей винтовкой был уже в партизанском лагере. Часовой потребовал документы, а их у Ваню не было и он попросил отвести его в штаб. Из-за кустов появился второй партизан и жестом предложил следовать за собой.

— Откуда пришел к нам? — спросил Ваню сидевший на пне старик. Напротив, на другом пне, сидел человек с черными усами на красивом лице. Первый был Ковпак, а второй — комиссар Руднев.

Рехвиашвили подробно рассказал им все, что с ним произошло.

— Много пришлось тебе помучиться, — заметил Ковпак. — Но нынче, браток, случаются истории и похуже.

— Меня заставили записаться в полицию, — сказал Ваню. — Я решил сделать это, чтобы иметь возможность бежать. Но все же я совершил недостойный поступок и готов понести за него самое суровое наказание.

Ваню волновался.

— Мы тебя не знаем. Пока останешься у нас. Будущее все покажет. Но помни: мы верим делам человека. И только делами проверяем его слова.

Вскоре Рехвиашвили снова вызвали к Ковпаку.

— Тебе известен пароль полицейских на сегодняшний день? — спросил его командир отряда.

— Известен.

— Так вот, с тобой пойдет группа наших партизан. Этой операцией будет руководить Семен Васильевич Руднев, — сказал Ковпак.

Вскоре партизаны выступили из лагеря. Через несколько часов они достигли окраины села. Приблизившись к сторожевому посту, Ваню назвал пароль. Караульный пропустил их. При самом входе в село они натолкнулись на другого караульного. Его сняли без шума. Разгромив полицейскую банду в коротком бою, партизаны без потерь вернулись на свою базу.

— Молодец! — похвалил Ваню Сидор Артемьевич. — Делом заслужил право называться партизаном.

«Какими только путями не приходят люди в отряд к Ковпаку», — думал я, слушая рассказ своего земляка...

ЗАДАНИЕ КРЕМЛЯ

„Интересно знать, где находятся партизанские аэродромы, самолеты, танки и пушки, о которых так упорно говорят в народе?“ — думал я в начале своего пребывания в лагере.

В действительности же не было ничего похожего. Народная фантазия в данном случае создавала легенды. «Раз народ хочет, щоб воны булы, значит, воны есть», — отвечал на это Сидор Артемьевич.

Однако от действительности никуда не денешься: оружия и боеприпасов у нас было явно недостаточно, как правило, их приходилось добывать в бою. Но даже плохо во-

оруженные ковпаковцы представляли грозную силу, с которой фашистам поневоле приходилось считаться.

В то время Брянский лес был со всех сторон окружен плотным вражеским кольцом. Партизаны не могли вырваться из него мелкими группами, а для выхода больших отрядов время еще не пришло.

Но зато в самом лесу партизаны были полными хозяевами. Здесь находились отряды имени 26 комиссаров, прославленных партизанских командиров Кошелева, Сабурова и другие. Территория действия этих отрядов распространялась на сотни километров. Ими в это время руководил подпольный Орловский обком партии.

Еще до нашего прибытия в отряд Ковпака областной комитет созвал первую партизанскую конференцию; собрались командиры, комиссары и секретари партийных организаций всех партизанских отрядов и соединений, действовавших в Брянских лесах. Конференция открылась в середине августа 1942 года на небольшой лесной поляне и длилась два дня. В работе ее участвовали Ковпак и Руднев.

Конференцию открыл секретарь обкома Бондаренко.

Он обратился к собравшимся со следующими словами:

«Партизанское движение на Украине и в Белоруссии с каждым днем растет и развивается. Теперь необходимо, товарищи, придать партизанскому движению, в соответствии с его ростом, более организованный характер. Между отрядами должна быть более крепкая связь, чем это наблюдается сегодня. У нас иногда получается примерно так: на диверсию против одного и того же вражеского объекта выходят бойцы двух разных отрядов, которые подчас даже не знают о существовании друг друга. Или же имеют место случаи, когда между встретившимися ночью двумя отрядами происходит стычка, влекущая за собой человеческие жертвы, так как ни один из них не знает, что в районе его действия находится еще другой партизанский отряд. Можно было бы привести еще множество примеров в доказательство того, что между партизанскими отрядами необходимо поддерживать постоянную связь».

От украинских партизан на конференции выступил Ковпак. Было решено улучшить связь между отрядами, установить более тесные отношения с местным населением, согласовывать действия против врага. Конференция закончилась пением «Интернационала».

Первое время немцы чувствовали себя сравнительно

спокойно во временно захваченных районах, но только первое время...

Партизанские отряды каждый день получали все новые и новые пополнения. Противник ощущал рост этого движения, но подавить его уже не мог. Об этом свидетельствует попавшая позднее мне в руки копия директивы Гитлера от 18 августа 1942 года. Я прочел:

**„Директива № 46
Руководящие указания по усилению борьбы
с партизанами на востоке...**

I. Действия партизан на востоке за последнее время приняли нетерпимый более размах, что представляет серьезную опасность для снабжения фронта и хозяйственного использования страны.

Чтобы предотвратить решающий ущерб для боевых действий вермахта в зимних условиях, эти партизанские отряды к началу зимы должны быть в основном уничтожены и тем самым тыловые районы на востоке умиротворены.

Для этого необходимо:

1) Самая стремительная и активная борьба с партизанами при сосредоточении всех свободных и подходящих для этого сил вермахта, СС и полиции.

2) Направление всех политических, хозяйственных и пропагандистских мероприятий на борьбу с партизанами.

II. При проведении военных, полицейских и хозяйственных мероприятий все принимающие в этом участие службы должны учитывать следующие основные положения:

1) Борьба с партизанами, как и боевые действия против врага на фронте, есть дело командования. Она организуется и проводится созданными для этого оперативными штабами.

2) Уничтожение партизан требует активной борьбы и применения самых суровых мер ко всем, кто участвует в организации партизанских отрядов или оказывает им поддержку. Указания по ведению борьбы с партизанами следуют...»

...Между тем наша партизанская жизнь шла своим чередом. Все с нетерпением ждали возвращения Ковпака из Москвы.

И вот по лагерю с молниеносной быстротой разнеслась весть:

— Сидор Артемьевич прилетел!

— Командир вернулся!

Мне посчастливилось в тот же день встретиться с Ковпаком. Ему доложили о пополнении отряда новыми бойцами. Ковпак тотчас же вызвал нас к себе.

— Добро пожаловать! — сказал Сидор Артемьевич. — Впереди у нас большие трудности, но когда это было, чтобы большевики боялись трудностей? Наши партизаны — бесстрашный, боевой народ. Радостно быть с ними и сражаться вместе с ними. — С этими словами Ковпак приблизился к нам и положил руку мне на плечо.

Я в ту минуту впервые заметил на груди Ковпака Золотую Звезду Героя Советского Союза. Когда Сидор Артемьевич прилетел из Москвы, среди партизан только и было разговоров: командиру присвоили звание Героя Советского Союза.

После приезда Ковпака с Большой Земли стали прибывать новое отечественное вооружение и боеприпасы. Партизанский аэродром работал бесперебойно, в отряде еще больше укрепилась дисциплина. Были введены настоящие воинские порядки.

Бойцы уже стали открыто говорить о встрече и беседе Ковпака со Сталиным и членами Политбюро ЦК ВКП(б). Поговаривали, что нам дали важное задание. Но какое? И о чем шел разговор с руководителями партии и правительства там, в Кремле?

Впоследствии Сидор Артемьевич Ковпак записал в своем дневнике:

«21 августа. Получил радиogramму, в которой мне предлагалось явиться в Москву на совещание командиров партизанских отрядов. Прибыть я должен был на аэродром орловских партизан. В день отъезда меня окружили разведчики, минеры, артиллеристы, медработники, стрелки. Все дают письма родным или близким и просят опустить их в почтовый ящик и обязательно в Москве.

В столице не был с 1931 года. Тогда я учился на высших курсах командного состава Красной Армии «Выстрел» и, конечно, никогда не думал, что сейчас, в разгар такой тяжелой войны, мне придется оставить на время своих боевых друзей и лететь в Москву. На орловском аэродроме встретил много знакомых по боям командиров партизанских отрядов и соединений. Здесь были Гудзенко, Дука,

Покровский, Кошелев, Сабуров, Ромашии, Емлютин и другие.

Линию фронта пересекли ночью на высоте около трех тысяч метров. Вражеские зенитки все время вели огонь по самолету. Несколько раз машина попадала в лучи прожекторов, но летчик, умело маневрируя, неизменно уходил из полосы ослепляющего света.

В Москву прибыли на следующий день. Всех нас пригласили в Центральный штаб партизанского движения. Здесь также состоялась обстоятельная беседа.

31 августа. Утром по телефону нас предупредили, чтобы мы никуда не отлучались и ждали вызова в Кремль. Вскоре этот вызов последовал. Когда вошли в Кремль, товарищи предложили мне идти впереди всех. Ты, мол, самый старший по партизанскому стажу, вот и будь направляющим. До этого в Кремле не бывал и, признаться, немного волновался.

На приеме в Ставке Верховного Главнокомандования было человек двадцать командиров партизанских соединений и отрядов. Когда все расселись за длинным столом, я осмотрелся по сторонам. Вижу на столе лежит карта походов нашего Сумского соединения, которую Войцехович составлял в Старой Гуте. Тогда ее отправили самолетом в Центральный штаб партизанского движения, а теперь она здесь, в Кремле. Что бы это могло значить?

Прием был продолжительным. Нас подробно расспрашивали о боевых делах отрядов, быте, связях с народом, вооружении, обмундировании. Когда спросили об источниках пополнения боеприпасами, я ответил, что источник один — трофей.

— Почему ваши отряды стали рейдирующими? — спрашивали меня.

Я рассказал, что мы вынуждены были уйти 1 декабря 1941 года из Спадщанского леса, как дважды уходили из Хинеля и Старой Гуты рейдами на Путивль и на опыте убедились в преимуществе маневренных действий. Тут же мне задали вопрос: может ли наше соединение совершить рейд на правый берег Днепра?

Мысль о выходе на Правобережную Украину у нас никогда раньше не возникала. Мы совершали рейды из одного района в другой, по знакомым нам местам. Теперь же

предстояло пройти по территории нескольких областей, форсировать Десну, Днепр. До этого мы выходили за пределы Путивльского района, совершали рейды по всей северной части Сумской области, иногда даже переходили границы Украины, Курской и Орловской областей Российской Федерации. Это были не простые передвижения с одного места на другое, вызванные давлением превосходящих сил противника. Нет. В процессе переходов соединение наносило врагу удары в самые больные места. Но ходить все время по одним и тем же районам не было смысла. Обстановка требовала, чтобы соединение действовало на Правобережье. А пройти туда мы, безусловно, сумеем, ведь там и земля, и люди такие же советские, как на Сумщине или в районах Брянских лесов. Хорошенько поразмыслив, я сказал, что выйти на правый берег Днепра мы сможем.

Напротив меня сидел Николай Александрович Сабуров. Еще до вылета в Москву, в Старой Гуте, у нас был разговор о совместном рейде на Сумщину. Он поднялся и заявил, что тоже хотел бы со своими отрядами двинуться на правый берег Днепра. Согласие было дано. Нам предложили составить заявку на все, что потребуется для рейда на Правобережье.

Когда вышли из Кремля, то мы не отдавали себе в полной мере отчета о большой важности этого совещания. Потом, в гостинице, поняли глубокий смысл совещания, на котором нас, партизан, называли вторым фронтом. На союзников, значит, рассчитывать не приходится. Американцы и англичане саботируют открытие второго фронта в Европе. Ну что же, мы сами его создадим. Один фронт у нас на Волге, а второй будет партизанский, в тылу врага за Днепром.

На второй день меня и Сабурова снова вызвали в Кремль.

Речь шла о предстоящих делах на территории Правобережной Украины. Нашему соединению было предложено отправиться в Киевскую область, а Сабурову — в Житомирскую. Эти районы с разветвленной сетью железных и шоссейных дорог, с многочисленными переправами через реки являлись важнейшими стратегическими узлами.

Основной упор делался на то, чтобы мы подняли там народ на вооруженную борьбу с оккупантами, развернули диверсионную работу и срывали подвоз из Германии резер-

вов и техники к Волге и предгорьям Кавказа. Нашему соединению, кроме того, было приказано разведать укрепления на правом берегу Днепра и Припяти и обо всем донести в Ставку Верховного Главнокомандования.

Мы понимали, что наш партизанский рейд связывается с подготовкой больших операций Красной Армии, что вскоре надо ждать радостных событий с фронта. Все было оговорено и учтено до установления надежной радиосвязи.

Возвращаясь из Кремля, Сабуров был очень задумчив.

— О чем ты, Александр Николаевич? — спросил я его.

— Вот думаю о сложности задания.

— Понимаю. Конечно, вначале твоим людям будет трудно. Рейды они не совершали, да и обозы не подготовлены. Но не горюй, поможем...

— Спасибо, Сидор Артемьевич, это я учту.

— А что думаешь делать с запасами продовольствия? Ведь у тебя их до нового урожая хватит.

— Это верно. Но и с собой всего не возьмешь. Раздадим населению.

До вылета оставалось дней восемь. Много было разных хлопот. Несмотря на большую занятость, мы нашли время и побывали в госпиталях Москвы и Тамбова, где находились на излечении наши товарищи-партизаны. Сколько радостных, волнующих минут пережили мы от встреч с боевыми друзьями. Буквально не успевали отвечать на нескончаемые вопросы о делах и людях соединений на «Малой земле».

12 сентября. Вернувшись в Старую Гуту, я обо всем рассказал Семену Васильевичу Рудневу. Только комиссару можно было сообщить полностью содержание секретного приказа. Мы заперлись с ним в трофейной венгерской санитарной машине, служившей штаб-квартирой.

— Мы с тобой все время смотрели на район между речья Волги и Дона, а вот куда нацелили нас в Кремле, — и я очертил пальцем районы Правобережной Украины.

— Ты хочешь сказать, что мы идем на правый берег Днепра?

— Да. Но туда идут пока только два соединения: наше и Сабурова.

Значение слова «пока» Семен Васильевич понял сразу.

Жизнь научила нас понимать друг друга с полуслова, с одного взгляда. В первый период пребывания в тылу врага у нас не было постоянной связи с командованием Красной Армии. Разрабатывая те или иные операции, мы с Рудневым часто тревожились: правильно ли направляем свои удары? Позже, когда была установлена радиосвязь, стали действовать увереннее, как бы по общему плану. И вот теперь, советуясь о предстоящем походе, о выполнении задания Ставки Верховного Главнокомандования, мы оба чувствовали, что наша дружба поможет нам с честью его выполнить.

* * *

Мы стояли на пороге важных событий.

В нашем лагере велась подготовка к большому походу. Ею непосредственно руководили Ковпак и Руднев. Все чувствовали серьезность задачи. Бойцы ремонтировали подводы, перековывали лошадей, устанавливали на тачанках пулеметы.

— Нам придется двигаться под носом у противника. Надо пройти тихо, без скрипа подвод, стука колес, все должно быть хорошо прилажено, подогнано. Любая оплошность может привести к большой беде, — говорил Ковпак, обходя бойцов.

Все дороги, ведущие из Брянских лесов, были накрепко заперты противником. Малейший промах мог повлечь за собой гибель всего соединения. Поэтому от партизанских командиров требовалась большая осторожность и искусство маневра.

Тихим осенним вечером соединение Ковпака выступило в полном боевом порядке из села Старая Гута и двинулось на запад.

Нас провожало почти все село.

К этому времени материальная часть соединения основательно пополнилась. Прежде о пушках мы могли только мечтать. Теперь же у Ковпака было восемь орудий, доставленных на самолетах из Москвы, и шесть трофейных. Командиром батареи Ковпак назначил пришедшего со мной Сергея Анисимова, а комиссаром — Алексея Ильича Кор-

Комиссар артиллерийской батареи
А. Корнев, партизанский «Дед Мороз»

нева, которого бойцы звали «Дедом Морозом». Корнев партизанил еще в гражданскую войну. Теперь он постарел, но его румяное, улыбающееся лицо, обрамленное белоснежной бородой, по-прежнему дышало энергией и бодростью.

Дед Мороз отлично знал местность. Пожалуй, не было уголка на Украине, где бы он не побывал.

Я служил командиром орудия в его батарее, и мы вместе прошли боями по вражеским тылам не одну сотню километров.

Как-то Корнев во время одного из привалов у костра рассказал мне о создании парти-

занского соединения Ковпака, о первых схватках с врагом:

— Я с детства хорошо знал Спадщанский лес. Поэтому Ковпак и поручил мне организацию базы. Выделил в помощь несколько человек надежных товарищей. Прежде всего мы вырыли в лесу глубокие ямы и каждый день сносили туда продукты, одежду, обувь, винтовки. Был и один станковый пулемет. Мы зарыли ямы и хорошо их замаскировали.

На расстоянии двенадцати километров от Спадщанского леса проходила шоссейная дорога Путивль—Глухов. Именно на этой дороге мы подорвали четыре танка и семь автомашин противника. После этого над шоссе был установлен полнейший контроль партизан. Немцы больше не пытались использовать его для своих целей.

6 июня 1942 года у Новослободского леса была первая серьезная стычка с противником. Мы тогда стояли лагерем у бывшего Софроневского монастыря. Из присутствующих

здесь партизан, по-моему, в том бою никто не принимал участия, кроме Ваню Рехвиашвили. Отряд был со всех сторон окружен немецкими частями. Предатель указал фашистам наше местонахождение. Бой начался ранним утром и продолжался в течение трех суток.

— Пятая рота, в которой я был тогда политруком, — рассказывал Дед Мороз, — защищала центральную дорогу, ведущую в лес.

Вечером мы перешли в наступление. Ковпак и Руднев с винтовками в руках сражались в первых рядах. Враг не выдержал нашего натиска и отступил. На поле боя фашисты оставили убитыми и ранеными свыше ста пятидесяти человек. В этот день мы захватили одну 45-миллиметровую пушку, три миномета, двадцать шесть винтовок и много боеприпасов. Вот так мы начинали нашу борьбу с оккупантами...

Слушая рассказ Деда Мороза, я завидовал тому, что он уже столько времени воюет с врагом. Но впоследствии и мне довелось быть участником и очевидцем многих событий боевой жизни ковпаковского соединения. И каких событий!..

Сколько еще можно рассказать о разгроме гарнизона железнодорожной станции Ямполь, о героическом партизанском вожаке Алексее Николаевиче Сабурове, о форсировании Десны в тех местах, где сражался герой украинского народа Николай Щорс, о захвате Демихи, Лельчиц, переправе через Днепр, Припять, боях в Полесье, Западной Украине...

Все это — этапы трудного и славного пути партизан Ковпака.

Были случаи, когда мы за одну ночь взрывали пять-шесть мостов, минировали и разрушали железнодорожное полотно, нарушали линию связи. А затем бесследно исчезали, появляясь неожиданно в другом месте. Врага изматывала такая борьба. Он не знал, где и когда нападём мы на него, днем или ночью завяжем с ним бой. Почти всегда это происходило там, где фашисты меньше всего нас ожидали. Мы наносили мощный внезапный удар, громили живую силу и технику врага и с такой же быстротой покидали место боя.

Днем и ночью, в холод, зной и дождь — повсюду наступала фашистских оккупантов карающая рука народных мстителей.

УХОДИЛИ В ПОХОД КОВПАКОВЦЫ!

Старая Гута — «ворота» Брянских лесов. Вблизи них немецко-фашистские захватчики заняли прочную оборону. Чтобы успешно начать рейд на запад, эту оборону необходимо было прорвать.

Вечером 4 октября наша батарея получила приказ: огнем проложить дорогу нашим наступающим отрядам в районе деревни Голубовка.

Противник, видимо, был предупрежден о нашем наступлении и заблаговременно к нему подготовился. Во всех населенных пунктах и на дорогах, по которым мы должны были наступать, враг организовал оборону с системой опорных пунктов, дзотов и других фортификационных сооружений. Подступы к населенным пунктам, занимаемые противником, были тщательно пристреляны и заминированы. Сюда же в спешном порядке были подтянуты подкрепления.

Боясь демаскировать себя, гитлеровцы впервые за все время боев не стреляют трассирующими пулями. Чтобы партизаны не смогли скрытно проникнуть в расположение их обороны, фашисты освещают местность, жгут крайние дома жителей и колхозные постройки. Дзоты и огневые точки противника имеют взаимную огневую связь, а артиллерия одного населенного пункта обстреливает подходы к соседнему пункту, расположенному в пяти-шести километрах.

...Наступила черная октябрьская ночь. С большой осторожностью, скрытно от врага, подкатили мы свои орудия почти вплотную к его позициям. Очень волнуясь: это же мой первый бой в ковпаковском соединении. Глухо звякнул затвор орудия, крепко сжимаю в кулаке шнур. В наступившей тишине отчетливо раздается голос командира батареи Анисимова:

— Угломер сорок семь-двадцать, прицел... Огонь!

Резко дергаю шнур. Выстрел, покалывающий звон в ушах — давно не стрелял из орудия, кислый дымок из выброшенной гильзы, и...

— Десять снарядов... беглым... Огонь!

На позициях противника растекается багровое пламя. Артиллеристы радостно возбуждены. Торопят друг друга:

— Давай быстрее еще осколочный! Так их, сволочей. Бей, чтоб ни один живым не ушел!

Все больше сжимаются паузы между выстрелами и —

снова тишина. Взмокшие и счастливые мы слушаем тишину.

И наконец...

— Ура-а-а!

В атаку пошла пехота. Будто рванули невидимый гигантский холст: треснули, схлестываясь, выстрелы винтовок, автоматные очереди, разрывы гранат.

Наутро стали известны результаты ночного боя. Противник выбит из Голубовки, Березовки, хутора Лукашенков. Мы разгромили штаб батальона гитлеровцев, уничтожили около пятисот фашистов, сожгли пять военных складов с оружием, продовольствием и обмундированием, разрушили тридцать дзотов.

Оборона противника прорвана, мы вышли на оперативный простор. Ковпаковский рейд начался успешно! Но его начало показало, что гитлеровцы располагают кое-какими данными — о дислокации наших частей, их численности и вооружении. Изменников в наших рядах нет. Значит, источник осведомленности противника мог быть один — болтливость отдельных партизан. Во всех подразделениях были проведены беседы. Политруки и командиры рассказали людям о необходимости строго хранить военную тайну. Был издан приказ, которым запрещалось называть командиров отрядов и подразделений по фамилии, обращаться к ним можно было только по военному званию или занимаемой должности. Этим же приказом все отряды переименовывались в номерные роты и батальоны. Путивльский отряд стал первым батальоном, Глуховский — вторым, Шалыгинский — третьим, Кролевецкий — отдельной ротой.

* * *

Наше соединение подходило к местечку Кролевец. Ковпак вызвал командира батареи Анисимова:

— Тебе известно, куда мы подходим?

— К Кролевцу.

— Верно. А знаешь, кого я туда послал?

— Должно быть, разведчиков.

— И это верно. Но с каким заданием послал я их туда? Не знаешь? Ну, так слушай. Разведчики должны проверить точность попадания снарядов, должны выяснить результаты твоего обстрела. Понял, что от тебя требуется?

Вернувшись на батарею, Анисимов передал нам содержание своего разговора с Ковпаком. Никому не хотелось

ударить в грязь лицом, поэтому ведя огонь по засевшим Кролевце фашистам, мы старались, как никогда. После освобождения местечка с волнением ждали данных о результатах своей стрельбы.

И вот к нам подъехал Ковпак, перегнувшись в седле хитро прищурился:

— А здорово я нагнал на вас, хлопцы, страху. Ну, ничего, зато дали немцам жару. Молодцы! Стреляйте и дальше так же. Благодарю за службу!

— Служим Советскому Союзу!

...Наш рейд продолжался. Ночью мы двигались вперед, днем отдыхали в лесу, варили пищу, готовились к новому маршу.

На привалах Дед Мороз так лихо плясал под гармонию словно ему было двадцать лет. Если Сидор Артемьевич был в хорошем настроении, то и его не нужно было упрашивать сплясать гопака. О молодых бойцах и говорить не приходится: они и веселились хорошо, и сражались отлично.

В те трудные дни я ближе узнал одну чудесную черту в характере украинского народа. Он никогда не поддается горю, борется с ним и неизменно одолевает. Украинец очень добр, гостеприимен, мужествен и благороден. Он не терпит лицемерия, не задумываясь, готов пожертвовать собой ради друга.

Страшный ураган войны бушевал на украинской земле. Но народ не потерял душевного равновесия. Вера в победу вливала в него новые силы. Народ Украины был убежден, что горькие дни оккупации скоро минуют. Он верил в помощь своего брата — великого русского народа, в дружескую помощь всех братских народов Советского Союза. Стоило мне начать беседу с местными жителями, как они вслушиваясь в мой говор, спрашивали:

— А вы не из Грузии, товарищ?

И услышав утвердительный ответ, в разных выражениях, но всегда с теплой улыбкой, задушевым словом одобряли то, что в рядах украинских партизан сражаются и русские, и грузины, и армяне, и узбеки, и тюркмены.

— Да разве существует такая сила, чтобы наши народы, нашу дружбу сокрушила? — сказал один старик на Десне. — Сломает свою поганую хребтину чертов Гитлер только нашу дружбу. Правда, товарищ грузин?

Наше соединение стремительно продвигалось по фашистским тылам. Мы разрушали на своем пути вражеские

укрепления, опорные пункты, нарушали коммуникации, громили гитлеровские гарнизоны.

Партизанский бой построен на быстроте и внезапности. Мы строго придерживались этой испытанной тактики.

В Черниговской области нас зачастую принимали не за партизан, а за передовые части Советской Армии. Да это было и не удивительно. В то время количество ковпаковцев перевалило уже за тысячу. Внушительную картину представляла наша походная колонна: шла артиллерия, пехота, кавалерия, обозы. При виде партизан люди плакали от радости.

Для того, чтобы обойти оказавшийся на нашем пути сильно укрепленный противником город Короп, требовался опытный проводник. И вот тут нам очень помогла одна молодая женщина — местная жительница. Она пошла впереди колонны и вывела ее к берегам Десны. Мы так близко прошли возле города, что было прямо непостижимо, как противник нас не заметил. Прощаясь, все горячо благодарили смелую женщину. Но сколько ни упрашивали, она не захотела назвать свою фамилию.

Удаляясь, она крикнула:

— Желаю благополучно дойти до Берлина!

Мы не забыли о патриотическом поступке этой женщины, и когда Советская Армия освободила родную землю от немецких захватчиков, Ковпак отправил заместителя начальника штаба, Героя Советского Союза Войцеховича в село Вольное для того, чтобы он узнал фамилию нашей проводницы.

Вот что рассказывает об этом сам Войцехович:

— Ранним утром добрался я до села Вольное. Женщины в пестрых косынках работали около хат, подметали дворы, чистили загоны.

Иду, а сам все оглядываюсь по сторонам. Авось где-нибудь да примечу ту, к которой меня послали. Я помнил, что тогда, осенью сорок второго, она вышла из хаты, одиноко притулившейся в начале села. Прибавил шагу, приблизился к хате и во дворе увидел нашу проводницу. Среднего роста, с ожерельем из крупных бус на красивой шее, повязанная синей косынкой. Она стоит, окруженная курами, гусями. Гуси дергают ее за платье, просят корма. Женщина сердится, с трудом отгоняет назойливых птиц.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, она посмотрела в мою сторону и спросила:

— Вы не до нас случайно?

Я тотчас же узнал ее голос, который запомнил с той памятной ночи.

— Да, к вам... Назовите, пожалуйста, вашу фамилию и имя.

— Александра Прохоренко.

Я улыбнулся:

— Не думал, что так просто узнаю эти «секретные» сведения.

Прохоренко удивилась:

— О чем это вы?

— Было такое: перед вами стояла тысяча бойцов. Мы упрашивали вас назвать себя...

Лицо женщины прояснилось, она приложила руку к лбу:

— Догадываюсь, о чем вы говорите. Все кончилось тогда благополучно?

— Да. Вы знали, кто прошел в ту ночь через ваше село?

— Конечно, знала. Это был партизанский отряд. Нас с селом шли разговоры о том, что в нашем районе действуют большие силы партизан.

— А вы, случайно, не слышали, кто был командиром нашего отряда?

Женщина задумалась и отрицательно покачала головой.

— Вы знаете, кто такой Ковпак?

— Знаю. Это партизанский генерал...

— Вот как раз партизанское соединение Ковпака и прошло в ту ночь через ваше село. Старик, который уговаривал вас назвать свое имя, и был Ковпак. Он поручил мне разыскать вас и передать от него и всех бойцов сердечный привет.

— Спасибо...

Через неделю Александру Прохоренко вызвали в районный центр и в торжественной обстановке вручили медаль «Партизану Отечественной войны», которой был отмечен ее патриотический поступок...

ПАРТИЗАНСКИЕ БУДНИ

Полесье... Край лесов, соловьиных рощ, согрет рек, тогда, в лихую пору фашистской оккупации, край людского горя, сожженных хат, тысяч свежих могильных холмов.

Сюда с боями пробивались мы из Брянских лесов, неся жителям свет надежды на близкое избавление от вражьей неволи.

Я снова листаю свой партизанский дневник и за скупыми строками записей вижу лица погибших и живущих товарищей по оружию, вспоминаю их славные дела и бои. Каждодневные, насмерть бои...

«27 октября 1942 года. Дневка в лесу около хутора Турановка. Наступали фашисты и полицейские. Фашисты отступили, оставив на поле боя 25 человек и 2 станковых пулемета.

28 октября. Форсировали Десну и сожгли мост. В засаде около хутора Гута подбили 2 автомашины и убили 18 немцев.

8 ноября. Взяли местечко Лоев и переправились через Днепр. Захвачено много трофеев.

Встретились с партизанами Сабурова.

11 ноября. Разгромили штаб полиции в селе Старый Барсук.

18 ноября. Марш и форсирование реки Припять около Юзович.

26 ноября. Операция в городе Лельчицы. Был сильный бой...»

Бассейн реки Припяти, леса и непроходимые болота...

Четыре больших района этого края оккупанты объединили в одну область, или, как они называли, «гебитс». Начальник этой области, или «гебитс-комиссар», избрал своей резиденцией город Лельчицы.

В Лельчицах стоял сильный гарнизон противника. Масштабный особняк гебитс-комиссариата в центре города охранял батальон жандармерии. В расположенном рядом парке захватчики соорудили доты и дзоты. Они сняли памятник Ленину и устроили в четырех углах пьедестала пулеметные гнезда. Все улицы города были изрезаны траншеями.

Все это доказывало, что враг чувствовал себя здесь неспокойно. И действительно, достаточно было уничтожить немецкий гарнизон в Лельчицах, и весь этот огромный район можно было считать очищенным от оккупантов.

Ковчак отдал приказ о штурме Лельчиц. Партизаны кольцом охватили город и ждали сигнала для начала штурма.

Перед вечером повалил снег. Маленький городок был едва виден сквозь густую завесу из снежных хлопьев. Очер-

Шестнадцатилетняя автоматчица Нина Созина. Это о ней после освобождения Лельчицу писала фашистская газета: «Большой урон нанесла нам в бою партизанка, некто Созина, которая перестреляла очень много наших солдат»

тания деревьев и домов стали расплывчатыми, неясными, сгустившиеся сумерки вскоре совсем скрыли от нас город.

Снегопад не прекращался.

После наступления сумерек партизанам были дополнительно розданы патроны. Полностью были снаряжены автоматные диски и пулеметные ленты, бойцы наполнили патронами карманы шинелей, брюк и даже гимнастеров.

Все было готово для штурма. Значит, теперь можно подумать и о еде: где-то позади, в лесу, находилась полевая кухня, которую подождали на санях к цепям партизан. В ожидании еды бойцы оживленно беседовали, крутили сигарки, чтобы всласть покурить после ужина.

Вскоре принесли еду. Партизанские котелки наполнились горячей кашей с жирными кусками баранины. Эта каша и ржаной хлеб показались нам в тот вечер перед боем особенно вкусными.

Наступила ночь, снег продолжал валить. Я подкатил оружие к городскому парку, который начинался на окраине города и примыкал к зданию гебитс-комиссариата.

В полночь роты вышли на исходное положение и начался бой. Продвижение по окраинам шло успешно. Большая часть города была занята быстро, но затем наступление стало захлебываться. Центральная улица Лельчицу, на которой размещались учреждения, частично была занята нами, но затем противник стал оказывать все большее сопротивление. Большой двухэтажный дом жандармерии, окутанный колючей проволокой, каменный дом гебитс-комиссариата, парк на пригорке в центре города со сходящимися к нему со всех сторон улицами, здание тюрьмы и другие каменные дома были сильными оборонительными пунктами немцев. Около парка высилась кубической формы каменная громада с бойницами, откуда торчали дула пулеметов, и недалеко от нее — противотанковая пушка, обстреливавшая ули-

цу. Батальоны, наступавшие по окраинным улицам, уже сомкнули кольцо окружения, и противнику некуда было бежать. Поэтому он ожесточенно отстреливался. Ковпак, расположившийся на командном пункте в крайних домах, приказал бросить в бой артиллерию.

Мы выкатили свое орудие на прямую наводку. Отстранив наводчика, я сам принялся к наглазнику панорамы, вращая маховики механизма. В перекрытии показалась полыхающая из окон вспышками выстрелов стена гебитс-комиссарната. Рванул шнур, пушка дернулась и снова замерла. К стене потянулась трасса снаряда и, уткнувшись в нее, плеснулась оранжевым разрывом.

Еще снаряд. И еще. Из здания повалил черный дым, внутри него начали рваться ящики с боеприпасами. Теперь — огонь по каменной глыбе с бойницами, по жандармерии.

Снова поднялись наши цепи. Партизанская атака была настолько стремительной, что я не узнавал наших людей. Мелькали только маскировочные халаты, которые на мгновение вырастали из снега и затем снова терялись в его белизне.

Вскоре сопротивление вражеского гарнизона было сломлено. В Лельчицах не осталось ни одного захватчика. Труп гебитс-комиссара валялся посреди центральной улицы. А всего было уничтожено более трехсот фашистов.

Утром над нами закружился немецкий самолет. Когда его обстреляли, он быстро улетел на юг.

— Ну, теперь жди гостей, — высказал предположение Анисимов и приказал батарее сменить позиции.

И «гости» не задержались. Со стороны Житомира подошло вражеское подкрепление: две бронемашины и пехота на грузовиках. Подкрепление мы разгромили, а броневики сожгли.

К нам на батарею пришел Руднев. Он был весь мокрый от пота. Скинув шинель и заткнув за пояс перчатки, комиссар уселся на ступеньку какого-то дома и закурил толстую сигарку.

— Жарко, — сказал он. — Очень жарко...

Мы переглянулись; на улице свирепствовал жестокий мороз, ломко похрустывали заснеженные ветви деревьев.

* * *

Двадцать седьмого ноября наше соединение расположилось в селах, лежащих среди лесов Полесья. Эти села находились между железнодорожными станциями Алевск, Сарны и Коростень.

То, что наши подразделения дислоцировались не в одном, а в нескольких селах, диктовалось военными соображениями. Во-первых, в случае налета вражеской авиации соединение было рассредоточено, а во-вторых, с помощью хорошо налаженной связи партизаны, находящиеся в одном селе, обнаружив появление противника, своевременно сообщали об этом в другие села, и остальные партизаны имели возможность подготовиться к встрече с врагом. Первый батальон, которым непосредственно командовал сам Ковпак, разместился в селе Глушкевичи. Второй и третий батальоны под командованием Кульбаки и Матюшенко расположились в селе Копища. Четвертый батальон под командованием Кудрявского — в селах Прибыловичи и Милашевичи. Противник несколько раз пытался нас атаковать, и каждый раз мы отбрасывали фашистов с большими для них потерями.

Как раз в эти дни стало известно об окружении под Сталинградом армии Паулюса. «Вот и начался праздник на нашей улице!» — думали мы. Сердца партизан наполнились гордостью, когда они узнали подробности гигантского сражения, развернувшегося под Сталинградом. Советские войска перемалывали немецкую военную машину.

В ознаменование наших успехов под Сталинградом командование ковпаковского соединения решило нанести удар по Сарнам. Через этот крупный железнодорожный узел оккупанты питали фронт боеприпасами, техникой и живой силой. Этим же путем враг вывозил в гитлеровскую Германию награбленное добро. Через Сарны проходила дорога с севера на юг (Барановичи—Ровно) и с запада на восток (Ковель—Киев). На подходах к станции было несколько крупных железнодорожных мостов. Стоило их разрушить, и Сарны теряли свое значение для противника.

Было решено одновременно взорвать четыре крупных моста. Выполнение этой задачи возлагалось на командиров — коммунистов Кульбаку, Цымбала, Бережного и Лукашенко.

— Требуется тщательная подготовка и большая осторожность, — инструктировал Ковпак командиров. — Мосты должны быть уничтожены внезапно, чтобы враг не успел

шел опомниться. Я уверен, с честью выполните поставленную задачу. Желаю успеха и благополучного возвращения.

... Два часа ночи. Застыл в густой тьме подступивший к самому селу лес. Партизаны не спят. Подобно светлячкам, вспыхивают огоньки папирос, доносится фыркание лошадей. Приближается время взрывов, Сидор Артемьевич волнуется, то и дело выходит на улицу, но вокруг по-прежнему гнетущая тишина. Ковпак нервничает, не находит себе места.

— Почему они запаздывают, что могло с ними случиться?! — спрашивает он.

Наконец, Сидор Артемьевич не выдержал, вбежал в комнату Руднева и, словно тот был причиной этой зловеющей тишины, громко закричал:

— Интересно знать, чего они ждут, неужели у всех сорвалось? Не могу понять!..

Руднев сидел у стола, уткнувшись в карту. Он медленно отнял ото лба руки и спокойно сказал:

— Подождем, Сидор Артемьевич, не сомневайтесь — взорвут.

Прошло еще десять-пятнадцать минут, и вдруг на горизонте вспыхнуло красное зарево. Прозвучали два глухих взрыва.

— Молодцы Кульбака и Лукашенко! — воскликнул обрадованный Ковпак.

Затем в разных местах сверкнули еще две вспышки и прозвучали взрывы.

— Это Бережной и Цымбал! — ликовал Ковпак.

Партизаны блестяще выполнили задание: от четырех мостов остались груды развалин. Мы устроили теплую встречу подрывникам. Бережной зашел к нам, артиллеристам, и подробно рассказал историю уничтожения мостов.

— Я представлял себе эту операцию намного проще, чем оказалось в действительности. Мосты были окружены тремя рядами колючей проволоки, преодоление этой преграды отняло у нас значительное время. Я и Цымбал должны были произвести взрыв во вторую очередь, и нам пришлось долго ждать Кульбаку и Лукашенко.

Командование соединения было уверено, что Сарны как узловая станция надолго выбыла из строя. И мы были поражены, когда убедились, что после проведенной диверсии железнодорожный узел продолжал свою работу, хотя пропускная способность его и сократилась вдвое. Были пос-

ланы разведчики, которые сообщили, что в этом районе еще несколько мостов, правда, меньше взорванных, но железнодорожными ветками они соединялись с главными магистральями.

— Необходимо во что бы то ни стало взорвать и эти мосты, — сказал Ковпак на совещании в штабе.

Уничтожение их Сидор Артемьевич снова возложил на Кульбаку, Цымбала и Бережного. И это задание они выполнили блестяще. Сариский железнодорожный узел был полностью парализован.

* * *

Проведенная операция и ее размах всполошили гитлеровцев.

Фашистское командование, сконцентрировав значительные силы, повело одновременное наступление на село Глушкевичи, где был расположен штаб Ковпака, и на окрестные села, где стояли наши батальоны. Прискакал связной от Сабурова, сообщавшего о том, что противник наступает также и на его базы. Бои не прекращались даже ночью. Было решено оставить Глушкевичи и перейти в Туровский район.

Когда мы подошли к селу Бухча, укрепившийся там противник встретил нас сильным огнем. Врага приходилось выбивать из каждого дома. Только к вечеру село было полностью очищено от немцев.

В бою за Бухчу среди многих других отличился и разведчик Горкунов.

О том, как Горкунов пришел в отряд, мне рассказали любопытную историю. В декабре 1941 года, еще в Брянских лесах, разведчики-ковпаковцы задержали бежавшего из немецкого концентрационного лагеря лейтенанта Советской Армии Горкунова и привели его в штаб отряда. Работники штаба и сами разведчики были одеты в темно-зеленую немецкую форму. Горкунов принял ковпаковцев за полицейских и, желая их обмануть, понес оголтелую антисоветчину. Находившиеся в штабе партизаны с возмущением слушали. В это время поднялся из-за стола Руднев и поправил накинутую на плечи шинель. Горкунов заметил на груди комиссара орден Красной Звезды и покрылся холодным потом. Он попытался исправить свою ошибку, но было поздно. Его отправили в караулку.

Ковпак все же понял, что произошло с парнем. «Дайте человеку пойти в бой», — распорядился он.

В первом же бою Горкунов сумел на деле доказать свою преданность Родине, проявив большое мужество и самоотверженность.

Отличились в бою за Бухчу и юные партизаны.

В нашем соединении было немало подростков. Они присоединились к нам в освобожденных городах и селах. Комсомольцы и пионеры приходили с просьбой о зачислении в партизанский отряд. Ковпак и Руднев, когда была возможность, охотно исполняли их просьбу.

В свободное время юные партизаны удили рыбу, организовывали игры. Во время же боя они действовали как разведчики и связные.

Особой любовью пользовались сын комиссара Радик и два шестнадцатилетних комсомольца — Леня Чечеткин и Леня Забелин. Это были сообразительные, ловкие ребята.

Однажды наш отряд вел тяжелый ночной бой. Положение становилось критическим, боеприпасы были на исходе. И тут куда-то исчез Леня Чечеткин. Противник вскоре усилил огонь, видимо, готовился к атаке. В это время пулеметчики увидели перед собой две неясные тени — они двигались со стороны гитлеровцев.

— Кто идет? Стой! — закричали партизаны.

— Это я, Леня, — отозвался Чечеткин. Вскоре он вынырнул из темноты, ведя за собой лошадь, навьюченную ящиками.

— Вот, патроны немцы преподнесли. Теперь можете как следует угостить их этим подарком...

Оказывается, Леня, воспользовавшись темнотой, пробрался на территорию врага. Здесь он набрел на привязанную к забору лошадь, нагруженную боеприпасами. Леня отвязал ее и повел в расположение своего отряда.

Пребывание в нашем соединении ребят, их звонкий смех и детские проделки создавали впечатление большой дружной семьи.

* * *

Разгромив вражеский гарнизон в Бухче, мы с большой осторожностью двинулись к селу Тонеж. Фашистам теперь было известно направление нашего движения, поэтому можно было ждать преследования. Однако наши опасения не

Замерзшее «Князь-озеро», партизанский аэродром

оправдались. Очевидно, враг залечивал раны, полученные в Лельчицах и Бухче.

Село Тонеж было очищено от противника в течение часа, но мы опять понесли потери.

До прихода в Полесье наше соединение всегда имело возможность отправлять тяжело раненных бойцов самолетами на «Большую Землю». Полесье же, и особенно его северная часть, включая Бухчу и Тонеж, оказалось настолько заболоченным, что нам теперь негде было принять самолет. Вот почему за довольно длительное пребывание в этом крае у нас набралось много больных и раненых. Командование не оставляло раненых без заботы и тщательного ухода, но перевозка их на санях в зимних условиях серьезно затрудняла проведение боевых операций.

Со всей остротой стал вопрос об устройстве аэродрома. Выход вскоре был найден: недалеко от села Ляховичи на площади в десять километров раскинулось озеро Червоное. Местные жители называли его «Князь-озеро». Зимой озеро замерзало, по нему ездили на санях. Было решено устроить аэродром на замерзшем «Князь-озере». По приказу Ковпака очистили взлетно-посадочную площадку, чтобы проверить ее прочность, на эту площадку стали пешне и конные общим весом до ста сорока тонн. Лед кое-где треснул, но не проломился. Так мы убедились, что он выдержит тяжесть самолета.

По радиции сообщили на «Большую Землю» об устройстве аэродрома, однако, к удивлению, нам не разрешили принимать самолеты на ледяном поле. Тогда Ковпак отправил радиограмму следующего содержания:

«Вблизи озера обнаружена большая площадка, вполне пригодная для аэродрома. Площадка выровнена и утрамбована, ждем самолетов».

С вечера надо было жечь сигнальные огни. Но так как разводить костры на льду невозможно, то партизаны завезли на озеро сани и на них разожгли большие яркие костры.

Однако в ту ночь самолеты не прибыли. В напряженном ожидании провели мы вторую, а затем третью ночь.

Как говорится, нет худа без добра. Сторожившие у костров партизаны оказались неплохими рыболовами. Они сделали во льду проруби, из которых стала выбрасываться рыба, словно ее кто-то подталкивал снизу.

В нашем меню появились вкусные рыбные блюда.

Наконец, на четвертые сутки, после полуночи послышался гул мотора.

Ли-2, сделав над озером два круга, пошел на посадку. Обрадованный Ковпак бросился к пилоту, поздравил его с благополучным прибытием и, хитро прищурившись, спросил, как летелось и достаточно ли тверда почва аэродрома.

Пилот стукнул ногой по льду и ответил:

— Отличное выбрали место.

Руднев улыбнулся и сказал:

— Мы сейчас стоим на озере. Передайте вашему командованию, что если партизанам понадобится, они примут самолеты хоть на крыше рейхстага.

Самолет доставил нам военное снаряжение и боеприпасы. И забрал тяжелораненых. На другую ночь самолет прилетел опять.

Его командир, летчик Луиц, был нам хорошо знаком. Он и прежде прилетал в наше соединение.

Когда закончилась погрузка, Луиц тепло попрощался с партизанами, мастерски поднял машину со льда и повел ее на север.

Вслед за этим самолетом к нам регулярно, каждую ночь стали прилетать посланцы «Большой Земли».

Вскоре гитлеровцы узнали о существовании нашего ледового аэродрома. Как-то днем раздался гул вражеских самолетов.

Над озером закружились «юнкерсы», началась бомбежка.

Серебристая поверхность озера оказалась расколотой бомбой в тонну весом. Так была прервана авиасвязь Партизанского края с «Большой Землей».

Это была для нас очень тяжелая утрата, но аэродром к

тому времени почти полностью выполнил свое назначение. На «Большую Землю» были отправлены все больные и раненые партизаны.

* * *

Второго февраля 1943 года наше соединение снова двинулось в западном направлении. На четыре километра растянулась полутысячная колонна саней. С фырканьем, рыками прокладывали себе путь выносливые кони по метровому покрову слежавшегося снега.

Мы с успехом вели боевые действия зимой. В длинные ночи соединение на санях проделывало марш в пятьдесят-семьдесят километров. Оторвавшись от фашистов, партизаны наносили удар там, где противник меньше всего ожидал его. Зимой врагу почти не удавалось перебрасывать войска на машинах, а следовательно, он не мог маневрировать.

Совершая рейд, ковпаковцы успешно пополняли запасы продовольствием.

На нашем пути находился животноводческий совхоз «Сосны». Он был главным источником снабжения местных вражеских гарнизонов. Ковпак решил захватить «Сосны». Для этого были направлены две роты партизан. После пятичасового ожесточенного боя совхоз был очищен от противника. Из «Сосен» мы пригнали большое количество скота, который роздали жителям окрестных сел.

Также успешно завершился штурм села Буйное и расположенного рядом с ним военного городка, где нам также достались богатые продуктовые склады.

На другой день к нам явился молодой парень и попросил провести его в штаб. Всем бросились в глаза его выправка и щегольской костюм: новые блестящие хромовые сапоги, высокая каракулевая папаха, прекрасно сшитая шерстяная гимнастерка и галифе.

Придя в штаб, незнакомец вытянулся в струнку перед Ковпаком, стукнул каблуками сапог, приложил руку к папахе и браво отрапортовал:

— Явился к вам житель села Сосна, полицейский, семейный, двадцати девяти лет, бывший продавец ларька. Прошу зачислить меня в ряды партизан!

Ковпак сидел на пне и крутил сигарку. Он неторопливо провел языком по самокрутке, аккуратно склеил ее, прикурнул и пристально посмотрел в глаза полицейскому.

— У немцев, значит, служил?

Парень переступил с ноги на ногу и тихо сказал:

— Силой заставили. Пусть буду последним человеком, если принес кому-нибудь вред. Если моя виновность будет доказана, так я ведь в вашей власти и готов понести любое наказание.

Долго смотрел Ковпак на парня, затем сказал:

— Ты пришел к нам по собственной воле, но боюсь, как бы в овечьей шкуре не оказался волк.

— Если дадите возможность, оправдаю доверие в бою...

— Ладно, посмотрим!

Ковпак направил новичка в артиллерийскую батарею.

Политрук нашей батареи — «Дед Мороз» вызвал меня к себе и передал нового бойца.

— Смотри за ним в оба... Все-таки полицейский, — тихо сказал мне политрук.

Я взглядом дал понять, что все будет сделано так, как нужно, и повел «полицейского» к себе в оружейный расчет.

Как раз тогда меня навестил Ваню Рехвиашвили. Он посмотрел на новичка и уже не отводил от него глаз. Я не мог понять, что его так удивило. Рехвиашвили подошел ко мне и тихо сказал:

— Знаешь, Давид, у меня к тебе большая просьба.

— Говори!

— Спроси у этого парня, он ведь у тебя служит, может быть, обменяет сапоги на мои «вечные».

Я рассмеялся и посоветовал неисправимому щеголю:

— Переговори с ним сам.

— Хорошо, попробую...

Ваню не стал откладывать дело в долгий ящик, подошел к бывшему полицейскому и предложил ему обменяться сапогами. Тот оказался практичным человеком и предпочел своим хромовым сапогам крепкие солдатские сапоги Ваню. Обмен состоялся.

Прошло некоторое время, и мы все убедились, что новичок пришел к нам с чистой душой. Он старательно и точно выполнял каждое задание и был оставлен на батарее.

В те дни стояли сильные морозы — свыше тридцати градусов. Как-то мы шли на боевую операцию. Головная часть колонны успела вступить в лес и остановилась, ожидая, пока подтянется арьергард. Я пошел вперед, чтобы узнать причину задержки, и увидел такую картину: на санях стоит человек, сапоги у него обмотаны какими-то тряпками,

голова тоже чем-то повязана, а сам он отплясывает лезгинку. Сначала его принял за сумасшедшего, а когда подошел ближе, узнал Ваню Рехвиашвили. В хромовых сапогах он замерз и, чтобы согреться, пустился в пляс. При виде этого я сел прямо в снег и стал хохотать. Ваню, не сбавляя темпа пляски, крикнул:

— Скажи твоему «полицаяу», чтобы вернул мои «вечные». Сил больше нет терпеть такой мороз.

— Скажи ему сам, вы ведь тогда нашли общий язык!

После боя я увидел Ваню на окраине села. Под мышкой у него были огромные трофейные сапоги, голенища которых напоминали кору старого дуба. Ваню выбрал место поудобнее, сел, стянул с ног хромовые сапоги и надел только что добытые. Потом я часто спрашивал своего земляка:

— Ваню, не хочешь ли поменяться сапогами?

Тот только махал рукой и отворачивался.

* * *

Фашисты никак не могли простить нам разрушение железнодорожных мостов Сарнского узла.

Гитлеровское командование решило любой ценой уничтожить наше соединение.

Противник, сосредоточив крупные силы, начал преследовать нас по пятам. Отбрасывая врага с большими для него потерями, мы продолжали свой марш. Неудачное преследование еще больше обозлило немецкое командование. Оно сняло с проходившего эшелона гренадерский полк, который также был брошен против нас.

Совершая быстрые марши, мы стремились оторваться от преследовавшего нас противника.

В те дни я получил новое назначение. Предшествовало этому одно трагическое событие.

Наше соединение находилось между Новоград-Волынским и Коростенем. Пленные в один голос уверяли, что в Коростене сконцентрированы крупные моторизованные силы, которые только ждут нашего выхода на открытую местность, чтобы дать решительный бой.

Для Ковпака и Руднева не было новостью, что наше появление в открытом поле непременно повлечет за собой атаки со стороны оккупантов. Однако раньше не было известно, что враг ведет приготовления в столь широком масштабе.

— Придется изменить маршрут, сделать рывок в сторону. — сказал Ковпак.

— Чтобы хоть на время задержать немцев, надо организовать диверсию, — развил мысль командира Руднев. — Надо взорвать коростеньский мост. Уничтожением моста задержим противника самое меньшее на восемь-десять часов. Изменим маршрут, сделаем бросок на восток. И — ниши ветра в поле.

Проведение диверсии возложили на девятую роту. Надо сказать, что эта рота имела весьма своеобразную историю.

Некогда передовая, прославившаяся своими подвигами, она потом все больше утрачивала бывшие боевые качества. Виноват в этом был командир роты Мурзин, пристрастившийся к алкоголю. Выступит, бывало, Мурзин на выполнение боевого задания, по дороге завернет в какое-нибудь село, напьется до потери сознания и весь день проваляется в хате. Некоторые партизаны пользовались слабостью командира и брали с него пример. Дисциплина в роте, как говорится, хромала на обе ноги.

Мурзина не раз строго наказывали за пьянки. Но, видимо, Ковпак все еще верил в то, что сумеет исправить человека, у которого в недавнем прошлом были немалые боевые заслуги.

Вот этот самый Мурзин, командир девятой роты, и должен был осуществить взрыв моста. Ковпак вызвал его к себе и сказал:

— На твою долю выпало исполнение весьма ответственного задания; нынешней ночью надо взорвать коростеньский мост. От его своевременного уничтожения зависит судьба всего соединения. Надеюсь, тебе понятна важность порученного дела. Представляется случай искупить свою вину. За малейшее отклонение ответишь собственной головой. Понятно?

— Понятно, товарищ командир!

Мурзин быстро подготовил своих бойцов, взял взрывчатку и выступил в путь. Зимняя ночь была на исходе, а взрыва все нет.

Сидор Артемьевич заметно нервничал, то и дело спрашивая партизан:

— Ну что, не слышали взрыва?

— Не слышали, — виновато отвечали находившиеся подле него бойцы.

Проходит еще полчаса. Ковпак снова повторяет свой вопрос, и снова получает отрицательный ответ.

Между тем немецкие эшелоны, благополучно миновавшие коростеньский мост, прогрохотали мимо нас. Ночной мрак стал рассеиваться, приближался рассвет. Мороз кричал, ледяной ветер обжигал лица.

Авангард соединения начал переходить через железно-дорожное полотно. Противник, успевший подтянуть через неповрежденный мост подкрепления, открыл огонь. Мы стали нести потери и вынуждены были отойти назад.

Внимание всех по-прежнему было обращено на север. Но мы тщетно ждали взрыва.

По выражению лица Ковпака можно было предположить, что творится в его душе. Когда совсем рассвело, появился Мурзин. Он нерешительно остановился в стороне и ждал, когда его позовет Ковпак. Партизаны девятой роты молча расселись на валявшихся вокруг бревнах.

— Подойди сюда! Ближе! — приказал Мурзину Ковпак.

Мурзин вытянулся и взял под козырек. Сидор Артемьевич сдвинул папаху на самую макушку и уперся в нее негнственным взглядом. Мурзин побледнел, но продолжал стоять перед Ковпаком навтыжку, не отнимая руки от козырька. Все затаили дыхание.

— Товарищ командир, мост оказался далеко, нас застал рассвет, поэтому не смогли выполнить задание, — доложил Мурзин.

— Подойди ближе! — проговорил Сидор Артемьевич не меняя позы...

Мурзин приблизился вплотную.

— Дыхни! От тебя разит спиртом, сукин сын. Как бы ты смог выполнить задание!

Ковпак обернулся к Рудневу:

— Судить этого подлеца!

Наступило тяжелое молчание.

Однако время не ждало, все чувствовали серьезность создавшегося положения. Ковпак отдал приказ об изменении маршрута: движение на юг отменялось, соединение начало марш в восточном направлении.

В пути Руднев выяснил следующее: к полуночи девятая рота уже достигла селения, расположенного вблизи моста. Здесь решили немного передохнуть. Вскоре обнаружилось, что Мурзин куда-то исчез. Было темно, и бойцы не знали, где его искать. Оказалось, что Мурзин зашел в хату како-

го-то крестьянина, потребовал самогонки и, быстро опьянев, завалился спать. Партизаны напрасно ждали своего непутевого командира. Вскоре начало светать...

На одном из привалов собрали совещание командиров. Дело было ясное. Но Мурзин пришел в соединение уже больше года назад, пришел с партбилетом и орденом Красного Знамени, которые сумел сберечь, проходя через немецкие и полицейские заставы. И Ковпак, обычно суровый в таких случаях, сильно колебался.

Вот что вспоминает о том, что произошло, Петр Петрович Вершигора:

«Один только Руднев был непоколебим. Он сам продиктовал приказ о расстреле. Колонна уже выстроилась для движения. В сумерках пофыркивали кони; когда командир вышел к построенной девятой роте, комиссар зачитал приказ. Тут же, у помещения штаба, была выкопана яма. Комиссар подошел к Мурзину, стоявшему молча, и сказал:

— Расстегнись.

Тот расстегнул шинель, под которой блеснул орден Красного Знамени.

— Снимай, — приказал Руднев.

Мурзин снял орден и молча передал его комиссару, через несколько секунд его расстреляли.

Колонна двинулась дальше.

Я ехал верхом. Колонна шла из села в степь, по которой в эту ночь нам предстояло совершить шестидесятикилометровый марш к Киеву, в Радомышльские леса. Проезжая мимо повозки комиссара, я мельком взглянул на него и увидел в свете всходящей луны, что Семен Васильевич плакал».

...Утром меня вызвали в штаб.

— Товарищ Бакрадзе, тебя беспокоит судьба девятой роты? — спросил Ковпак.

— Да.

— Так вот, назначаем тебя командиром девятой...

Ковпак и Руднев назначили моим заместителем Деркача и политруком роты — Рагулю. Лейтенант Деркач был смелым воином, точно и умело выполняющим каждое задание.

С Рагулей меня связывала крепкая мужская дружба. Это был опытный армейский политработник, знающий, умный, принципиальный. Словом, это был храбрый и красивый человек. На его крупной, словно вылитой из бронзы фигуре ладно сидел аккуратно сшитый, я бы даже сказал

щегоольский, костюм. У него было благородное, мужественное лицо солдата и открытый, пронизательный взгляд. Роте Рагуля стал моей правой рукой. Расшатанная Мурзиным дисциплина благодаря самоотверженной работе Рагуля быстро восстанавливалась. В атаках политрук Рагуля личным примером увлекал за собой бойцов.

На другой день после того, как я принял девятую роту мне пришлось вести ее в бой.

После обеда раздался сигнал тревоги: к лагерю, доложила разведка, подходят немцы.

Я спешно собрал своих людей и выступил навстречу врагу. Подойдя к реке, мы залегли в густом кустарнике. Через полчаса показалась пешая колонна противника.

— Не стрелять! — передал я шепотом по цепи бойцов.

Фашисты несмело, подобно воробьям, приближающимся к силку, спустились к реке и выбрались на другой берег. Вот они уже подошли к нам на расстояние пятидесяти метров.

— Огонь! — скомандовал я.

Застрочили пулеметы, вразнобой ударили винтовочные выстрелы и очереди автоматов. Передние фашисты попадали, остальные бросились наутек.

— За мной!..

Рота поднялась, бросившись преследовать врага. Наш удар был беспощаден. Мы полностью уничтожили весь фашистский отряд, кровью смыв вину за неудачную операцию по взрыву коростеньского моста.

Воодушевленные одержанной победой, захватив трофеи, возвратились в лагерь. Так закончился первый бой девятой роты под моим командованием.

* * *

Мы продолжали свой путь на запад, затем круто свернули на юг, форсировали по льду Припять и, пройдя стремительным маршем две сотни километров, повернули на восток. Теперь мы уже двигались по западным областям Украины — Волынской и Ровенской. Население здесь гуще. Крестьяне устраивали партизанам восторженные встречи. Наше появление наводило панику на немцев и их наймитов — украинских националистов.

Противнику время от времени удавалось забрасывать к нам этих субъектов. Но как только их разоблачали, они

начинали лить крокодиловы слезы, изображать рассказание и молить о пощаде.

Нашим партизанам пришлось немало потратить сил на борьбу с предателями народа. Значительная роль в этой борьбе принадлежала заместителю Ковпака по разведке Вершигоре.

Петр Петрович Вершигора в первые же дни войны вступил в ряды Советской Армии. В одном из боев он получил ранение. Выздоровев, был сброшен в тыл врага на парашоте.

До начала нападения фашистской Германии Петр Петрович работал на Киевской студии художественных фильмов.

Не беру на себя смелость судить о Вершигоре как о кинорежиссере, но то, что он был способный разведчик и человек, наделенный военным талантом, — факт общеизвестный.

Разведку в нашем соединении Вершигора организовал отлично. Совершая очередной рейд, партизанское командование всегда было осведомлено о том, где и в каком количестве находились силы противника, какой материальной базой они располагали. Пленные немцы поражались: «Откуда вам все известно? Мы буквально не можем сделать шагу, чтобы вы тотчас же не узнали об этом».

Вершигору всегда влекло туда, где было «жарче». Ни один бой не обходился без его участия.

Я часто вспоминаю Петра Петровича в минуты боя. В те моменты в нем пробуждался профессиональный кинороботник, который словно шептал на ухо своему двойнику — партизанскому командиру: «Смотри, ничего не пропусти, фотографируй для истории этих людей. Они заслужили, чтобы благодарные потомки помнили их имена и лица...»

Видимо, поэтому у Вершигоры всегда на одном плече висел автомат, а на другом — «Фэд». Причем он с одинаковым искусством пользовался одновременно и тем, и другим. В этом человеке гармонично сочетались отвага воина с творческой любознательностью художника.

Петро был любимцем партизан. За окладистую черную бороду они так и звали его в разговорах между собой — «Борода».

При этом следует заметить, что собранные и проанализированные Вершигорой разведанные никогда не были «бородатыми». Именно его сведения легли в основу оче-

редного приказа командования об изменении маршрута рейда: сначала мы прошли с запада на юг, а затем повернули на восток.

БЛИДЧА НЕ ОТВЕЧАЕТ...

Наступила звонкая украинская весна. Растаял снег. Сотни уже не нужных нам саней мы роздали населению.

Соединение подошло к Киевской области.

У нас снова чувствовался недостаток в отечественных боеприпасах.

Сидор Артемьевич обратился за помощью в Москву. Как всегда, Москва тотчас откликнулась на нашу просьбу, обещав в кратчайший срок обеспечить нас всем необходимым. По ночам, в ожидании самолетов, горели сигнальные костры, но пока что над нами пролетали только «юнкерсы» да «фокке-вульфы». Они шли на большой высоте — боялись партизанских пуль.

Однако, как говорит старая грузинская поговорка: «Страх не спасет от смерти». Нам удалось сбить гитлеровский самолет. Охваченная пламенем машина с треском рухнула на землю и взорвалась.

Партизаны уже научились узнавать советские самолеты по гулу моторов. И вот однажды мы услышали долгожданный рокот.

Ярче запылали костры.

Самолет сделал над нами небольшой круг и начал сбрасывать груз. У Ковпака радостно заблестели глаза...

Теперь у нас было вдоволь боеприпасов.

Форсировав вторично реку Тетерев, мы вступили в расположенное на берегу этой реки красивое украинское село Блудча.

Наша атака была столь неожиданной, что местные полиция еле успели скрыться в лесу.

Поставив вокруг села заслоны, мы чувствовали себя спокойно.

На центральной улице села, в красивом большом здании обнаружили в полной исправности телефон, с которым были связаны окрестные села.

К аппарату подошли Ковпак, Руднев, Вершигора. Первым взял трубку Вершигора. Он сразу выяснил, что аппа-

рат подключен к одной линии с другими населенными пунктами. В телефон были слышны нервные переговоры полицейских.

Вершигора стал записывать все услышанное на лист бумаги. Мы через плечо Петра Петровича читали:

— Иваньков, почему не отвечает Блиндча?

— Блиндча! Блиндча! Что вас там холера унесла всех, что ли?

— Келенцы!

— Леоновка, Леоновка!

— Слушаю!

— Кто у телефона?

— Начальник полиции.

— Вам что-нибудь известно о Блиндче?

— Она не отвечает на вызов...

Женский голос, очевидно немецкой переводчицы, настойчиво требовал:

— Герр вахмайстр приказывает, чтобы вы послали в Блиндчу человека для выяснения положения.

— А кого послать?

— Герр вахмайстр говорит, что вы осел и он набьет вам морду...

Помолчав, трубка сообщила приметы лазутчика. Вершигора тут же послал своих хлопцев его встречать.

Через час телефонный разговор возобновился и мы узнали приметы второго агента, а вслед за этим — третьего...

Партизанские командиры еле сдерживали смех.

К восьми часам вечера перед Вершигорой стояли четыре «языка», в разное время посланные в Блиндчу из Леоновки. Их имена и приметы были «услужливо» сообщены нам по телефону. Переодетые полицейские с ужасом и удивлением поглядывали друг на друга, когда бородатый партизан «узнавал» их и слово в слово повторял данное им задание, которое они получили час-два тому назад.

В Блиндче мы пробыли три дня. На третий день к селу подошли два фашистских батальона. Выяснив силы врага, Вершигора доложил о них командиру. Ковпак тотчас же послал в тыл гитлеровцам две роты. Им удалось под прикрытием густого леса совершенно скрытно обойти противника. В лоб ударили главными силами.

Попавшие в партизанскую ловушку фашисты не выдержали натиска, бросали оружие и кинулись к реке: другого пути отступления у них не было. Часть их утонула в

бурных вешних водах, цепляясь за плавающие льдины, пыталась добраться до противоположного берега. Но их настигали в воде меткие партизанские пули.

Едва закончился бой под Блудчей, как кто-то крикнул: — Глядите, ребяташки пленных привели.

Партизаны были поражены смелостью юных разведчиков — Николаева, Семенистого, Радика Руднева, Мирошкина, Чернышева.

В течение нескольких минут пришедших окружила толпа. Мальчики захватили в плен пятнадцать немецких солдат — дело нешуточное!

Внимание всех привлекло одно курьезное обстоятельство — все пленные поддерживали руками брюки. Фашисты стояли пристыженные, угрюмо опустив головы.

Коля Семенистый объяснил:

— Мы срезали им на брюках и подштанниках все пуговицы.

— Кто из вас придумал такую штуку?

— Я.

— Для чего ты это сделал?

— Мы боялись, что не сможем довести сразу пятнадцать человек. Ну, скажем, они сговорились бы между собой и набросились на нас. Вот тут я и вспомнил про этот самый способ. Поделился с товарищами. Они одобрили мое предложение.

— Остроумный способ! Но как вам удалось заставить таких верзил пойти на это? — спросили Семенистого.

— В том-то и дело! Они, конечно, ни за что бы не согласились, если бы мы вздумали провести эту операцию в открытую. Мы выводили их поодиночке в скрытое от других место и там срезали пуговицы. И только когда снова собрали их вместе, они все поняли, ругались, но ничего уже не могли поделать. Руки у них были заняты...

Пленные угрюмо молчали, искоса поглядывая на ребят и смеющихся партизан.

ОГНЕННЫЕ РАССВЕТЫ

Руднев долго стоял, склонившись над картой. Затем выпрямился и решительно сказал:

— Тетеревский мост должен быть взорван сегодняшней же ночью. Проведение операции считаю нужным поручить

командирам второй, восьмой и девятой рот — Цымбалу, Горланову и Бакрадзе...

Рассуждать не приходилось: всем было ясно — железнодорожный мост через Тетерев надо взорвать.

Во время пребывания в Блудче мы поняли, какое огромное значение имеет для противника этот мост. По нему непрерывно, днем и ночью, шли к фронту эшелоны, груженные вооружением, войсковым пополнением и фуражом.

Ковпак одобрил план Руднева и приказал второму батальону прикрывать нас, а все руководство операцией возложить на Павловского и парторга Панина.

Заканчивая инструктаж, Ковпак сказал:

— Товарищ Бакрадзе примет на себя выполнение особой задачи — он со своей ротой перейдет на левый берег реки и снимет немецкую охрану на той стороне моста...

Спустилась ночь. Вплавь мы переправились на левый берег, скрытно подошли к мосту и без единого выстрела сняли охрану.

Старый мост был уничтожен еще во время отступления частями Советской Армии. Для взрыва нового моста мы применили тол и с большим успехом использовали трофейную киноплёнку. Эта киноплёнка сослужила нам большую службу. Ни один горючий материал не может с ней сравниться.

На восстановление тетеревского моста оккупантам понадобилось свыше месяца. К тому же рота Горланова основательно разрушила станцию Тетерев.

После этой диверсии мы заняли село Замошье.

Проведенные нами боевые операции не на шутку встревожили гитлеровцев.

На следующую ночь утомленные бойцы были подняты по тревоге. Отдых был нарушен.

Отчетливо доносился гул вражеских самолетов. Последовала команда рассредоточиться и отвести людей в укрытия.

Ночь была очень темная. С трудом ориентируясь, я выбрался на улицу и лег в канаву. Вскоре немецкие самолеты закружили над селом и начали сбрасывать бомбы...

Налет вражеской авиации на Замошье был неэффективен. Пострадавших не оказалось ни среди бойцов, ни среди местного населения. В ночной темноте немецкие летчики не нащупали села и сбросили бомбы далеко за его окраинами.

Помощник командира
соединения по хозяй-
ственной части отваж-
ный партизанский ру-
ководитель Павлов-
ский

Мы еще находились в Замошье, когда наши разведчики сообщили, что вблизи от нас, на станции Яново, имеются огромные склады с зерном. Было точно установлено, что Яново охраняется усиленными караулами гитлеровского батальона, расположенного поблизости в местечке Шепелевичи.

Необходимо было захватить Яново и уничтожить охранявший его батальон противника. Выполнение этой задачи Ковпак и Руднев возложили на меня и на Михаила Ивановича Павловского, которого, кстати сказать, как помощника командира соединения по хозяйственной части это зерно очень заинтересовало.

В наше распоряжение, кроме моей девятой, были выделены также четвертая и пятая роты.

Станция Яново расположена на берегу реки Припять. Ночью девятая рота скрытно вышла в район Яново и Шепелевичи и оседлала дорогу, связывающую эти два пункта. Я тотчас же сообщил об этом четвертой и пятой ротам. Удар был нанесен с трех сторон, и вскоре станция оказалась полностью очищенной от врага.

Из Янова мы вывезли много зерна. Несколько тонн зерна Павловский оставил для себя, а другую, большую часть, роздал местным жителям.

Пока мы занимались Яновом, главные силы соединения проводили серьезные боевые операции по разгрому карательной экспедиции противника. Наша операция была вспомогательной, отвлекающей.

Покончив с Яновом, мы возвращались к Речице, где находился штаб соединения.

В пути до нашего слуха донесся неясный гул орудийной и минометной канонады.

Мы остановились и стали прислушиваться.

— Товарищ командир, стрельба определенно ведется в районе Речицы, — доложили бойцы.

Я тотчас же выслал разведку.

Мы осторожно продолжали путь. Чтобы нас не обнаружили, даже не курили.

В непроглядной тьме я шел сбоку колонны и вслушивался в тихий разговор партизан.

— Как думаете, противник действительно на Речицу наступает?

— Трудно сказать.

— Так что же это может быть?

— Кто его знает! Сам дьявол не разберет, что там творится.

— Я так думаю: не было еще случая, чтобы нашего «Деда» фашисты застали врасплох...

Через мгновение к нам подскакали всадники:

— Товарищ командир, враг большими силами наступает на Речицу!

— Рота, вперед!.. — скомандовал я.

На марше с командирами взводов разработали план боя. Мы учли свое выгодное положение, возможность нанести внезапный удар по противнику с тыла или фланга.

Чем ближе к Речице, тем отчетливее слышалась перестрелка.

Я вызвал связного.

— Во что бы то ни стало нужно добраться до Ковпака и доложить ему о том, что мы готовы вступить в бой...

Связной вскоре вернулся с приказом Ковпака — немедленно атаковать.

Но прежде чем идти в атаку, необходимо было точно установить расположение гитлеровцев.

Разведчики блестяще справились с этой задачей. Враг клином врезался в село. Конечная точка этого клина уже вошла в соприкосновение с партизанским штабом, широкая же «основа» была еще на подступах к селу. Я оставил в тылу у противника группу автоматчиков, чтобы создать панику, а сам ударил по самому острию клина.

Атака была совершеннейшей неожиданностью для врага.

Фашисты начали отходить. Находившиеся в укрытии автоматчики открыли по ним сильный огонь.

Враг заметался. Спасти удалось немногим.

В ту же ночь все наше соединение перебралось из Ре-

чицы в лес, расположенный по соседству с селением Мухоеды. Нам нужно было отправить тяжелораненых на «Большую Землю». После уничтожения немцами партизанского аэродрома на «Князь-озере» мы ни разу не принимали своих самолетов.

Еще продолжались бои за Речицу, когда Ковпак отдал приказ о подготовке аэродрома для вызванных им самолетов в поле, неподалеку от села Мухоеды. Когда площадка была готова, мы создали вокруг нее крепкую оборону и умудрились в процессе боя с противником принять самолет. Затем погрузили в него раненых, среди которых был и мой друг Ваню Рехвиашвили.

Вместе с ним отправляли также тяжело раненного Васю Минко, политрука пятой роты. Я обнял его и пожелал скорейшего выздоровления.

Было часов одиннадцать ночи, когда начался ожесточенный бой за освобождение села от фашистов. В это время и раздался характерный рокот мотора. Мы выпустили ракеты и развели сигнальные костры. И — поднялись в атаку. А самолет стал быстро снижаться и опустился на поле.

Гитлеровцы осатанели. Одна атака за другой. Они хотят во что бы то ни стало захватить самолет, но вот уже раненые погружены, машина благополучно взлетает.

Бой за Речицу закончился полной победой партизан. Фашисты потеряли в этом бою двести пятьдесят человек только убитыми. Их карательная группа была полностью разгромлена. Противник огошел и закрепился в крупных населенных пунктах на реке Припять и узлах шоссейных дорог.

Мы несколько дней передохнули и, разведав местность и обстановку, перебрались в село Михайловку, ближе к реке.

ПУШКИ БЬЮТ ПО СУДАМ

Ковпак получил радиogramму... Нам предлагалось завязывать с противником изматывающие бои в районе нижнего течения Припяти.

Мы разрушили в разных местах железную дорогу между Днепром и Припятью, взорвали несколько железнодорожных мостов, уничтожили много эшелонов. Вместе с

Ветераны-ковпаковцы в
гостях у Зинаиды При-
щепы. Село Аревичи,
БССР

11 мая 1943 г. в этой
хате расквартировыва-
лась девятая рота

Уем, мы перерезали автодороги, ведущие от Киева на север и северо-запад. Нарушение этих коммуникаций заставило гитлеровцев серьезно призадуматься. Они фактически были лишены сухопутных дорог.

Противник начал искать речные пути и, естественно, не мог не обратить внимание на глубокую и широкую реку Припять. Гитлеровцам удалось в довольно короткий срок создать здесь мощную флотилию.

Из Германии спешно перебрасывались речные суда. Наши разведчики тщательно наблюдали за этими приготовлениями фашистского командования. Ковпак обзавелся специальными картами и просиживал над ними целые дни. Подготавливаемая операция сохранялась в тайне, но по активной работе разведки, по озабоченным лицам Ковпака, Руднева, Вершигоры, Базимы, Войцеховича мы видели, что командование задумало крупное, но непривычное и поэтому рискованное дело.

И вот однажды, после продолжительной разведки, бойцы Кульбаки донесли штабу: замечен караван судов, направляющийся из Чернобыля к Мозырю.

Получив это сообщение, Ковпак оживился. У него за-
сверкали глаза.

— А как же вы думали? — воскликнул он. — Все идет, как по нотам. Враг, разбитый на суше, пытается использовать водную магистраль. Нам надо выбить из-под ног фашистов и эту подпорку. Теперь разведке надо основательно изучить берега Припяти.

Для лагеря мы выбрали село Аревичи, расположенное на высоком речном берегу. Поблизости не было ни одного моста.

Нешуточное дело — переправить с одного берега реки на другой большое партизанское соединение.

Мы уже освоились в лесах вокруг села Мухоеды. А тут вдруг приказ — на марш.

Стремительно приблизились к реке, где в затонах были спрятаны заготовленные разведчиками паром и лодки. Ночью соединение скрытно стало перебираться на левый, восточный, берег Припяти. Днем мы укрывались от врага в лесу, а всю следующую ночь до самого рассвета велась переправа. Эта операция продолжалась четверо суток. Скопом мы переправили вплавь. Для переброски тяжелого вооружения и боеприпасов использовали паром.

Тихое село превратилось в военный лагерь.

В Аревичах соединение обосновалось надолго. По всем направлениям были высланы разведчики. Командование решило изучить ближние и дальние районы, численность вражеских гарнизонов, материальную базу противника и его средства обороны.

Вскоре у нас уже были точные сведения о том, что немецкие суда готовятся к весенней навигации. Ковпак издал приказ — занять ротами и батальонами все тактические пункты вдоль реки. На берегу были установлены хорошо замаскированные пушки.

А немцы по-прежнему предполагали, что партизаны могут помешать навигации на реке с запада. По сведениям разведки противник потерял нас из виду и не заметил нашей переправы через реку.

Прошло еще несколько дней. И вот мы заметили в четырех километрах от Аревичей караван судов противника: пароход «Надежда», пять барж и бронированный катер.

С большой осторожностью они подошли совсем близко к нам. «Надежда» и баржи остановились, катер же продолжал движение. Обследовав оба берега на протяжении одного километра, катер подал каравану сигнал: «Все в порядке».

Мы отчетливо видели плывущие суда.

Экипаж катера осмелел. Уже не принимая никаких мер предосторожности, катер довольно быстро пошел вперед и повел за собой остальные суда. Вот и пароход «Надежда» поравнялся с нашей засадой. Дальше ждать было нельзя.

Ухнуло орудие. Застрочили станковые пулеметы. Ливень партизанских пуль ударил по надстройкам. Упал один гитлеровец, второй, третий... Видимо, начальник каравана решил бежать. Пароход стал разворачиваться. Но куда бы

суда ни устремлялись, вниз или вверх по течению, — повсюду их встречал плотный огонь.

В это время несколько наших снарядов пробиты борт парохода. К небу потянулся густой черный дым. В отчаянии гитлеровцы бросались в воду, но и здесь их настигали партизанские пули. Ни одному фашисту не удалось спастись. Оставшихся на пароходе поглотило пламя.

Не прошло и получаса после гибели парохода, как изуродованные снарядами баржи, словно развороченные жестяные коробки, беспомощно закачались на волнах. Из-под воды торчала громадная дымовая труба — единственное, что напоминало о затонувшей «Надежде».

Из каравана уцелел только бронекатер, успевший благодаря своему быстрому ходу удрать вверх по реке.

Бой был закончен.

Командиры, собравшись в штабе, делились впечатлениями. Открылась дверь, и вошел командир орудия Москаленко, ведя за собой пленного фашиста.

На допросе немец показал:

— Нам говорили, что в этом районе есть партизаны. Ходит много слухов о могуществе Ковпака. Было также известно, что в последнее время партизаны Ковпака разведывали берега Припяти. Нас предупредили, чтобы мы держались все время поближе к левому берегу, так как армия Ковпака действует в лесах западной Припяти. Мы никак не ожидали вас в этой стороне. И не представляли себе, что ваш отряд находится так близко. Уничтоженные сегодня суда — только незначительная часть переброшенной на Припять флотилии. Там, далеко в верховьях, стоят наши бронированные пароходы. Они готовы выйти в путь, чтобы сопровождать транспортные караваны.

Пленный не лгал, наши разведчики к этому времени уже побывали в районе Мозыря. Они сообщали нам приблизительно то же самое.

АБОРДАЖ НА ПРИПЯТИ

После уничтожения фашистского каравана мы ждали ответных мер со стороны противника.

И действительно, немецкие самолеты вскоре начали кружить над Аревичами. Один из них заметил торчавшую над водой трубу «Надежды». И спикировал. По-видимому,

летчик фотографировал затонувшее судно. Мы открыли огонь, и самолет ушел на север. Ковпак долго наблюдал за ним в бинокль. Затем направился к штабу, бормоча:

— Ну, теперь ждите немцев...

В тот день меня порадовала почта. В штабе мне вручили небольшой конверт без марки.

Я сразу узнал отцовский почерк. Письмо было послано из грузинского села Бори Орджоникидзевского района. «Сын мой, Датико! — писал отец. — У меня два сына, и оба они сражаются на фронте. Я горжусь тем, что мои мальчишки защищают Родину и счастье нашего народа от проклятого врага. Это так и должно быть.

Больше трех месяцев мы ничего не знали о Гогия (мой брат. — Д. Б.) и только недавно получили письмо от его товарища. Он пишет, что Гогия ранен и лежит в госпитале, но ранение не очень серьезное и он скоро выпишется. Когда мы получили это письмо, твоя мать всю ночь звала в сны то тебя, то Гогия. Вера (моя жена. — Д. Б.) каждый день пишет тебе письма, интересно, доходят ли они до тебя. Она, бедняжка, очень убивается, но держится крепко. Вчера из Харагоули поднялся Аполлон. «Выпивка будет?» — окликнул он меня. «Пожалуйста, — говорю ему, — вести, надеюсь, хорошие?». «Виданное ли дело, чтобы я с плохими вестями приходил! Про Датико вашего в газете написано, да все стихами». Он обещал мне достать эту газету.

Сын мой Датико, помнишь наш двенадцативедерный чур^{*} под айвовым деревом? Так я его этой осенью наполнил вином на твоё счастье и хорошо замуровал. Ты должен собственной рукой вскрыть этот чур. Когда кончится война и я дождусь твоего возвращения, устрою пир на все село. Вот только одно беспокоит меня, в последнее время дурные вести до нас доходят, говорят, что враг подошел к предгорьям Кавказа. Я еще немного подожду, и пусть умрет твой старый Илья, если не перекину через плечо винтовку и не уйду в лес. Что же, и я попартизаню на старости лет.

Не запаздывай с ответом, пиши чаще. Вера и мать твоя шлют тебе с любовью привет.

Дела нашего колхоза идут хорошо, этой осенью мы пе-

* Чур — большой глянчатый кувшин для хранения вина, зарытый в землю.

рекопали два гектара под новый виноградник, весной заложим.

Будь здоров. Пишет всегда желающий тебе добра отец Илья».

Это письмо я получил с большим опозданием, поэтому отец писал в нем с таким волнением о битве в предгорьях Кавказа.

Только закончил чтение, как меня вызвали в штаб.

— Товарищ Бакрадзе,— сказал Руднев,— у нас имеются сведения о том, что враг в ближайшие дни большими силами поведет на нас наступление. Твоей роте приказано занять на берегу Припяти важный для нашей обороны пункт. По-видимому, в этот раз придется иметь дело с большой вражеской флотилией.

Через два часа рота с приданным ей орудием заняла указанные позиции. Прошла ночь, наступило ясное, солнечное утро. Я подставил солнцу спину и заснул.

— Товарищ командир, связные доносят о приближении вражеской флотилии,— разбудил меня командир отделения.

Я вскочил, протер глаза и посмотрел на реку. Вокруг тишина. Легкий ветерок слабо шевелил прибрежную траву.

— Залечь в траву, не поднимать головы, ждать моего приказа!

На реке показался вражеский караван. Я тотчас же послал связного сообщить об этом в штаб.

Флотилия, состоявшая из двух бронированных пароходов и четырех бронекатеров, подошла к Аревичам и открыла огонь.

Берега молчали, словно вокруг не было ни одной живой души.

Корабли, продолжая медленно двигаться вперед, вели артиллерийскую и пулеметную стрельбу.

Берега Припяти по-прежнему хранили молчание. Оккупанты ослабили бдительность, на палубы вышли матросы. Партизаны сгорали от нетерпения. Я посмотрел на ребят и встретил их горящие глаза. «Приказывай, что же ты ждешь!»— красноречиво говорили их взгляды. Погрозили кулаком: «Ни звука!»

Было необходимо как можно дальше заманить корабли противника и поставить их под пушечно-пулеметный огонь.

Караван поравнялся с нашей засадой. Ждать больше нельзя.

— Огонь!

Внезапность нашего удара вызвала на некоторое время растерянность среди противника, но фашисты вскоре пришли в себя и стали отвечать.

В начале боя противник намного превосходил нас огневой мощью. И тут наши артиллеристы выкатили пушку на прямую наводку и первым же выстрелом разворотили дымовую трубу парохода. Огненные искры, вырываясь из топок, падали на палубу, и вскоре весь корабль был объят пламенем. Душераздирающие вопли неслись над рекой. Фашисты, ища спасения, бросались в воду.

Второй корабль двинулся на помощь горящему судну. Подойдя к нему почти вплотную, он открыл по берегу сильный огонь. Тут Сергей Анисимов навел на него свое орудие и выпустил подряд пять снарядов. Изуродованное судно стало погружаться в воду рядом с первым кораблем.

Бронекатера не приняли боя. Став на значительном расстоянии, они выжидали удобного момента для бегства.

Экипажи выведенных из строя пароходов, несмотря на свое отчаянное положение, продолжали отстреливаться.

Черный дым окутал берега Припяти. Под покровом неожиданной дымовой завесы партизаны скрытно подплыли к поврежденному судну. Сквозь густую пелену дыма мы различили, как, став на плечи товарища, один из партизан взобрался на корабль. Смелый боец с автоматом в руках обожегал всю палубу, схватил брошенный крупнокалиберный пулемет, установил его против лестницы, ведущей в трюм, и дал длинную очередь. Это был Сердюк.

— Осторожно, ребята, не стреляйте! — крикнул он.

— Что вы там делаете?

— С Павловским фашистов караулим, а то они, чего доброго, улизнут.

— До каких же пор собираетесь вы там оставаться?

— Пока не сгорит судно.

— Так вы сгорите вместе с ним.

— Успеем прыгнуть в воду.

— А много там немцев?

— Пока много...

Сопrotивление врага было сломлено. Бежать удалось лишь нескольким гитлеровцам, остальные были уничтожены пламенем и партизанскими пулями.

Руководители партизанских отрядов Сумской и Черниговской областей, боевые соратники — генералы Ковпак и Федоров

Когда с пароходами все было покончено, бронекатера обратились в бегство.

Но в трех километрах на северо-востоке от Аревичей их встретил находившийся в засаде батальон Кульбаки и в течение нескольких минут потопил три катера. Четвертый метнулся в сторону и застрял в прибрежных камышах. Бойцы заминировали вокруг него камыши.

Как стало известно позже, фашисты, пришедшие ночью выручать катер, напоролась на мины и понесли потери.

Нескольким гитлеровцам удалось скрыться в лесу. Трое, не выдержав голода, зашли в село, ворвались в хату старого крестьянина и потребовали хлеба. Хозяин кивнул и направился к двери, но один из фашистов преградил ему путь. Дед стал объяснять, что он хотел выйти, чтобы принести хлеба, а не со злым умыслом. Старику поверили.

Он медленным шагом направился к выходу, неожиданно бросился к стоявшему у двери автомату, схватил его и тут же уложил двух фашистов. Третий успел бросить ему под ноги гранату. Тяжело раненный крестьянин упал на пол. Гитлеровец воспользовался этим, выскочил из хаты и юркнул в стоявший во дворе стог сена. Оттуда его извлекли разведчики Кульбаки.

Раненому крестьянину (ему было семьдесят три года)

наши врачи оказали первую помощь и в ту же ночь отплатили самолетом на лечение в Москву.

О нашем удачном сражении с немецкой флотилией узнали во всей области. И, действительно, это была немалая победа.

Но Руднев говорил:

— Сегодня враг разгромлен, однако не забывайте, мы сражаемся в тылу противника, и в тяжелую минуту можем надеяться на дополнительные резервы. Фашисты же всегда имеют возможность двинуть против нас крупные силы.

Тактика партизанской войны требовала, чтобы после проведения удачного боя мы немедленно покинули Аревичи. Но наше выступление задерживалось: ждали возвращения высланных по всем направлениям разведчиков. Число находившихся в разведке бойцов превышало сто сорок человек, причем большинство было послано в отдаленные районы. У нас было правило не переходить на новое место, пока оно не будет хорошо изучено.

Разведчиков послали еще и потому, что о Правобережной Украине требовались исчерпывающие разведанные для Советской Армии.

Партизанская жизнь сделала нас непоседами. Как охотник не может долго сидеть на одном месте, так и мы, оторвавшись от противника и немного отдохнув, снова искали с ним встречи.

Командиры двух партизанских соединений — Ковпак и Федоров — решили совместными силами овладеть городом Брагин.

Оставив тылы и часть сил в Аревичах, скрытно двинулись на операцию. В пути нам пришлось столкнуться с немецким карательным батальоном. В этом бою мы захватили две гаубицы.

Подойдя к Брагину, партизаны сокрушительным ударом в течение нескольких часов очистили его от фашистов. Немецкий гарнизон понес большие потери, одних убитых оказалось свыше трехсот человек. Засевшие на колокольне эсэсовцы некоторое время оказывали ожесточенное сопротивление, но мы с помощью трофейных орудий заставили их замолчать.

В отместку за потерю Брагина фашисты подвергли Аревичи ожесточенной бомбардировке с воздуха. Мы были вынуждены покинуть село и укрыться в лесу.

В те дни и пришла к нам радостная весть.

— Давид, знаешь новость,— спросил командир восьмой роты Сергей Горланов.

— Не знаю.

— Только что в штаб сообщили с «Большой Земли» о присвоении Ковпаку, Рудневу, Сабурову и Федорову генеральских званий. Отныне наши командиры — генералы.

Вскоре в соединении распространился слух: прилетели члены Центрального Комитета Компартии Украины. Желая проверить это, я поспешил в штаб. Действительно, слух оказался верным.

Прилетел секретарь Центрального Комитета Демьян Сергеевич Коротченко. С его приездом была образована партийная комиссия, которая рассмотрела заявления бойцов о принятии их в партию.

Д. С. Коротченко по поручению Президиума Верховного Совета СССР в торжественной обстановке вручил партизанам награды. Меня наградили орденом Отечественной войны I степени.

КРАХ ОПЕРАЦИИ „МОКРЫЙ МЕШОК“

В начале наше партизанское соединение не имело кавалерии. Жизнь же подсказала—нужен сильный кавалерийский отряд. После крупных боев, когда разбитый враг спасался бегством, партизанская пехота не могла его успешно преследовать. Здесь требовалась подвижная, маневренная группа.

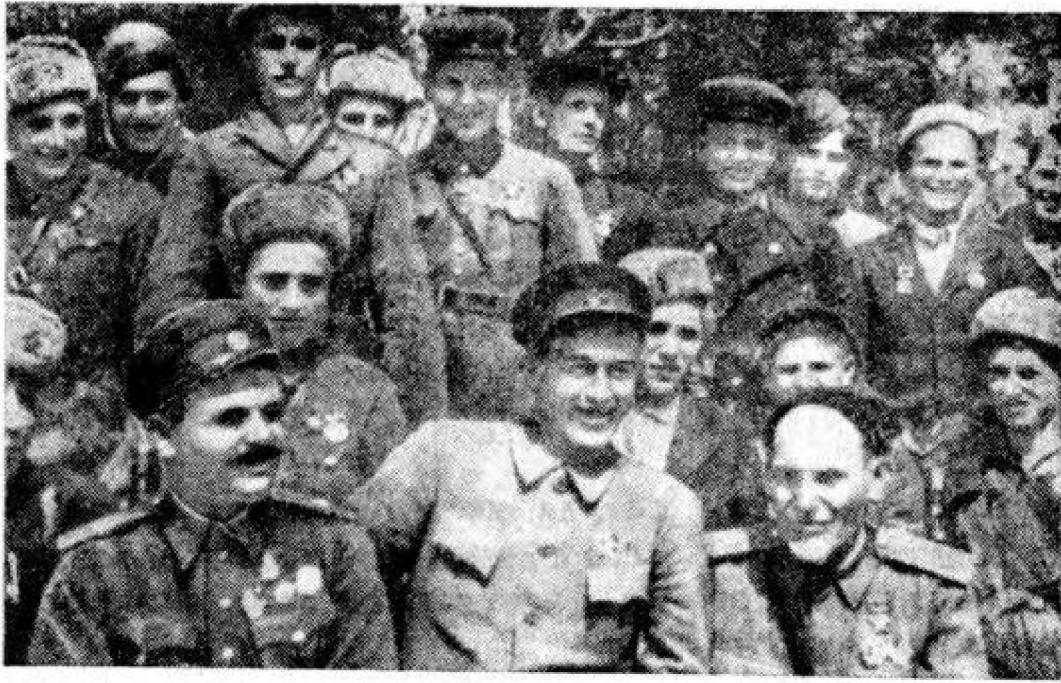
Впервые вопрос о создании в нашем соединении кавалерийской группы поставил Демьян Сергеевич Коротченко.

Подумали, взвесили все — условия есть. В наших рядах находился прекрасный знаток этого дела — кадровый кавалерист Ленкин, которому партизаны дали прозвище «Усач» за его роскошные усы.

Ленкин отобрал в каждой роте по два-три бойца, посадил их на коней и начал учебу.

Вскоре мы имели грозную партизанскую кавалерию, которая сыграла большую роль во всех проведенных соединением операциях.

В средних числах мая возвратилась часть бойцов, высланных в дальнюю разведку. Они сообщили, что от Речицы до Киева укрепления противника очень слабы, почти от-

С. В. Руднев, Д. С. Коротченко, С. А. Ковпак
после вручения партизанам правительственных наград

существуют доты, дзоты, окопы и траншеи. Лишь в нижнем течении Днепра и Припяти стоят его артиллерия и пехота.

Вместе с тем наше командование располагало точными данными о том, что немцы намеревались заманить партизан на юг. Соединение же находилось между Припятью и Днепром, с одной стороны, и железнодорожной линией Гомель—Каширичи, с другой. Пространство, заключенное между двумя реками, постепенно клинообразно суживалось к югу: у слияния Припяти с Днепром находился заостренный конец клина. Обе реки были достаточно широки и глубоки. На их правых берегах укрепился противник. Как выяснилось впоследствии, враг готовился нанести нам удар в узкой части клина.

Расчет фашистов был таков: заманить партизан в пространство между двумя реками, затем загнать их в узкую часть клина и сбросить в воду. Этот план немецкого командования подтвердили пленные. Фашисты называли готовящуюся операцию «мокрым мешком».

Нужно было менять наш маршрут.

Командование соединения избрало северное направление с тем, чтобы выйти из клина между двумя реками и затем повернуть на запад. Своевременно разгадав замысел фашистов, мы оставили «мокрый мешок» фашистов пустым и двинулись на север, в направлении железнодорожной линии

Гомель — Калинковичи. Вблизи станции Демихи должны были пересечь железнодорожное полотно.

Однако на подступах к железной дороге встретили серьезные препятствия. На каждом шагу были сооружены дзоты, глубокие рвы, проволочные заграждения. В час ночи мы втянулись в бой, который длился до девяти часов утра. Враг на бронепоезде подбросил с соседних станций сильные подкрепления. Канонаду вражеской артиллерии, минометов и танков слышали даже в дальних селах и хуторах.

Было ясно, что в этом бою неизбежны значительные потери.

Связные передали нам приказ Ковпака об изменении маршрута. Берем курс на юг. Снова возникла угроза «мокрого мешка».

Мы старались укрыться от вражеской авиации, и поэтому углубились в лес. Ковпак нервничал в связи с вынужденным изменением маршрута. В истории нашего соединения это был единственный случай, когда ковпаковцы не смогли прорвать оборону противника и перейти железнодорожное полотно.

Противник торжествовал. Наше отступление от станции Демихи он расценивал как торжество своего плана операции «мокрый мешок».

...Разведка донесла, что гитлеровцы на всем протяжении реки Припяти сконцентрировали много техники и живой силы. Все позиции врага были укреплены с особой тщательностью. Создалось исключительно тяжелое положение: с фронта были сняты две немецкие дивизии.

В тот период против нашего соединения действовали также части СС.

Численно враг превышал нас не менее чем в шесть-семь раз.

Семнадцатого мая утром фашисты начали наступление.

Используя танки и минометы, враг непрерывно атаковал наши позиции.

В этот день партизаны отразили все атаки. Фашисты потеряли девять танков и триста человек убитыми.

Ковпак приказал:

— Ни шагу назад!

Мы не отказались от своей основной цели — форсировать Припять и выйти на правобережную Украину. Немцы же мечтали загнать нас в «мокрый мешок».

Нелегкое это было дело построить мост через широкую

и глубокую Припять. В том месте, где мы находились совсем не было леса. Ковпак лично руководил постройкой переправы, а Руднев возглавил оборону.

У партизан был опыт строительства мостов, накопленный еще на Брянщине.

В наших рядах находился непревзойденный «мостовик» Яковенко. Ему и поручил Ковпак техническую сторону этого дела.

— Товарищ Яковенко,— сказал Ковпак,— сегодня тебе предстоит экзамен по своей специальности. Мост должен быть готов через двадцать четыре часа.

Яковенко возразил:

— Хороший мост должен строиться из хорошего материала, а здесь такого нет. А для доставки материала и далеко нет времени.

— Выходит, нельзя построить хороший мост? Можно. Будем строить из того материала, какой имеется под рукой,— решил Ковпак.

Поблизости от лагеря стоял сарай. Это было довольно большое строение из круглых бревен.

Сидор Артемьевич приказал срочно разобрать сарай и использовать бревна для постройки.

Затем Ковпак подозвал меня и сказал:

— Время не терпит, мы должны работать всю ночь без передышки. Срочно сними с обороны свою роту и помогай Яковенко.

Через два часа сарай был разобран. Для строительных работ мы выбрали укромное, заросшее кустарником место.

Всю ночь таскали к реке бревна и доски и связывали их в плоты. Течение воды давило на вытянувшиеся поперек реки плоты, рвалась проволока и веревка, бревна расползались. Люди падали в воду. Мы несли к берегу все, что могли собрать вокруг, нужно еще было невесть где «выкроить» по крайней мере двадцать метров мостовых пролетов.

Увидевший наши отчаянные усилия Коротченко тоже включился в стройку. Он работал рядом с нами по пояс в воде.

На расстоянии четырех километров на противоположном берегу находилось село Вяжище. Там стоял батальон СС. Его разведка обнаружила нас и подняла тревогу.

Батальон тотчас же выступил из села с танками и минометами и завязал ожесточенный бой с переброшенной на другую сторону на лодках ротой Карпенко. Руднев разга

Переправа конников
через реку Припять

дал намерения эсэсовцев, отобрал группу конников, вручил им много ракет и приказал:

— Пускайте ракеты через каждые три минуты.

Конники в точности выполнили приказ Руднева. Противник решил, что на этом участке сосредоточены большие силы партизан, и открыл по ним ожесточенный артиллерийский огонь. Наш отвлекающий маневр полностью удался.

На правом берегу реки стоял огромный дуб, поврежденный молнией, к нему толстыми тросами был прикреплен конец моста. Стояло противнику снести это дерево, и вся наша работа была бы сведена на нет.

Фашисты три раза ходили в атаку на роту Карпенко, но каждый раз их отбрасывали назад. В этом неравном бою партизаны показали огромную волю к победе. Правда, первое время противнику удалось немного потеснить Карпенко. Но в самый разгар боя два немецких танка подорвались на минах, остальные танки остановились на значительном расстоянии, и их огонь издали не приносил вреда. К рассвету мост был готов.

В шесть часов утра началась переправа.

Связанные проволокой бревна легко погружались в воду даже под сравнительно небольшой тяжестью. Особенно трудно было переправлять артиллерию. Пушки пришлось разобрать и перетаскивать частями на руках. При этом мост спускался так глубоко, что течением сбивало людей. А на правом берегу, в направлении Вяжище, продолжался ожесточенный бой.

Демонстрация с ракетами только на недолгое время отвлекла внимание противника, но и эти выигранные минуты дали возможность нашим основным силам переправиться на правый берег.

Бой у моста принимал ожесточенный характер. Победа склонялась то в нашу сторону, то к противнику.

К счастью, враг не знал, как нам тяжело. Боеприпасы были на исходе. Мы уже с трудом отражали ожесточенные атаки.

Вскоре все соединение переправилось на правый берег Припяти.

Отрываясь от противника, быстрым маршем ушли в лес взорвав с таким трудом возведенный мост.

Воды Припяти унесли его обломки.

„МЫ ТЕРЯЛИ ДРУЗЕЙ БОЕВЫХ..“

Ковпак составил план захвата села Вяжище. С левого фланга, с восточной стороны, здесь должен был наступать второй батальон под командованием Кульбаки, а с правого — третья и шестая роты под командованием Карпенко и Дегтева. Моя девятая рота атаквала в лоб. Артиллерии Анисимова Ковпак приказал огнем подержать наступающих бойцов.

Задача была ясная. Приступили к ее выполнению.

— Ложись! — приказал я. — Ползком, не поднимай головы, за мной! — и указал рукой на Вяжище. — Без приказа не стрелять!

Мы приблизились к противнику на расстояние каких-нибудь тридцати метров. Лежим распластавшись на земле. Нервничают партизаны, ждут сигнала к атаке. Полигруппа Рагуля на мгновение высунул голову из-за ствола дерева и в тот же миг его прошила вражеская автоматная очередь. Когда увидел это, у меня перехватило дыхание. Слово пуля, поразившая Рагулю, пронзила и мое сердце. Я вскочил и закричал, во весь голос: «Рота, вперед!».

Страшные, гневные поднялись партизаны в атаку. Завязался рукопашный бой. Противник дрогнул и побежал...

В бою за Вяжище мы нанесли фашистам большой урон. Лес был усеян трупами вражеских солдат.

Но и мы понесли значительные потери. В нашей роте погибли шесть бойцов, среди них — замечательный пулеметчик Приходько и помощник командира отделения Кокорев.

В самый разгар боя боец Зинченко поднял свой пулемет на дерево и стал оттуда косить находившихся на возвышенности гитлеровцев. Но тут шальная вражеская пуля сбила Зинченко с дерева.

Смерть Рагули была для меня самым тяжелым ударом. Прекрасный товарищ, он своим благородством и душевной чистотой завоевал наши сердца.

Перед боем я просил Рагулю остаться с ранеными, но на мое предложение он ответил с присущей ему твердостью: «Нет, Давид, я должен быть с вами, может быть, пригожусь в трудную минуту. И я брошу в гитлеровцев хоть один камень».

И он пошел с нами в эту последнюю для него атаку.

Он любил всегда перед боем одеваться, как на парад. Это обстоятельство, видимо, его и погубило. Немцы, вероятно, приняли его за командира отряда и постарались вывести из строя.

Мы похоронили Рагулю вместе с другими погибшими товарищами на окраине села. Каждый раз, когда погибали наши храбрейшие товарищи, мы над их могилами повторяли нашу партизанскую клятву:

«Я, гражданин великого Советского Союза, вступая в ряды партизанского отряда, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину.

За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилие и издевательство над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неуклонно.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя своей крови и своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам свою землю и весь советский народ в рабство кровавому фашизму.

Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей».

...Во время боя у села Вяжище нам достались многочисленные трофеи. Рота захватила четыре станковых и три ручных пулемета, два полковых миномета, одну пушку, тридцать пять тысяч патронов и другое военное снаряжение.

Из пятнадцати автомашин, оставленных фашистами,

Ветераны-ковпаковцы у братской могилы однополчан, погибших в 1943 г. в боях на реке Припять

дется потерять... Это война.

После короткого привала мы выступили из села. Иду, а у самого сердце рвется назад, ноги останавливаются. Ведь здесь, в сырой земле, мы оставляем наших дорогих друзей. Когда зацветут красным пламенем полевые цветы, они напомнят будущему поколению о пролитой здесь чистой крови героев, напомнят имена павших здесь смертью храбрых.

Ухожу. Оставляю дорогие могилы. В последний раз преклоняю колени перед горкой желтой земли.

— Прощайте навеки, братья!

Мы снова изменили маршрут. Проходим по знакомым местам, где год назад вели тяжелые бои.

Народ восторженно встречает нас. «Кажется, это сон, — говорили жители села Мухоеды. — Ведь немцы все время убеждали, что они полностью уничтожили соединение Ковпака, ни одного человека не оставили в живых».

шесть оказались в полной исправности. Заправили эти машины и бросились преследовать противника. Через полчаса мы настигли группу гитлеровцев и уничтожили ее в коротком бою.

Первым из командиров, кого я увидел после боя, был Руднев.

Комиссар улыбнулся, и эта улыбка еще более красила его привлекательное лицо.

— Почему ты печален? — спросил Руднев. — Ведь мы одержали победу.

— Семен Васильевич, погиб Рагуля, — еле выговорил я, сдерживая слезы.

— Мужайся, Давид, — тихо сказал Руднев. — Многих мы потеряли. И еще многих при-

Целый день провели мы в лесу неподалеку от Овруч—Словечная. Ночью должны были пересечь железнодорожную магистраль Овруч—Мозырь и достичь села Усики Дельчицкого района.

Подошли к усиленно охранявшейся немцами железной дороге Овруч—Мозырь. Вдоль полотна — железобетонные укрепления.

Необходимо было провести большую предварительную подготовку, чтобы крупное партизанское соединение могло перейти железнодорожное полотно.

Я со своей ротой засел в укрытии на восточной стороне, против меня укрепился батальон Кульбаки.

Наша артиллерия, пехота и кавалерия растянулись не менее чем на четыре километра. Для перехода всей колонной железной дороги требовалось по крайней мере два-три часа. Немецкая охрана легко могла обнаружить нас. Разумеется, одними своими силами охрана не решится вступить в бой, но по телефону или с помощью ракет может вызвать из ближайших пунктов подкрепления. Мы заранее учли это обстоятельство.

Девятая рота находилась в хорошо замаскированном укрытии, на расстоянии одного километра от места перехода. Выслал вперед разведчиков. После их возвращения сообщил командованию, что путь свободен и можно двигаться.

Соединение беспрепятственно перешло дорогу и углубилось в лес. Разведчики ракетой дали знать — операция благополучно завершена.

На пути, к счастью, не встретили немцев. Видно, они пополняли свои потрепанные части. А мы за это время сделали большой бросок и оторвались от противника.

Не было предела радости и удивлению, когда недалеко от села Гуго Стирино бойцы встретили партизанское соединение Сабурова.

Наши разведчики шли гуськом по тропинке; их заметила разведка Сабурова и устроила засаду. Когда ковпаковцы приблизились к укрытию, сабуровские разведчики узнали их и закричали:

— Привет ковпаковцам!

Наши ребята схватились за автоматы.

— Свои, не стреляйте! — закричали сабуровцы, со смехом выскакивая из укрытия.

Ковпаковцы тоже узнали старых знакомых, бойцы при-

ветствовали друг друга. Из рук в руки переходили кистеты, наполненные махоркой.

Соединение Сабурова стояло лагерем в селе Милашевичи Лельчицкого района, в Полесье. В декабре прошлого года мы тоже отдыхали в селах Милашевичи и Глушевичи. Отсюда провели операцию по взрыву железнодорожных мостов Сарнского узла.

Бойцы обоих соединений разыскивали друзей и знакомых.

Не меньше, чем встреча с сабуровцами, обрадовал нас визит девушек из Милашевичей.

От них мы и услышали чудесную песню, сложенную партизанами:

Как хлопцы шагали
И в дождь, и в пургу,
На страх и на лютую
Гибель врагу,
Как били его
Богатырской рукой
За древним Путивлем,
За Сеймом-рекой...

Товарищи из Глушкевичей рассказывали:

— После вашего ухода фашисты сожгли село, разорили дома... Пришлось укрываться в лесу. Тех, кто остался, оккупанты загнали в церковь, заперли, облили здание бензином и подожгли. Люди погибли в страшных мучениях.

Пепел этих жертв стучал в наше сердце! Ненависть душила нас.

Недолго оставались мы в тех местах.

Ковпак получил из штаба партизанского движения приказ — выступить в новый рейд.

К КАРПАТАМ

В распоряжении Сабурова был отличный аэродром. Самолеты непрерывно доставляли с «Большой Земли» военное снаряжение, боеприпасы и литературу для обоих соединений.

Однажды вечером к нам прилетел начальник Украинского штаба партизанского движения генерал-майор Тимофей Амвросьевич Строкач. Он прибыл с особым заданием Центрального Комитета Коммунистической партии Украины.

которое сообщил только Ковпаку, Рудневу и Базиме. Затем состоялся митинг, на котором с речью выступил Демьян Сергеевич Коротченко.

Стало ясно, что готовится новый рейд, но о его направлении мы пока ничего не знали.

После митинга состоялось партийное собрание. Коммунисты соединения говорили о своих задачах в связи с предстоящим рейдом.

Перед нашим выступлением жители сел Глушкевичи и Милашевичи устроили прощальный митинг.

— Враг нас разорил, сжег наши дома, но мы клянемся, что он нас не сломит, — говорили они.

Партизаны благодарили население за поддержку и обещали сражаться до тех пор, пока на советской земле не будет уничтожен последний оккупант.

Агитаторы, выделенные нашей партийной организацией, ходили в села с журналами и газетами. Крестьяне, затаив дыхание, слушали сообщения Совинформбюро. Народ радовался победам родной Армии...

— А то, как они думали! — сказал мне как-то восьмидесятилетний старик. — Никогда не смогут они захватить Москву, не смогут покорить нашу Родину. Возьмем, к примеру, ваш отряд. Сколько раз говорили фашисты: «Мы уничтожили Ковпака вместе с его отрядом». Ну, а на самом деле, что видим?.. А тем более весь Советский Союз. Это ж такая сила. Куда там гитлеровцам с ней справиться!

Перед выступлением в рейд мы отправили на «Большую Землю» последнюю партию раненых.

В Москву полетел и наш общий любимец — Алексей Ильич Корнев — Дед Мороз. Годы взяли свое. Он сильно простудился во время постройки моста через Припять, у него обострился ревматизм. Он совершенно не мог двигаться.

Когда артиллеристы на носилках принесли Алексея Ильича на аэродром, старик прослезился. Ему было тяжело расставаться с товарищами. Нам тоже грустно было прощаться со своим комиссаром батареи.

Двенадцатого июня 1943 года партизанское соединение Ковпака выступило в Карпатский рейд.

Открывалась новая страница нашей боевой истории.

Ведение партизанской войны в горах представляло большие трудности. Особенно для такого крупного соединения, как наше. Еще не выработалась тактика партизанской борь-

Комиссар соединения
С. В. Руднев и начальник
штаба партизанского дви-
жения Украины
Т. А. Строкач

бы в горах, не было у нас такого боевого опыта. Непрístupные вершины, узкие тропы на почти отвесных склонах ограничивали маневренность.

Мы должны были скрытно достичь Карпат и нанести врагу внезапный удар.

Из практики проведенных боев стало ясно, что наши оперативные намерения в большинстве случаев оставались неразгаданными врагом благодаря тому, что днем мы скрывались в лесах, а ночью двигались вперед и совершали диверсии. Эта испытанная тактика оказалась вполне целесообразной и в новом рейде.

Нам предстояло пройти Станиславскую, Львовскую, Тарнопольскую и другие области, строго соблюдая все законы партизанской войны.

Новый рейд значительно отличался от предыдущих. Комиссар Руднев говорил: «Мы вступаем в новую фазу войны, мы начинаем смертный бой в местах, где очень трудно вести военные операции. Впереди нас ждет множество преград и испытаний».

Перед нами лежала Олевско-Сарнская железная дорога. Вершигора, который в это время только что вернулся из Москвы, разослал во все концы разведчиков с заданием тщательно обследовать район. Выяснилось, что подходы к железнодорожному полотну заминированы и опутаны колючей проволокой.

Но солдат для охраны этого участка железной дороги гитлеровцы выставили сравнительно мало. Они не могли предположить, что здесь могут появиться партизаны. Мы

разминировали подходы к железнодорожному полотну, разрезали проволочные заграждения, и соединение начало переходить железную дорогу. Я получил приказ занять позицию вправо от места перехода на случай внезапного нападения.

Такое же задание получила рота Горланова. Она устроила заслон слева, в направлении Олевска.

Только я укрыл роту, как появились немцы. Завязался бой. Мощным ударом мы отбросили противника.

Тем временем соединение благополучно пересекло железную дорогу. Мы с Горлановым присоединились к главным силам. К утру достигли села Глушково. Здесь пробыли весь день. В дальнейшем продвижение осложнилось. Враг стал преследовать нас и навязывать бои. На наши контратаки отвечал сильным сопротивлением. Ночью мы углубились в лес.

Шли бесконечные дожди, грязь — по колено.

Молча, бесшумно двигались вперед партизаны. Время от времени ночную тишину нарушало фыркание лошадей. У перекрестка лесных дорог произошел небольшой бой. Враг был рассеян.

Лесное сражение особенно опасно ночью. Можно вместо противника обрушить огонь на своих. Поэтому мы по возможности не рассредотачивались, держались как можно ближе друг к другу. Это позволяло лучше ориентироваться и вести более прицельную стрельбу.

Лесные бои в этот период походили на короткую летнюю грозу, когда внезапно ясное небо затягивается черными тучами, сверкает молния, гремит гром. Затем обрушивается могучий ливень. И так же внезапно, как после грозы, все сразу успокаивается и снова наступает тишина и спокойствие.

Пожалуй, не меньше, чем летучие стычки, нас изводили бесконечные дожди. Стоило слегка задеть дерево, как с него, словно из ведра, обрушивались на нас потоки воды.

Вскоре я получил приказ Ковпака — навести мост через Горынь, не очень широкую, но глубокую и быструю реку. Гитлеровцы большинство мостов здесь взорвали, а уцелевшие охраняли усиленными отрядами.

Снесли к реке строительный материал и начали работу. Немедленно с противоположной стороны последовал сильный огонь. Так под пулями и был достроен мост. Партиза-

ны переправились на другой берег и продолжали движение на запад.

На рассвете двадцать седьмого июня мы снова вступили в лес. Вдруг, совершенно неожиданно, кто-то обстрелял наше выдвинувшееся вперед подразделение. Подразделение приготовилось принять бой. Однако вскоре выяснилось, что произошло недоразумение: наши разведчики наткнулись на диверсионный отряд Медведева.

— Никак не могли себе представить, что вы находитесь здесь, — сказал Медведев. — Ждали нападения фашистов, поэтому приняли вас за противника. К счастью, все обошлось благополучно.

В это время отряд Медведева насчитывал свыше двухсот человек. Часть отряда состояла из бойцов, сброшенных в тыл врага на парашютах, часть — местные жители. Мы встретились с медведевцами, когда они отдыхали в лесу, ожидая взрывчатку с «Большой Земли».

Наши партизаны не впервые сталкивались со смельчаками отряда Медведева. Мы познакомились с ними в феврале 1943 года, когда отряд Ковлака стоял в селе Ляховичи. На этот раз Дмитрий Медведев принял нас в своих «владениях». При этой памятной встрече присутствовал и прославленный разведчик Николай Кузнецов, с которым нам не удалось познакомиться поближе во время первой встречи. Меня очень заинтересовал этот замечательный человек. Я не раз слышал о нем, и вот представился случай познакомиться лично.

О Кузнецове уже много писалось. Скажу только, что на меня произвели большое впечатление его серые, отливающие сталью глаза и удивительно ясный взгляд.

Кроме всего прочего, Кузнецов обладал удивительным талантом перевоплощения и импровизации. Его героизм, его подвиги бессмертны. И я благодарен судьбе за ту лесную встречу.

...Командир диверсионного отряда Медведев сообщил нам очень важные разведданные. Он как свои пять пальцев знал местность, население, расположение противника, его численность, слабые и сильные стороны. Это было весьма кстати, так как наш отряд все время находился на марше и нам было трудно вести тщательную разведку.

Медведев остался в своем районе, а мы двинулись дальше.

Шли спокойно, не входя в соприкосновение с неприятелем.

дем. После большого перехода вступили в село Германка, расположенное на расстоянии пяти километров от железной дороги.

— Не годится, пожалуй, столь длительная тишина и бездействие, — сказал, наконец, Ковпак. — Уже пора устроить фашистам хорошую трепку. Пусть думают, что это местные партизаны их бьют.

Вскоре представился подходящий случай. Разведчики донесли, что на Киевско-Львовской железной дороге наблюдается усиленное движение эшелонов с воинскими грузами в сторону фронта. Охрана линии была слабой. Наступил праздник для Матющенко — он в нашем соединении стяжал себе славу непревзойденного диверсанта.

Ковпак вызвал Матющенко:

— Сегодня ночью тебе придется поработать...

Матющенко увел батальон в темноту.

Оставшиеся в селе ждали возвращения товарищей.

Полночь. Далеко раздается глухой шум: идет поезд. Гул постепенно нарастает, становится отчетливее.

Засвистел паровоз. Это машинист предупреждает тормозную прислугу о приближении к уклону.

Вдруг сильный взрыв потряс небо и землю.

Затем наступила тишина.

Над железнодорожным полотном небо стало ярко-красным. После небольшой паузы до нас стала доноситься глухая пулеметная и автоматная стрельба, взрывы ручных гранат.

— Молодчина Матющенко, так их! — восклицает Ковпак, хлопая плетью по голенищу.

Матющенко действительно хорошо поработал в эту ночь: ему удалось взорвать три неприятельских эшелона, из которых два были нагружены танками и один — пушками.

Соединение двинулось дальше. На рассвете вошли в густой дубовый лес. В нем провели двое суток.

Уже совсем близко — бывшая австрийская граница.

Медведев прослышал о нашей удачной диверсии на железной дороге и навестил нас.

— Не думаю, чтобы фашисты оставили безнаказанным уничтожение эшелонов, — сказал он. — Вы должны теперь быть наготове и продвигаться с большой осторожностью. Такую группу, как ваша, трудно скрыть.

Разведка подтвердила предположение Медведева: нем-

цы стали готовиться к действиям против нас. Нам же сейчас невыгодно вступать в бой. Торопимся, обходим шоссе и движемся тропинками.

Но немецкая часть все же настигла нас.

Дорого обошлась фашистам эта схватка. Они оставили на поле боя восемь автомашин, десятки убитых. Многие фашистов мы захватили в плен, а что самое главное — не имели в этом бою потерь.

Гитлеровцы всполошились. Оккупанты сперва думали, что наш отряд малочислен, и они легко с нами справятся. Потом на горьком опыте убедились в противном, старались избегать с нами встреч.

Пленные рассказывали, что командиры немецких гарнизонов отдали приказ вести только оборонительные бои. «Наш штаб принял такое решение, — показывал один пленный, — по той причине, что соединение Ковпака состоит из хорошо обученных регулярных воинских частей».

Немцам уже была хорошо знакома фамилия нашего командира...

РАЗВЕДЧИКУ — ВЕЗДЕ ТРОПКА...

По обеим сторонам длинной улицы выстроились красивые белые домики. Молча, настороженно смотрят на нас крестьяне. Мы вошли в село Кочановка.

Как только население узнало, что это партизаны, моментально вся улица заполнилась людьми.

Нам рассказали, что в ближайшем городе Скалат находится сильный фашистский гарнизон.

Ковпак послал в Скалат разведчиков. По возвращении они доложили, что в городе расположены значительные силы противника. Немцам уже известно о нашем прибытии. Гитлеровцы готовятся выступить против нас.

Вскоре разведка донесла, что большой отряд противника выступил из города и движется в нашу сторону.

Как раз в это время к нашим основным силам присоединился Матющенко со своим батальоном, отставшим при проведении диверсии.

Соединение заняло оборону. Вражеская часть подошла к самому лесу, первая ее цепь стала разворачиваться.

— Не вступать в бой до моей команды, — передал связ-

ной приказ Руднева. Медленно потекли удлинённые ожидающим минуты. И...

— Огонь!..

Дружно ударили партизанские винтовки и автоматы, торопливо рассыпали перестук очередей станковые пулеметы. Будто наткнувшись на невидимое препятствие, фашистские цепи остановились и повернули назад. Немцы поняли, что просчитались, но было уже поздно. Мы их преследовали до полного истребления. Взяли только несколько пленных.

Воспользовавшись разгромом скалатского гарнизона, решили войти в город. Первым ворвались в него кавалеристы Ленкина, за ними — пехота и артиллерия.

Скалат — небольшой городок. Чистые и ровные улицы утопают в зелени.

Население встретило нас приветливо.

Спрашивают:

— Как у вас с питанием?

— А что?

— Все хорошее у нас отбиралось, немецкие склады забиты нашим добром.

— А вам известно, где эти склады расположены?

— Конечно.

Жители повели нас к складам.

— Вот здесь сложена кожа и мануфактура, а вон там хранятся продукты.

Мы роздали местному населению продовольствие и промтовары и поспешили оставить город. Ведь не так уж далеко от Скалата находится Львов, враг мог оттуда за пять-шесть часов подбросить на машинах войска, а их во Львове, по нашим сведениям, немало.

Покинув Скалат, мы укрылись в лесу. После короткого отдыха снова выступили в поход, выслав вперед разведчиков.

О разведчиках наших нужно рассказать особо. Среди них не последним был Ясон Жоржолиани.

Его информации всегда были исчерпывающими и точны. Он, словно игла, проскальзывал в расположение немецких гарнизонов и приносил ценнейшие разведданные.

— Ясон, ты не боишься, что фашисты сдерут с тебя шкуру? Уж больно частым гостем стал ты у них, — как-то шутя говорю я ему.

— Дело обстоит не так уж плохо, — отвечал он. — Если

бы еще я знал немецкий язык... Эх, не хотел учить его в школе!

— Неужели ты стал бы с ними беседовать?

— А как же! Вчера вечером я был в селе, захваченном немцами. Расхаживают себе спокойно по улицам да еще семечки пощелкивают. Вдруг вижу, перед одним домом на улице стоят гитлеровцы и о чем-то разговаривают, а сами поглядывают в мою сторону. Стал к ним приближаться, они заговорили совсем шепотом. А я делаю вид, что вовсе не замечаю их, иду себе своей дорогой. Фашисты успокоились и снова заговорили громко, а я свернул на другую улицу и спрятался среди подсолнухов. Ночью выбрался из села и благополучно пришел в условленное место. В таких случаях достаточно обернуться или слегка повернуть шею и можешь навлечь на себя подозрение.

— Главное — это смелость, — продолжал Ясон. — Опыт меня убедил: чем ближе разведчик подойдет к врагу, тем лучше. Скажем, я получил задание разведать город, в котором стоит неприятель. Если стану ходить вокруг да около и прятаться, то непременно попадусь. Гораздо лучше смело войти в город — так не навлечешь на себя подозрений. Я всегда прячу автомат в укромном месте, а при себе оставляю только ручные гранаты, да в голенище сапога — компас. В непосредственной близости от врага опасность всегда бывает наименьшей.

— И всегда сходит?

— Мне часто приходится ночевать в селах, переполненных фашистами. Представьте себе, там я чувствую себя спокойно, по опыту знаю, что в этом случае опасность не так велика, как ее можно себе представить. Но, конечно, прежде всего надо отыскать надежных людей. Если хозяин — преданный человек, то можно спокойно спать. Я до сих пор еще ни разу не ошибался в людях...

— Раз со мной произошел такой случай, — усмехнулся Ясон. — Гуляю себе по селу. Вижу, фрицы нервничают, поспешо созвали население и объявили: «Мы получили сообщение, что на нас собирается напасть Ковпак. На улицах прекращается всякое движение с 5 часов вечера и до 7 часов утра. С сегодняшнего дня строго воспрещается без особого разрешения выходить за черту села и входить в него. Нарушители приказа будут расстреляны».

Настроение у меня испортилось: вошел в село свободно, а как отсюда выйти, — ума не приложу.

Обратился к хозяину, у которого остановился, с просьбой указать самую безопасную дорогу, по которой можно было бы незамеченным выйти к своим. Говорю: «Не вечно же здесь у немцев под боком сидеть. Товарищи в отряде, наверное, соскучились, ждут не дождутся».

— Пойдешь вот этой тропинкой,— советует мне добрый человек,— иди и нигде не сворачивай с нее. Будь осторожен: болота здесь глубокие, труднопроходимые, в иных местах затягивают. В этих болотах ты никого не встретишь, кроме комаров. Пройдешь этак километра три-четыре и выйдешь в глухой лес.

Я сердечно попрощался с хозяином, поблагодарил его и двинулся в путь... И, как видите, жив-здоров... Разведчик, понимаешь, должен уметь везде пройти. Разведчику — везде тропка.

ВПЕРЕДИ — ДНЕСТР

После разгрома Скалатского гарнизона наше объединение движется спокойно. Неприятеля не видно. Несмотря на это, мы идем с большой осторожностью.

На пути встречаем словацкие селения, жителям которых уже известно, что часть Советской Армии идет на запад и по дороге уничтожает в городах и селах немецкие гарнизоны. Население встречает нас восторженно.

На митинге в одном из сел пожилой крестьянин — словак — говорил:

— Мы приветствуем ваш поход. Ваша победа — это наша победа. Немцы нам все время твердили, что Советская Армия разгромлена и больше не существует. Сегодня же мы видим вас собственными глазами. Дружеская Советская Армия здравствует и наносит врагу смертельные удары. Поэтому мы верим, что победим.

После митинга жители принесли нам много одежды, белья и обуви.

— Примите от нас этот скромный дар,— сказали они Ковпаку,— передайте его вашим бойцам и попросите их от нашего имени с еще большей энергией и самоотверженностью бороться с фашистами.

Выступивший с ответной речью Ковпак поблагодарил словаков за радушную встречу и подарки. Он рассказал собравшимся об освободительной миссии Советской Армии.

Руднев раздавал населению листовки и газеты, беседовал с жителями. А затем — снова в путь...

Так шли мы вперед, обходя шоссе, по которому двигались немецкие автомашины. Шли по проселочным дорогам и лесным тропам.

Гитлеровцам доносили: «Видели партизан Ковпака в таком-то месте, в такое-то время». Основываясь на этих данных, враг собирал силы и бросался за нами. Но пока он достигал места, где мы должны были, по его расчетам, находиться, соединение успевало сделать бросок в несколько десятков километров.

Форсировав небольшую быструю реку Сбруч, по которой некогда проходила государственная граница между Австро-Венгрией и Россией, мы расположились в лесу, вблизи села Звинеч.

Здесь нас и настигли два фашистских самолета. Во время бомбежки погибло несколько партизан. Проклятые стервятники не давали нам покоя: мы боялись зажигать огонь, не могли испечь хлеб, сварить пищу.

За первыми «ласточками» прилетели другие. Обычно они наносили нам «визит» рано утром.

Как только бойцы слышали гул самолетов, они хватались за оружие. Но Ковпак не разрешал стрелять: выстрелы могли выдать местонахождение лагеря. Нужна была большая выдержка и осторожность.

Фашистские стервятники подолгу кружились над лесом, затем внезапно исчезали и так же внезапно появлялись вновь.

Двенадцатого июля мы подошли к Днестру и приготовились к очистке его берегов от противника. Немцы сильно укрепили переправы через реку.

Бой с неприятелем был неизбежен: переход через Днестр решал вопрос о захвате Биткувских нефтяных промыслов. В это время разведчики сообщили, что во Львове царит смятение. Гитлеровцы привели в боевую готовность все свои гарнизоны на нашем пути, задержали эшелоны с горнострелковыми полками, следовавшими из Норвегии на Восточный фронт, и намереваются бросить эти полки против нас.

Командование выделило три роты: командирам их — Карпенко, Горланову и Ленкину — было приказано внезапным ударом овладеть мостом через Днестр. Ковпак и Руд-

нев решили, что так удастся прорваться на южный берег Днестра, оставив гитлеровские части на северном.

Мост этот был оцеплен несколькими рядами колючей проволоки, защищен железобетонными укреплениями. Горланов и Карпенко обнаружили на реке лодки, воспользовались ими и темной ночью переправили на лодках часть бойцов на противоположный берег. Затем, по сигналу, они с двух сторон одновременно ударили по врагу.

После получасового ожесточенного боя охрана моста была уничтожена. В этой схватке был убит один партизан и ранен брат комиссара Костя Руднев.

Связные немедленно сообщили о захвате моста главным силам соединения, которые находились на расстоянии пяти километров. Как только было получено это известие, началась срочная переправа. Мы спешили, боясь, как бы враг нам не помешал. На рассвете все соединение перешло на южный берег Днестра. После этого группа наших подрывников под командованием командира второго батальона Кульбаки уничтожила мост.

Уже совсем рассвело и первые лучи солнца посеребрили волны реки, когда вдруг на ровном, словно стрела, широком львовском шоссе показалась легковая машина. Наводим на автомобиль бинокли: в нем шофер, офицер и какая-то женщина. Партизаны тотчас же спрятались в вырытых около моста траншеях и, зажав дыхание, ждали приближения машины.

Вот она подошла совсем близко, замедлила ход и остановилась в полукилометре от нас. Похоже было, что она собирается повернуть назад. В это время раздались выстрелы. Машина осела на бок. Мы подбежали к ней. Шофер и сидевший в машине офицер были убиты, в живых осталась только женщина. Она тупо смотрела перед собой и дрожала. Мы, как могли, успокоили ее и стали допрашивать:

— Кто вы такая?

Женщина бросила на сиденье свою сумочку, машинально поправила берет:

— Я его жена,— сказала она на ломаном русском языке и протянула дрожащую руку в сторону убитого офицера.

— Откуда едете, куда направляетесь?

— Мы ехали из Львова в Станислав.

— Что происходит во Львове?

— О-о-о, не спрашивайте об этом. Там паника. На Львов движется тридцатитысячная армия Ковпака. Гово-

рят, она уже совсем близко. С эшелонов сняли едущие на фронт регулярные части, подняли на ноги городской гарнизон, сейчас во Львове ведутся усиленные военные приготовления.

— Какое в городе настроение, что говорят жители?

— Немцы расстроены, местное же население, я полагаю, радуется.

— Что же огорчает немцев? — спрашиваем мы ее иронически.

— Безнадежность, обреченность.

— Безнадежность?

— Да, да. — соглашается с нами уже оправившаяся от первого испуга фрау.

— А как во Львове с продуктами питания? — снова задаем очередной вопрос.

— У наших все есть, местное же население, кажется, голодает.

— Вы говорите, во Львове паника. В чем она выражается?

— Это заметно по всему. Например, вчера вечером город был объявлен на осадном положении, запрещено даже употребление спиртных напитков.

Поняв, что самое страшное позади и она все-таки будет жить, фрау заметно приободрилась. На ее щеках снова заиграл румянец.

— Зачем вы ехали в Станислав?

— У моего мужа было особое задание от начальства.

— Вам, может быть, известно, какого характера было это задание?

— Не могу сказать ничего определенного, знаю лишь одно — в Станиславе царит такая же паника, как и во Львове.

— Почему вы начали поворачивать машину? Подъехали бы к нам поближе, может быть, обошлось бы без жертв.

— Ах, во всем виноват шофер. Вилли приказал ему ехать, не останавливаясь, но шофер не послушался и стал поворачивать...

О настроении гитлеровских солдат и офицеров немка сказала правду. Среди них становилось все больше людей, которые, попав в плен, утверждали:

— Не хочу воевать против вас. Если бы меня отпустили, я с большой радостью отправился бы к себе домой...

Мы двинулись дальше и вскоре услышали с северо-восточной стороны гул артиллерийской канонады.

Как выяснилось впоследствии, враг ожесточенно обстреливал тот лес, где мы отдыхали накануне.

Оставив позади Днестр, соединение быстро продвигалось вперед. Непрерывные бои утомили бойцов. Однажды вблизи реки Ломницы нас атаковали с воздуха восемь неприятельских самолетов.

По всему чувствовалось, что предстоят горячие бои. Во все концы были высланы разведчики.

Они привели в отряд около тридцати человек, оказавшихся бойцами Советской Армии. Узнав о том, что партизаны перешли Днестр, они организовали побег из лагеря для военнопленных и шли на соединение с нами. Накормив их как следует, спросили:

— Вы действительно хотите вступить в ряды партизан?

— Это наша мечта... Дайте нам возможность рассчитаться с фашистами. А счет у нас — ого какой!

Тут я заметил, что один из вновь прибывших пристально смотрит на меня, словно что-то припоминает. Вот он улыбнулся и направился ко мне.

— Простите, вы инженер Бакрадзе?

— Да, Бакрадзе, а вы меня откуда знаете?

— Я работал с вами на заводе в Архангельской области, хорошо вас помню.

— Кто вы такой?

— Григорий Павлов.

— Вот где пришлось свидеться!..

Павлов сообщил, что во Львове распространился слух, будто соединение Ковпака разделилось на две части, причем одна часть движется на Львов, а другая пошла на Карпаты...

ЧЕРНЫЙ ЛЕС

Народ — мастер давать меткие прозвища и людям, и местностям. У подножия Карпатских гор на сотни километров растянулся смешанный лес. Народ назвал его Черным лесом.

Удивительно подходящее название! В самое небо, кажется, уходят верхушки исполинских деревьев. Даже в яс-

ную летнюю погоду здесь царит сумрак. Действительно — Черный лес. Человек, вступивший в него, пропадает от глаз посторонних. Не то что один человек — целая дивизия может тут затеряться.

Вот этот Черный лес и стал нашим убежищем после того, как мы форсировали Ломницу.

Мы медленно втягивались в чащу, когда услышали гул самолетов. Пришлось торопиться. Гул нарастал. Минут через пять над нами закружилось шесть «юнкерсов». Они набросились на нас, подобно обозленным осам, но в темной гуще деревьев трудно было что-нибудь разобрать. Самолеты растерянно кружили над верхушками высоченных стволов. Никого не обнаружив, они улетели. А мы чувствовали себя в полной безопасности, хорошо устроились, подкрепились и как следует отоспались.

Во время отдыха Ковпак по всем направлениям выслал разведчиков. Они и обнаружили лагерь беженцев евреев. Среди них было много стариков, женщин и детей. Выяснилось, что они бежали из Станислава. Спасая жизнь, они бросили на произвол судьбы все свое имущество и укрылись в лесу.

— Сколько человек в еврейском лагере? — спрашиваю я разведчиков.

— Да человек триста. Живут они в землянках.

Когда заметили нас, то заметались, разбежались в разные стороны. Сначала и мы не могли понять, что это за люди. Потом, когда подошли поближе, узнали, в чем дело. Бедняги страшно перепугались. Но когда поняли, что мы не враги, приветствовали нас как братьев и сразу назвали ковпаковцами. Спрашиваем их:

— А вы откуда знаете, что мы ковпаковцы?

— Знаем. Народ только о вас и говорит...

Ковпак приказал мне отправиться в еврейский лагерь и подробнее узнать, что там происходит.

Меня встретили так, как встречают друга после долгой разлуки. Это вполне понятно: вооруженный с ног до головы партизанский командир явился к ним надеждой на избавление. Оглядевшись, приступил к беседе:

— Кто здесь у вас старший?

— Я...

— Ваша профессия?

— Врач, хирург.

«Вот было бы здорово иметь в роте своего хирурга». — подумал я. Громко же сказал:

— Этот лес — настоящая крепость. Наверное, вы себя здесь недурно чувствуете.

— Если только фашисты не обнаружат нас.

— Кто сюда до вас доберется? Но все же для обороны вам необходимо иметь оружие, а его у вас, как видно, нет?

— Откуда у нас оружие? Мы бежали так поспешно, что ничего не успели с собой захватить. Оружие... Фашисты устроили в Станиславе настоящую бойню, нам с большим трудом удалось спастись.

— Хорошо еще, что вовремя ушли. Не предавайтесь отчаянию...

— Хоть бы дожить до того часа, когда фашистов прогонят отсюда навсегда.

— Это время недалеко. скоро увидите, как оккупанты будут удирать из этих мест без оглядки.

Минуту я подумал.

— До каких пор собираетесь оставаться здесь? Как устраиваетесь с питанием?

— Пока обходимся. Трудно сказать, что будет дальше.

— Я вижу, что здесь много женщин и детей. Если бы не это, то предложил бы мужчинам вступить в наш партизанский отряд. Но думаю, что оставить одних беззащитных женщин и детей нельзя. Сколько вас человек?

— Триста одиннадцать.

— А женщин и детей?

— Двести сорок три.

— Выделите несколько мужчин, они пойдут со мной. Дадим им оружие. В случае беды сможете защитить себя, — сказал я руководителю лагеря.

Мое предложение встретили с большой радостью.

Возвратившись, я доложил Ковпаку и Рудневу обо всем, что видел и слышал в лагере беженцев. Руднев одобрил мое предложение о выдаче оружия.

— Дадим, — сказал Ковпак, — у нас сейчас этого добра вдоволь. Объясним им, как держать оборону. Надо еще посоветовать, чтобы они подолгу не задерживались на одном месте. Перенимали, так сказать, наш опыт...

Со мной из еврейского лагеря пришли двадцать мужчин. Мы нагрузили их оружием, дали большое количество взрывчатки, научили, как надо вести диверсионную работу.

КОГДА ПЫЛАЕТ ЗЕМЛЯ

Меня срочно вызвали в штаб. — Товарищ Бакрадзе, — сказал Ковпак, — получено сообщение, что в селе Россульня сосредоточены крупные неприятельские силы. Россульня — ворота Карпат. Немцы готовятся навязать нам на подступах к Карпатам бой не на жизнь, а на смерть. Стоящий в Россульне эсэсовский полк специально выделен для этой цели. Его необходимо как следует потрепать. Эта задача возлагается на вас. В ваше распоряжение выделяются шестая и восьмая роты под командованием Горланова и Дегтева. Матющенко же укрепится в северо-восточной части села, как раз с противоположной стороны вашего исходного рубежа. Идите и готовьтесь к операции. Как только стемнеет, выступайте. В два часа ночи — атака.

Я задумался. В мое распоряжение было выделено около четырехсот бойцов, эсэсовские же полки обычно состояли из тысячи двухсот-тысячи пятисот человек.

— Может быть, имеются какие-нибудь вопросы? — спросил меня Руднев.

— Никаких. Думаю о предстоящей операции.

И действительно, было о чем подумать. Россульнинская операция по своей сложности превосходила все боевые задания, возлагавшиеся на меня до этого.

— Если понадобится помощь, пришли связного, сообщим, мы поддержим, — сказал Руднев.

— Есть, товарищ комиссар...

Возвратившись из штаба, я пригласил Матющенко, Горланова и Дегтева, ознакомил их с поставленной перед нами задачей, и мы выработали план совместных действий.

Выслали вперед бойцов, чтобы разведать дороги и село.

Перед уходом я простился с Ковпаком и Рудневым. Про себя вздохнул:

— Прощай гостеприимный, дремучий Черный лес!..

По непроходимой грязи с трудом, молча продвигаемся на исходное положение. Спешим — дорога каждая минута. В два часа ночи во что бы то ни стало мы должны атаковать Россульню.

Ждет нас или нет в эту ночь вражеский гарнизон? Эта мысль меня неотступно преследует. Успокаиваю себя: наверно не ждут. И откуда знать врагу о нашем приближении?

Согласно боевому плану, в Глебовке Матющенко со своими бойцами отделился от нас, чтобы обойти Россульню и стать на северо-востоке от села. По этому же плану шестая, восьмая и девятая роты должны скрытно подойти с запада и внезапным ударом привести противника в смятение.

Приближаются решающие минуты. Этой ночью мы, во что бы то ни стало должны победить!

Из темноты выступают контуры довольно большого здания. «Это школа,— говорят разведчики,— теперь в ней штаб эсэсовцев».

Партизаны заняли исходные позиции в двух-трех метрах друг от друга. С левой стороны должен ударить Горланов; защиту правого фланга я возложил на Дегтева. Пушки поставил на расстоянии двух километров от Россульни и приказал артиллеристам в назначенное время открыть огонь по центру села.

Смотрю на светящийся циферблат часов — без десяти два. Ровно в два часа выпущенная ракета известит бойцов о начале штурма.

Сигнал.

Растянувшись на три километра цепью, партизаны ринулись к селу. Перебежали речку и с дружным «ура» обрушились на врага. Тихие, узкие улицы ожили от дробного стука конских копыт, автоматных очередей, разрывов гранат. На улицах и во дворах заметались белые фигуры, фашисты были застигнуты врасплох и выбегали из домов в одном белье.

Мы стали углубляться в село. В первые же минуты боя Горланову удалось захватить несколько пушек и минометов. Мой помощник Деркач прислал связного с сообщением: «Противник открыл сильный огонь из здания штаба».

— Поверните захваченную Горлановым трофейную артиллерию и бейте по штабу!

Через несколько минут здание затянул густой черный дым, красные языки пламени стали вырываться из-под крыши.

Стоило кому-нибудь из фашистов высунуть голову, как его доставала партизанская пуля. Пожар усиливался.

— За мной! — крикнул я партизанам, бросаясь к штабу, и рванул двери подъезда. Из коридора повалил дым.

Стали бросать гранаты в глубь помещения. Раздались стоны и крики. Затем послышался сильный взрыв и насту-

пила тишина. Я достал карманный фонарик и осветил коридор. Всюду валялись убитые и раненые фашисты.

В конце коридора заметил дверь, осторожно открыл ее и для профилактики метнул внутрь гранату. Выждав некоторое время, вошел в комнату и стал при свете своего фонаря осматривать ее. Почти вся мебель была исковеркана взрывом. В углу стояла кровать. Коснулся рукой простыни, она была еще теплой, значит, кто-то совсем недавно здесь лежал. Рядом стул, на нем офицерский мундир. «Вероятно, хозяин этого мундира находится среди трупов в коридоре», — подумал я. Но все же на всякий случай открыл дверцы шкафа. Он был пуст. Из предосторожности выпустил короткую автоматную очередь по кровати. И в то же мгновение из-под нее выскочил крупный мужчина в одном белье и наставил на меня револьвер.

Это произошло с молниеносной быстротой. Я вздрогнул от неожиданности, но все же выстрелил первым. Фашист распластался на полу. Переведя дыхание, отер со лба пот, поднял выпавший из рук офицера револьвер.

На мой выстрел в комнату вбежали партизаны. Я стоял, держа в одной руке револьвер фашиста, в другой — свой автомат, еще не успев прийти в себя после случившегося.

Как выяснилось позже, убитый мною офицер был командиром батальона СС.

А бой между тем подходил к концу. Эсэсовцы дрогнули. Они группами бежали на северо-восток, но там их поджидал Матющенко со своим батальоном. Он подпустил фашистов совсем близко, его бойцы охватили их кольцом и затем уже открыли огонь.

Фашисты начали метаться из одного конца села в другой, но повсюду их ждала смерть.

Ночь была на исходе, уже подул предрассветный ветерок. Мы заторопились покинуть Россульню, чтобы нас не захватила вражеская авиация. Поспешно собрали трофейное оружие. Взяли с собой только три миномета, пять ручных и пять станковых пулеметов и сто тысяч патронов. Остальные трофеи — четыре батальонных миномета, до ста мотоциклов, шестьдесят грузовых автомашин — взорвали и сожгли на месте. В другое время мы, конечно, такие ценные трофеи забрали бы с собой, но впереди нам предстояли бои в Карпатских горах — невозможно было тащить по узким горным тропам тяжелое, громоздкое вооружение.

Когда на рассвете мы уходили из Россульни, перед нами предстала такая картина: село по-прежнему окутано дымом, главная улица усеяна трупами фашистов. Жители все еще не решаются выходить из погребов. В селе царит абсолютная тишина, не слышно даже лая собак, они жмутся к стенам домов, к заборам.

Невольно бросилось в глаза исключительно живописное расположение Россульни. Со всех сторон опоясанное садами и огородами село раскинулось на плоскогорье, с запада на него смотрят величественные Карпаты. Почти через каждые пятьдесят шагов бьет хрустальная вода родников.

Ко мне привели пленного эсэсовца.

— Нам было хорошо известно, что с запада движется армия Ковпака, — говорит он, — но мы не ожидали, что вы нападете на нас этой ночью.

— Значит, спали спокойно?

— Мы ждали вас только через два дня.

Наступил рассвет, а еще не все наши подразделения вышли из Россульни. Чувствую, что это плохо. Удивительно, как это вражеская авиация до сих пор не обрушилась на нас! Неужели гарнизон Россульни настолько растерялся, что не сообщил в штаб о нападении?

Тороплю бойцов. Посылаю к Матющенко связных, предлагаю ему присоединиться к нам со своим батальоном.

Матющенко не прислал ответа, с его стороны слышна артиллерийская канонада.

Связные не возвращаются.

Я отобрал три отделения, чтобы послать их на помощь Матющенко, но в это время мне принесли от него письмо.

«Товарищ Бакрадзэ! Враг атаковал меня с тыла. Светает. Следует ожидать налета авиации. Я другим путем двинусь к Карпатам, за нас не беспокойся, догоним. В помощи не нуждаюсь. Командир третьего батальона Матющенко.

4 часа, 20/7-1943 г.»

Письмо Матющенко успокоило меня. Знаю, он не растеряется — крепкий мужественный человек. В трудную минуту он всегда найдет правильное решение и выведет своих бойцов из-под удара.

Отдаю приказ оставшимся в Россульне подразделениям уходить. В это время ко мне подошел седовласый дед. Вижу, что он очень хочет со мной поговорить.

Уселся вместе с ним на маленькую лавочку перед домом

и, наблюдая за проходящими мимо подразделениями, шутливо спросил:

— Что, дедушка, небось испугались ночью?

— Да, горячий был бой,— говорит он, а сам улыбается. — Мне вот уже девятый десяток пошел, а не помню, чтобы над нашим селом такой ураган проносился. Целую ночь мы на полу пролежали, ни на минуту глаз не сомкнули. Хорошо еще, что все окончилось благополучно. Гляди-ка, советская пуля и та умная оказалась,— смеется дед,— она тоже знает, кого должна убивать... В моей хате жили четыре фашиста. Как только вчера началась стрельба, они в одном белье выскочили. Я, пожалуй, сейчас и не узнал бы их, мертвые они все похожи друг на друга. О-о, вчера они так растерялись, что сами не знали, что делают. Один даже забыл захватить свою винтовку, я ее сейчас тебе вынесу, сынок!

Старик встал и пошел в хату. Вернулся с оружием, передавая его мне, вздохнул:

— У меня тоже внук на фронте, вот уже третий год пошел, как ничего о нем не знаем. Хотя бы жив был...

— Не волнуйся, дедушка, твой внук скоро вернется.

Старик заулыбался, доверчиво спросил:

— Я не надоед, сынок, со своими разговорами? — а то расскажу тебе одну историю.

— Расскажи...

— Помнишь, я тебе сказал про фашистских солдат, что в моем доме жили. Так один из них хорошо говорил по-украински. Он извел меня, сукин сын! «Скоро, говорит, мы русских совсем уничтожим, их земли раздадут нам, и мы проживем припеваючи...» Я не верил его болтовне и как-то раз спросил: «А ты уже присмотрел себе именице или еще не успел? Постарайся, говорю, побольше земли себе отхватить». Он понял, что я насмехаюсь над ним, и рассердился: «Ах ты, старый дурак, одной ногой в могиле стоишь, а язык не научился держать за зубами!» Я подумал про себя: «Посмотрим еще, кто из нас раньше отправится в могилу». А он все кричит: «У меня, говорит, сейчас нет времени с тобой возиться, спать хочется. Смотри, хорошенько карауль нас». Улегся в мою постель и захрапел. А я постелил себе на полу и тоже заснул. Уже было за полночь, на кого-то залаяла собака, солдат вскочил, как бешеный, и бросился к двери. По дороге, в темноте, наскочил на скамейку и растянулся на полу. В хате у нас кошка была, на

полке сидела: она испугалась шума, прыгнула с полки и угодила прямо на живот упавшего немца. Тот вскочил и поднял крик: «Партизаны напали, помогите!». Поднялась суматоха, раздались выстрелы. Когда выяснилось, что причиной всему была кошка, он поймал ее и убил, подлюга.

Я сказал старику:

— У нас, у грузин, есть пословица: «С лошадью не смог справиться, так за уздечку принялся».

Старик рассмеялся...

Мы вышли из Россульни.

Полил дождь, который вскоре превратился в ливень.

Впереди змеей вьется узкая горная тропа. Начались крутые подъемы, мы уже вступили в Карпаты. Привыкшие к равнине лошади с непривычки тяжело дышат, дрожат, словно в лихорадке, покрываются потом.

Пушки и подводы приходится в наиболее крутых и узких местах тащить на руках. Фашистские самолеты легко находят нас, и мы то и дело отвязываем лошадей и загоняем их в лес, чтобы спасти от осколков.

Немцы часто бомбят. В щелы разлетаются подводы. Мы двигаемся и днем, торопимся — надо поскорее догнать главные силы.

Исполнинские Карпаты, окутанные черными тучами, производят незабываемое впечатление. Горы... Они напоминают мне родную Грузию. Такие же высокие, могучие, мудрые, как вечность. Белыми клинками режут их склоны бурные потоки, торопясь напоить студеной влагой долины. Воздух хрустально чист и прозрачен, вдыхаю его с наслаждением и поначалу никак не могу досыта надышаться.

Перед нами гора, покрытая густым лесом. Дорога сворачивает на ее склоны. Как только мы вышли за поворот, открылась фантастическая картина: огромные огненные столбы вьются к самому небу, дующий с гор ветер раздувает пламя. Черный дым повис в воздухе. Я сразу догадался, что горят Биткувские нефтяные промыслы.

Наши партизаны разожгли этот грандиозный пожар. Так мы узнали, где нам сейчас искать основные силы нашего соединения. Ведь одна из задач Карпатского рейда и заключалась в уничтожении Биткувских нефтяных промыслов.

Приближаемся к нефтяным вышкам. Дорога становится еще круче. Лошади вконец выбились из сил, они то и дело останавливаются, подводы откатываются назад, мы встав-

ляем в колеса толстые палки, чтобы удержать их на месте. Иногда приходится выпрягать лошадей и самим тащить пушки и телеги. Мы знали, что нас ждут в этом походе большие трудности, однако действительность намно- превазошла все ожидания.

Снова нас обнаружили фашистские самолеты. Отряд сгрудился на узкой тропе и представлял прекрасную мишень для авиации. Спрятаться нет никакой возможности, так как с одной стороны зияет пропасть, а с другой вздымается отвесная скала. Партизаны натренировались вести меткий ружейный и пулеметный огонь по воздушному врагу. Случалось, объятый пламенем самолет с ревом падал в ущелье или разбивался о скалу.

Стоило нам сбить один самолет, как остальные на некоторое время исчезали, но вскоре возвращались и продолжали бомбежку. Мы несли значительный урон. Только очистим, бывало, дорогу от убитых лошадей и разбитых подвод, как уже снова приходится расчищать путь. Но мы упорно шли на огромное зарево, которое служило нам важным ориентиром.

Как потом рассказали товарищи, Ковпак, вступив в Биткувский район, выделил группы подрывников и двинул их на нефтепромыслы.

В этой сложной диверсии неоценимую помощь партизанам оказали рабочие и инженеры промыслов. Когда они узнали, что они поднялись на вершину горы. По дороге туда шли подрывников по кратчайшей дороге.

Запылали десятки вышек и нефтяных скважин. Пожар стал распространяться с молниеносной быстротой. К небу потянулись огромные столбы дыма. Все Биткувское плато заключенное между вздымающимися к небу вершинами Карпатских гор, затянулось черной пеленой.

Ночью на фоне пожара еще более сказочными выглядели горы-великаны. Особенно усиливали это впечатление гул от горящей нефти и треск охваченного пламенем леса.

Так мы догнали наши главные силы. Измученные ночными боями бойцы еле держались на ногах. Встреча с товарищами была очень сердечной, нас поздравили с одержанной победой в Россульне.

Я сейчас же стал разыскивать Ковпака и Руднева. Ска- нали, что в район пришли партизаны, то с радостью прово- я встретил комиссара.

Прежде всего он спросил о потерях. Я рассказал ему подробности боя и показал список погибших. Он перечитал его и глубоко задумался.

Я нарушил молчание:

— Матющенко отстал, Семен Васильевич. Предлагал ему выступить одновременно с нами из Россульни, но это не удалось.

— А он не нуждается в помощи?

— Нет. С ним постоянно поддерживалась связь, и если ему нужна была помощь, он непременно известил бы нас через связных... Вот, Семен Васильевич, его письмо.

Руднев прочитал записку и сказал:

— Хорошо воевали, товарищ Бакрадзе. Разгромить целый полк эсэсовцев и при этом понести такие незначительные потери — редкий случай. А как вели себя бойцы?

— Сражались мужественно.

Подождал Ковпак. Руднев обратился к нему:

— Сидор Артемьевич, поздравь девятую роту с победой.

Ковпак крепко пожал мне руку.

Я снова рассказал подробности россульнинского боя и показал револьвер, из которого собирался убить меня командир эсэсовского батальона. «Дед», смеясь, сказал:

— Молодец, что не растерялся! Жаль только, много трофейного вооружения уничтожили, но я понимаю, что иначе и нельзя было поступить. Местность не благоприятствует. Да, твоего заместителя Деркача мы перевели в штаб начальником связи, ведь он по специальности связист.

Перевод Деркача огорчил. Но раз этого требовали интересы общего дела, то нужно было смириться со случившимся.

— Товарищ комиссар, а кого вы назначаете ко мне?

— Сухоцкого. Ты его знаешь, он был командиром отделения в третьей роте.— И, помолчав, добавил,— впереди очень трудные бои. Самое опасное, пожалуй, в новых условиях борьбы — это вражеская авиация, которая преследует нас по пятам. Нам некуда податься, мы заперты среди гор, враг пользуется этим и засыпает нас бомбами. В горных условиях очень затруднительно передвижение артиллерии и обоза. Лошади, привыкшие к равнине, мало пригодны здесь, в Карпатах. Трудно будет бойцам. Нужно мужество и еще раз мужество...

В ГОРАХ

Пожар на нефтяных промыслах продолжался несколько суток.

Диверсионные группы поджигали все новые вышки нефтехранилища.

В условиях горной войны противник имел по сравнению с нами много преимуществ. В его распоряжении был специальный автотранспорт. Враг сумел запереть все входы и выходы в горах. В прилегающих районах гитлеровцы сосредоточили крупные силы; здесь находились 6-й, 26-й и 367-й полки СС, уже знакомые нам. Кроме них, было еще много других, не известных ранее вражеских частей.

Несмотря на это, наше соединение блестяще выполнило свою задачу. Были взорваны и уничтожены сорок одна буровая вышка, четырнадцать нефтехранилищ и три нефтехимических очистительных завода.

Как-то, утомившись, я уснул в лесу. Вдруг меня разбудили и сообщили, что сбежал пленный эсэсовец, захваченный в районе промыслов. Меры к розыску приняты, но до сих пор напасть на его след не удалось. Я тотчас же пошел в штаб.

— Нам не следует здесь задерживаться, — сказал Ковпак, — сбежавший фашист сообщит своим о нашем расположении.

Отдан приказ, и мы спустились вниз километров на семь-восемь.

Спуск труднее подъема, мы еле сдерживали несущиеся под гору подводы. Неподкованные лошади на каждом шагу рисковали сорваться в пропасть. Дождь лил, как из ведра. Ночь была очень темной.

Сорвался в пропасть и погиб мой верный конь. Сколько раз выручал он меня в бою! Как горько я сожалел, что не нашел времени подковать его.

Измучившись, мы с трудом добрались до места привала. Ковпак распорядился разбить лагерь и несколько дней отдохнуть.

Гитлеровцы нас обнаружили не сразу. Их самолеты непрерывно разведывали верхние участки леса. Очевидно, немцы не предполагали, что мы можем спуститься вниз.

Тем временем мы не сидели сложа руки. За несколько дней отдыха были переделаны все подводы. В наших рядах оказалось много плотников, слесарей. Они работали сами

Нынче у нас передышка,
завтра уходим к боям...
Ковпаковцы на привале

отверженно: в течение двух-трех дней подводы стали двуколками, удобными для горных троп.

Если люди чувствовали себя относительно нормально, то конягам приходилось совсем плохо. У них распухли ноги, даже стоять им было больно. Мы прикладывали к копытам мокрые тряпки. Во времяковки пришлось прокладывать между копытами и подковами куски шинельного сукна.

В той части Карпат, где мы в тот период действовали, нам встречались лишь одни пастухи. Они принимали нас с радостью. Несмотря на зверские репрессии фашистов и геббельсовскую агитацию, народ был с нами. Бойцов радушно приветствовали, угощали, давали нужные сведения. В промышленном Биткувском районе мы встретили рабочих и служащих, оказавших нам помощь при уничтожении вышек и нефтехранилищ. Наши дружеские связи с этими людьми успешно росли и крепили.

На нефтяных промыслах работали украинцы, словаки и поляки, которые люто ненавидели фашистских захватчиков.

Как-то раз к нам пришел хорошо одетый незнакомый человек. Поздоровавшись, он сказал:

— Я поляк, работаю инженером. Хочу предложить помощь. Вы пришли сюда для уничтожения нефтяных промыслов и, конечно, понимаете, как важна для немцев наша нефть. Сегодня вы вырвали из рук врага только часть оружия. Но сделано еще далеко не все. Два главных промышленных района соединены подземным нефтепроводом. Под землей находятся также громадные нефтехранилища. Мес-

тонахождение их оккупанты держат в тайне. Нефтепровод проходит вблизи реки Быстрица, так что нетрудно пустить всю нефть в воду. Я могу указать, где находятся эти подземные трубы и нефтехранилища.

В распоряжение инженеров была тотчас же выделена группа наиболее опытных подрывников. За одну ночь удалось слить в реку десятки тысяч тонн нефти. Затем мы уничтожили нефтепровод и подземные нефтехранилища. Выполнив эту диверсию, инженер распрощался с нами, так и не назвав своего имени.

...Ко всем нашим тяготам прибавилась еще нехватка продовольствия. Во время форсирования реки Ломницы мы потеряли много овец и другого скота, который был предназначен именно для Карпат. Запасы продуктов иссякли. Ну, а что можно было раздобыть в лесу! Партизаны голодали. Однако никто не падал духом. В дни столь тяжелых испытания нас вдохновляла и ободряла мысль о том, что мы успешно выполнили основную задачу Карпатского рейда: Биткувских нефтепромыслов больше не существовало.

Вскоре наше соединение вышло в ущелье реки Глинны. Едва успели перейти через мост штаб и головная часть колонны, как донесся отдаленный гул самолетов. Связанный штаба сообщил, что ввиду возможного налета авиации всем командирам предлагается подыскать для своих частей надежные укрытия. Мы приступили к выполнению приказа.

Я, Курочкин и Дегтев повели роты вперед. За нами шел Кульбака со своим батальоном. Он сильно отстал от колонны и расположился лагерем за рекой. Уже сгустились сумерки, когда Кульбака получил из штаба приказ немедленно форсировать реку. Однако противник успел скрытно занять все подступы к мосту, и батальон Кульбаки оказался отрезанным от нас.

На горных склонах развернулся кровопролитный бой.

Начальник штаба Базима прислал ко мне связного: «Согласно приказу Ковпака, вы совместно с Дегтевым должны обойти врага и ударить по нему с гор. Необходимо очистить от противника мост, чтобы дать возможность батальону Кульбаки пробиться на соединение с главными силами».

Я передал приказ командиру шестой роты Дегтеву.

Вступив в лес, мы скрытно подошли с тыла к позициям неприятеля. Враг не подозревал о нашем маневре. Воспользовавшись этим, мы внезапно ударили по нему.

Немцы отступили.

Бойцы из батальона Кульбаки горячо благодарили нас за помощь. В это время подошел Матющенко. Только теперь я узнал, что и он принимал участие в этом бою. Сияющий Матющенко крикнул мне еще издали:

— Давид, жив, друг?!

Мы расцеловались.

После окончания боя Кульбака получил приказ запереть дорогу из Станислава, идущую вдоль ущелья реки Глиница, а я и Матющенко двинулись к штабу и расположились недалеко от него со своими подразделениями. Мы промокли до нитки, промерзли, но на душе было хорошо.

...В Карпатских горах в распоряжении немцев находились удобные шоссейные дороги, проложенные вдоль ущелий. По этим дорогам они на автотранспорте перебрасывали войска и вели лихорадочную подготовку к разгрому партизан. Мы же занимали крутые горные склоны и для передвижения пользовались узкими тропами, по которым в мирное время ходили только пастухи гуцулы.

После уничтожения нефтяных промыслов партизаны захватили оба берега реки Глиница. Но фашисты к тому времени сумели занять ряд господствующих высот, создав тем самым выгодные условия для обороны. По всему было видно, что немцы готовились дать партизанам генеральное сражение. Противник сознательно оттягивал день боя, стремясь измотать и ослабить нас.

Враг знал, что в условиях Карпат нам негде брать продовольствие, следовательно, по его расчетам, длительное пребывание в окружении должно было бы сломить нашу волю к активному сопротивлению.

План оккупантов был известен: они решили загнать нас в горы, заморить голодом, измотать налетами авиации и вынудить в конце концов сложить оружие.

Однако расчеты врага не оправдались. Правда, мы испытывали затруднения с питанием, но были так же тверды, как и прежде. Более того, в эти тяжелые дни наше мужество возросло, и на каждый удар врага мы отвечали двойным ударом. Пленные немцы рассказали, что гитлеровское командование издало приказ о большом вознаграждении за поимку партизанских командиров.

Враг нигде не применял против нас авиацию в таких широких масштабах, как во время карпатских боев.

В этот период произошло одно знаменательное событие.

Чтобы оно было более понятным, придется возвратиться к октябрю 1942 года. Когда наше соединение выходило из Брянских лесов, из одного венгерского полка восемь солдат перешли на нашу сторону. На вопрос Ковпака: «Кто вы такие?» — высокий солдат, который, по-видимому, был вожаком, ответил:

— Мы словаки, немцы призвали нас в армию вопреки нашему желанию и теперь хотят использовать в борьбе против вас. Мы не хотим воевать против наших русских братьев. Уже давно мы задумали бежать, и вот, наконец, нам это удалось. Вот эти трое, — он указал на своих товарищей, — были прошлой ночью в карауле, они охраняли мост. Мы заранее договорились и бросили свой пост...

— Вы знали, куда и к кому идете? — спросил их Руднев.

— Конечно, знали. Кто не слышал имени Ковпака? Очень просим зачислить нас в ряды партизан.

Просьба словаков была выполнена. Они оказались прекрасными бойцами, мужественными, самоотверженными людьми.

И вот теперь, когда мы подошли к границам их родины, словаки обратились к Ковпаку с просьбой:

— Товарищ командир! Отпустите нас к себе, мы там создадим партизанские отряды, сплотим вокруг себя соседей и односельчан и будем бороться против фашистов.

Ковпак согласился.

Был созван короткий митинг. С речью выступил Руднев:

— Дорогие соратники, — обратился он к словакам, — мы переживаем исключительно трудные дни. Сейчас потеря даже одного бойца для нас весьма ощутительна, но, несмотря на это, мы решили удовлетворить вашу просьбу. Идите к себе на родину и возглавьте народные массы, организуйте партизанские отряды, бейте ненавистного врага. Сражайтесь так же, как вы сражались вместе с нами.

В ответной речи боец-словак сказал:

— Мы многому научились в вашем соединении. Наша ненависть к врагу, к фашистским захватчикам неизмеримо возросла. Мы идем в свой родной край как красные партизаны-ковпаковцы и даем клятву всегда достойно носить это почетное звание.

Бойцам-словакам Ковпак и Руднев выделили лучших разведчиков, которые должны были провести их до границы. Среди разведчиков был и Ясон Жоржолиани.

ТРОПЫ, НЕ ОТМЕЧЕННЫЕ НА КАРТЕ

Горные тропы, по которым мы теперь шли, не отмечены ни на одной карте. Не только ночью, но и днем можно свернуть себе шею на этих крутых, почти отвесных склонах.

Проводив словаков, мы двинулись дальше. Нужно было торопиться.

Чем выше мы взбирались, тем уже и круче становилась дорога. Лошади выбивались из сил. Теперь нам пришлось расстаться и с частью двухколесных повозок. На руках тащили бойцы в гору тяжелое вооружение, но нам и в голову не приходило бросать пушки и минометы.

Как раз в эти трудные дни мы набрали на пастухов гуцулов. Они встретили нас очень радушно, угостили на славу малюком, брынзой, свежим вареным мясом.

Каким-то образом немцы узнали об этой нашей встрече. В связи с этим они издали приказ, чтобы все находившиеся в горах пастухи под угрозой расстрела срочно согнали весь скот на равнину. Но далеко не все гуцулы подчинились. Часть пастухов отыскала в горах неприступные места и укрылась в них.

Фашисты пытались проникнуть в глубь Карпат. Совсем неожиданно мы наткнулись на засады противника. Но партизаны всегда были готовы к бою.

Эх, Карпаты, Карпаты! Сколько поэтов прославляло вас, восторгаясь вашей величавой и гордой красотой, у скольких вы рассеивали тяжкие думы и наполняли юношеской радостью сердца! Но что бы сказали поэты, воспевавшие тишину горных ущелий, если бы они услышали этот гром, этот бесконечный грохот орудий.

Впрочем, ковпаковцы вовсе не мечтали о тишине и покое, нас беспокоило лишь то, что мы были заперты среди скал. Прежде, когда сражались на просторах Украины, перед нами всегда был выбор маневра, а здесь зачастую нигде было развернуться.

Цепочка партизан поднималась все выше и выше. Леса постепенно редели. Теперь партизаны совсем не могли варить пищу: вражеская авиация почти непрерывно висела в воздухе. На вершинах укрываться стало значительно труднее.

...На склонах Карпатских гор раскинулось украинское село Поляница.

От него до чехословацкой границы километра два. Оккупанты сильно укрепили это село, сосредоточили здесь много войск, стянули немецкую и венгерскую горную полицию. Поляница имела важное значение как ключ дороги из Карпат на равнину. Враг решил запереть эту дорогу.

Мы вплотную подошли к Полянице. Положение было критическое: надо было во что бы то ни стало прорвать вражеские укрепления.

Через два десятилетия... Сидор Артемьевич Ковпак в гостях у своих однополчан на земле Грузии.
Телави, совхоз «Цинандали»

Заняв позицию с восточной стороны села, роты тщательно замаскировались и стали наблюдать за движением противника.

Днем и ночью по ущелью шли бронетранспортеры, автомашины с пушками на прицепе. Гитлеровцы решили именно здесь разгромить наше соединение.

Противник постепенно сужал кольцо, он готовился к решающему удару. Фашистские самолеты сбросили листовки, в которых было написано: «Приближается конец дивизии Ковпака, мы взяли партизан в кольцо: не сегодня-завтра Ковпак и Руднев будут вынуждены спасаться бегством. Партизаны, очнитесь, не губите себя и свои семьи, мы великодушны и простим вас. Всем раскаявшимся партизанам мы раздадим земли и предоставим важные должности».

Эти грязные фальшивки вызывали у бойцов иронический смех.

— Должности и имущества раздают, сволочи. Какие щедрые стали...

Ковпак стал готовить штурм Поляницы со свойственной ему осторожностью и предусмотрительностью. Он сосредоточенно обдумывал и уточнял детали плана. Руднев подбадривал бойцов:

— У Поляницы мы должны доказать еще раз, что партизаны неистребимы. Но пусть никто не думает, будто победа достанется легко. Противник стянул большие силы и поставил своей целью уничтожить нас здесь, в горах...

Да, тогда нам, действительно, было трудно.

Фашистские самолеты все время висели над нами. Мы не могли даже пасти лошадей. Обессиленные животные еле передвигались.

В голову лезли невеселые мысли. Два месяца мы оторваны от «Большой Земли», четыре месяца я не имел писем от родных.

Что сейчас происходит в Грузии?

Если бы знали родные, что их сын сейчас вспоминает о них...

Из раздумья вывел отдаленный гул мотора. Самолет пронесся над лесом и скрылся из глаз. Он, видимо, куда-то спешил, и ему было не до нас.

Я огляделся. Вокруг раскинулось плато, утопающее в море цветов.

Вдруг на опушке мелькнул силуэт какого-то животного. Вскоре оно высунуло голову, осмотрелось и опять скрылось.

Я, насторожившись, стал наблюдать. Животное, осторожно ступая, вышло из лесу и застыло на месте, словно изваяние. Это был олень. Ох, как прекрасен этот вольный олень! Медленно обвел он взглядом поляну, затем опустил голову и начал обнюхивать траву.

Весной олень бывает особенно красив. С головой, увенчанной ветвистыми рогами, с высокими, тонкими ногами.

В этот момент я совсем забыл о голоде. Машинально рука коснулась автомата.

Не помню, как спустил курок, и животное рухнуло на землю. Я вскочил и бросился к добыче. Бегу, а сердце тоскливо ноет — жаль оленя, лучше бы он совсем не показывался.

Но разве можно сейчас жалеть об этом! Хорошо еще, что я вовремя выстрелил и он не успел скрыться в лесной чаще.

Я поднял тушу, взвалил на спину и быстрым шагом направился к походной кухне. Спустя час повар с сияющим лицом стоял возле кипящего котла, в котором варилось мясо.

Хорош был обед в этот день!

А со следующего утра начался штурм Поляницы.

К полудню бой достиг кульминационной точки. Оглушала орудийная канонада. Боевой клич партизан раздавался по всему лесу, бойцы дрались врукопашную, скрытно подкрадывались к позициям противника, забрасывая немецкие окопы ручными гранатами.

Вскоре гитлеровцы оставили первую линию своей обороны и отошли на запасные позиции. Так закончился первый день боя.

Руднев в сопровождении разведчиков подъехал к штабу. Прежде чем войти в него, он подозвал к себе стоявших тут же командиров и сказал:

— Сейчас мы в очень серьезном положении. Противник перебросил на наш участок много свежих сил. Мы вклинились в Поляницу, но это вовсе не означает, что немцы разгромлены. А у нас сейчас и боеприпасов, и продовольствия в обрез, и пополнить их нечем.

Руднев помолчал.

— Сегодня утром разведчики привели двух пленных фашистов. Они показали, что противник продолжает быстро перебрасывать новые силы. Нам предстоят тяжелые бои и марши. Лошади наши еле держатся на ногах. А таскать на руках телеги и пушки невозможно. Тропы становятся совсем непроходимыми для артиллерии. Надо расстаться с тяжелым вооружением, иного выхода нет.

С изумлением смотрели мы на комиссара.

— Так значит, Семен Васильевич, мы должны бросить орудия, минометы? — спросил Кульбака.

— Не бросить, а взорвать, — ответил комиссар. Наступило тяжелое молчание. Павловский застыл с дымящейся трубкой в зубах.

— Давайте зароем оружие в землю, — предложил Ленкин.

— Опасно, немцы могут обнаружить, — возразил комиссар.

— Интересно, что скажет об этом Ковпак, — задумчиво проговорил Базима.

— Ковпак не согласится, — воскликнул Павловский и только теперь вспомнил о своей трубке.

— Но мы должны его убедить. Я еще с Ковпаком не говорил и хочу вместе с вами пойти к нему, — сказал комиссар.

— Неужели нет иного выхода?

— Другого выхода нет, — твердо ответил Руднев.

Молча выслушал Сидор Артемьевич комиссара, затем вскочил и стал по своему обыкновению похлопывать плетью по голенищу сапога. Закурив сигарку, Ковпак повернулся к собравшимся командирам, внимательно оглядел всех и махнул рукой.

— Ладно, даю согласие, но чтобы весь имеющийся боезапас был выпущен сегодня по врагу и чтобы ни один снаряд не пропал даром. Дайте им прикурить так, чтобы земля у фашистов под ногами горела.

Руднев собрал бойцов и разъяснил им необходимость и разумность принятого решения.

Вскоре приготовления были закончены. Прозвучала канонада:

— Огонь!..

Поднялся невероятный грохот и гул. Поляница и прилегающие окрестности окутались дымом. До этого мы ни разу не открывали такого мощного, уничтожающего огня. Застигнутый врасплох противник понес потери и стал в беспорядке отступать. Мы преследовали его по пятам. Партизаны знали, чем должен закончиться сегодняшней бой. Они сами должны будут взорвать любимое, испытанное в боях оружие, и бойцы с утроенной яростью преследовали врага.

Зарядные ящики опустели...

Артиллеристы и минометчики молча вкатывали пушки в глубь леса. Подготовка к взрыву похожа на траурную церемонию.

Грохот прокатился по вершинам Карпатских гор.

Затем наступила мертвая тишина.

К моменту взрыва Анисимов, который больше года с такой любовью ухаживал за своими орудиями, сел в стороне и закрыл руками уши, чтобы ничего не слышать. Слезы текли по его щекам. Комиссар строго сказал:

— Ну, чего плачешь? Не стыдно тебе? Дай срок, у нас опять будет своя артиллерия, а пока надо браться за автоматы.

ПРОРЫВ

— Скоро выступаем, чтобы не было суматохи. — предупреждает партизан мой помощник.

— Понятно, товарищ командир...

В стороне, на небольшой площадке, усыпанной щебнем, стоят носилки с тяжело ранеными бойцами.

Партизаны подбегают к носилкам, осторожно поднимают их.

Помню одного, заросшего черной щетиной изможденного бойца.

Лицо мертвенно бледно, глаза полузакрыты.

Шепчет:

— Оставьте меня здесь, товарищи, все равно недолго протяну. Чего же вам понапрасну мучиться...

Двое партизан разом берутся за носилки, ворчат:

— Перестань болтать глупости. Ты бы нас оставил? То-то!..

— Ребята, глядите, чтобы мой автомат не пропал, у меня рука привыкла к нему, я из другого не могу стрелять, — просит перебинтованный автоматчик.

Другой раненый тоже волнуется:

— Не потеряй моего «вальтера», я его в бою отбил у немецкого офицера...

Глядя на них, я думал: «Даже в таком тяжелом состоянии они продолжают беспокоиться о своем оружии. Разве можно таких людей победить?»

У многих раненых — задумчивые лица. Понимают, как трудно нести их по крутым горным склонам, и страдают от сознания, что затрудняют друзьям и без того тяжелый поход.

У наших врачей — ни днем, ни ночью нет покоя.

Особенную заботу о раненых, как всегда, проявляет Руднев. В Карпатских горах нам нередко приходилось голодать, но раненым предоставлялось все, чем мы располагали, и, насколько это было возможно в наших условиях, их обеспечивали хорошим питанием.

Прежде тяжелораненых регулярно отправляли самолетами на «Большую Землю». Но в Карпатах подготовить аэродром было практически невозможно.

Прошли те времена, когда наша артиллерия и обозы, растянувшись бесконечной лентой по степям Украины, с шумом двигались вперед. Теперь бойцы, ведя навьюченных

лошадей, с трудом карабкались по узким тропинкам. Дорога казалась бесконечной.

Каждый шаг был сопряжен с нечеловеческими усилиями. Мы буквально выбивались из сил. Большинство партизан — люди, выросшие среди полей и степей. Им впервые приходилось совершать горные переходы.

Недлегко в непривычной обстановке приходилось и лошадям. У них распухли ноги, они вырывались, прямо-таки безумели от невыносимой боли.

Рота за ротой продвигались вперед с большой осторожностью. Несмотря на это, нас снова обнаружила фашистская авиация. «Юнкерсам» удалось напасть на наш след, и они буквально висели над нами. То, что у нас теперь не было пушек и минометов, помогало быстрее находить укрытия. Выручали и густые карпатские туманы. Правда, иногда спускался такой туман, что на расстоянии одного метра ничего нельзя было различить, и это мешало продвижению. По сторонам — бездонные провалы пропастей. Попробуй, отступишь... Но зато и фашистские самолеты теряли нас из виду, и мы хоть на короткое время получали передышку.

Тяжелы были наши потери. Много партизанских могил осталось на склонах Карпатских гор. Мы клали на могилы плоские белые камни и ножами высекали на них имена погибших друзей.

Начиная свой рейд, все знали, что в Карпатах нас ждут серьезные испытания, и были морально подготовлены к самым большим трудностям. Суровые условия не ослабили нашу твердость и волю к победе.

Соединение вышло на гребень Карпатских гор.

Партизаны смотрели вниз, на облака, нависшие над ущельями, видели, как плывет над лесом туман. Стоило миновать гору, и тогда новые просторы откроются перед нами. Людям не терпелось узнать, что скрывается за поворотом.

Огибаем вершину, и — какое прекрасное зрелище! Мы достигли альпийской зоны. Горный луг, покрытый высокой сочной травой, яркими цветами, похож на огромный роскошный ковер. На изумрудных склонах мирно пасутся отары овец.

Ниже, в котловине, сквозь молочную пелену тумана нечетко вырисовываются фигуры пастухов. Это — гуцулы. Огромные овчарки при виде партизан вскочили и волчьей рысцой понеслись в нашу сторону. Пастухи окликнули собак и заставили их вернуться. Умные животные продолжа-

Десятки партизан обязаны ей спасением жизни. Первый врач ковпаковского соединения
Н. К. Маевская, ныне кандидат медицинских наук

ли издали лаять на нас. Мы знаками попросили пастухов подойти поближе. Два гуцула направились к нам. Подошли, поздоровались. Спрашиваем их:

— Чьи это стада?

— Наши.

— Пастбища тоже ваши?

— Раньше были наши, а теперь немецкие, платим за них налог. Фашисты живьем хотят нас сожрать... Столько приходится отдавать им овец и скота, что если так будет продолжаться еще год, от стада ничего не останется.

— А о войне доходят до вас вести?

— Как же! — оживился один из пастухов. — Слышал, будто война скоро окончится.

— Вот как! А от кого вы это слышали?

— От немцев. Они говорят, что скоро одержат окончательную победу. А мы думаем, что победят не они. Скоро Советская Армия погонит их отсюда.

Гуцул задумался.

— Немцы часто поднимаются к нам. Поляница ведь не так далеко отсюда. Они и сегодня утром были здесь.

— О чем с вами говорили?

— Пугали, будто в горах появилась банда. В Карпатах, мол, скрываются уцелевшие солдаты разбитого русского войска.

При этих словах мы не могли сдержать смеха.

— Ну и брехуны! А зачем они приходили сюда? Дали какое-нибудь задание?

— Да. Запретили помогать сбежавшим русским солдатам. Ну и, конечно, пригрозили, что каждого, кто поможет русским, вздернут на виселицу.

— Скоро они запоют по-иному. Сейчас перед вами стоит не разбитая, а одерживающая победы часть Советской Армии. Это мы несколько дней назад выбили немцев из Поляницы.

Пастухи дружески улынулись.

— Рады встрече с вами! У нас есть молоко и мясо, можем вас снабдить продуктами.

— Будем вам очень благодарны...

Пастухи дали нам мясо и молоко. Мы хорошо подкрепились и двинулись дальше.

Пошли крутые подъемы, каждые десять минут приходилось отдыхать. На западе начали собираться черные тучи. Небо потемнело, ущелье затянуло туманом. Заметно похолодало.

И неожиданно сверху обрушился град. А укрыться негде. Этот проклятый град изрядно побил нас в тот день. Я долго чувствовал боль во всем теле.

Бомбежка градом была только досадным эпизодом, а вот стертые до крови ноги мучили постоянно. У многих, не рассчитанных на горные тропы сапог отлетели подметки. То же случилось и с моими. Вынужден был обмотать их овечьей шкурой, но и она оказалась ненадежной защитой от острых камней.

...Бежит, торопится время. Снова перелистываю потемневшие от времени страницы дневника. Вот они, лаконичные записи той поры, свидетели трагических и славных событий:

«Вошли в Карпатские горы...

Весь день бомбят самолеты, есть убитые и раненые...

Разгромили противника в Рассульне...

Сожгли 35 нефтяных вышек, подорвали нефтепровод...

Двигаться по горам очень трудно, все дороги и выходы заняты противником...

Ведем ежедневные жестокие бои...

Взорвали свои пушки и 8 батальонных минометов...

Сволочи, бомбят целый день!..

Боремся с немцами, голодом и холодом...

Страшно надоели горы. Чтобы оторваться от противника и выйти на равнину, командование принимает решение взять штурмом город Делятин...»

ГОРНАЯ ВОЙНА

Разведчики добыли сведения о том, что расположенные вокруг горы Шевка села и города Надворное, Пасечное, Яремча, Зеленое и Делятин превращены врагом в крепости. Противник перебросил в Карпаты альпийских

стрелков, которые контролировали все тропинки, охраняя входы в горы и выходы на равнину.

Немецкие и венгерские части, приспособленные специально к горной войне, изрезали вершины траншеями и сильно укрепили их.

А мы снова шли вверх по крутым склонам, по тропинкам с уклоном до шестидесяти градусов. Лошади, и без того измученные, окончательно выбились из сил. Теперь приходилось тащить лошадей. Один партизан тянул коня за уздечку, двое подпирали его с боков, а четвертый подталкивал плечом сзади. То и дело «бомбил» нас град, от него укрыться было труднее, чем от вражеской авиации. По приказу Ковпака мы через некоторое время спустились вниз, в заросшее лесом ущелье.

Единственной пищей все эти дни была у нас черника. Мы так ослабли от голода, что еле передвигали ноги.

Трудно было в таком состоянии идти бойцам с запасом взрывчатки и патронов. Партизаны побросали шинели и все свои личные вещи, за исключением самых необходимых. Удивительно, но так легко одетые люди не простуживались и не болели. На ночлег мы устраивались там, где нас заставляла ночь, а ночи в горах очень холодные. Бойцы закалились. С исключительной стойкостью переносили все лишения и тяготы наши раненые.

На протяжении всего Карпатского рейда с нами находились бежавшие из Конотопского лагеря хирурги Шевченко и Ульяновский. Они самоотверженно ухаживали за больными. Многие бойцы обязаны им своей жизнью.

Как-то роты подошли к расположенному среди Карпатских гор курорту Яремча. По рассказам гуцулов, сюда до войны на лето съезжалось много отдыхающих.

Это было действительно прекрасное место. Со всех сторон его окружал ельник и сосновый бор, в которых были холодные, чистые, словно хрусталь, родники.

Фашисты обороняли Яремчу усиленным гарнизоном.

В штабе решили, что взятие курорта не имеет для нас никакого практического значения. Мы обошли Яремчу и вступили в глубокое ущелье, которое должно было вывести нас к горе Синичка. Разведчики получили задание отыскать удобные тропы, а Горланов — подняться со своей ротой на самую вершину и очистить ее от неприятеля. Рота Горланова стала взбираться по крутой тропинке, соединение медленно двинулось за ней вслед.

Не прошло и двух часов, как послышалась частая автоматная стрельба. Видимо, Горланов вступил в бой с укрепившимся на вершине горы противником.

— Девятая рота, вперед! — передали мне по цепочке приказ Ковпака.

А рота именно в этот момент растянулась на целый километр. Одни бойцы подгоняли ослабевших лошадей, другие несли носилки с ранеными. С трудом удалось собрать шестьдесят человек.

Когда Руднев увидел моих бойцов — ослабевших, похожих от голода на тени, он отвернулся.

— Давид, — тихо сказал комиссар, — ты должен помочь Горланову.

В тоне комиссара не было приказания, он просил.

Руднев знал, что мы были близкими друзьями.

— Слышишь, что там творится? Их могут уничтожить всех до одного.

Действительно, пулеметная и автоматная стрельба превратилась в сплошной гул. Горное эхо еще больше усиливало грохот.

— Мы идем, товарищ комиссар...

Бойцы бегом бросились в гору. Я послал к Горланову связных с просьбой продержаться до моего прихода, обещая ударить по фашистам с фланга.

Выполнить это оказалось нелегко. Горный хребет был изрезан старыми, наполовину разрушенными траншеями, сохранившимися еще от первой мировой войны. Фашисты приспособили их для своей обороны.

Сейчас и мы вступим в бой. Я смотрел на своих бойцов и не узнавал их: все выпрямились, лица преобразились. Пораженный, подумал: неужели это те самые люди, которые несколько минут назад от слабости еле передвигали ноги?!

— За Родину. Бей их, ребята!

— Ура-а-а-а!..

Враг не выдержал натиска, побежал.

Мы захватили много вооружения и, что особенно ценно, продуктов.

Ко мне навстречу бросился ликующий Горланов. Мы крепко обнялись.

Вскоре подошли Ковпак, Руднев и Базима.

Необходимо было до наступления темноты отыскать дорогу к горе Синичка. Благодаря разведчикам эта задача была быстро решена.

Для яремчанского гарнизона и отдыхающих там немцев не прошел незамеченным бой, разгоревшийся на вершине.

Яремча находилась совсем близко. Всполошившийся гарнизон снарядил за нами в погоню сильный отряд.

Мы начали спуск и уже собирались войти в лес, когда высланные вперед разведчики остановились. В глубине леса двигались какие-то тени. Бойцы схватились за автоматы.

Отважные партизанские руководители (слева направо):
Г. Я. Базима, С. В. Руднев, С. А. Ковпак

Но тревога была ложной: тени оказались всего-навсего безмятежно пасущимся стадом быков. Ковпак по этому поводу ехидно пошутил:

— Эх, храбрецы, быков испугались! Но все же вы молодцы: будет у нас мясо на обед.

Вершигора раньше всех добрался до горы Синички. Поднявшись на вершину, он встретил гуцулов, которые, несмотря на приказ немцев, остались с отарами на горных пастбищах. Они подарили ему несколько овец.

Ковпак взглянул на овец и кивнул седой головой:

— Добре! Еще на сутки есть мясо. Будем располагаться на привал.

Действительно, мы крайне нуждались в отдыхе.

Да и окружающая местность словно была создана для обороны. Здесь тоже сохранились русские окопы времен первой мировой войны, причем они были так искусно распо-

ложены, что одно отделение смело могло задерживать наступление целой вражеской роты.

Выбрали на Синичке небольшую прогалину и расположились лагерем.

На прогалине стояла пастушья сторожка, в которой нашлись большие котлы. В них повара принялись варить мясо.

Предвкушая сытный обед, партизаны наслаждались отдыхом. Но тут в небе снова появились фашистские бомбардировщики. Засвистели бомбы...

Когда рассеялся дым разрывов, на месте сторожки зияла огромная воронка. Сытый обед исчез, как мираж. Построившись, мы возобновили марш. Уже в пути над нами «прохромал» фашистский корректировщик, щедро рассыпав в небе грязно-белый дождь листовок. Это были объявления германских властей.

Оккупанты обещали баснословную денежную награду тем, кто доставит живыми партизанских командиров. Давалось подробное описание их внешности. Читаем: «У Ковнака бритое лицо, черные как смоль волосы и усы, возраст сколо сорока лет; Руднев — шестидесятилетний сухопарый старик с небольшой седой бородкой».

Неудачный привал и голод не погасили партизанский юмор. Читая фашистские листовки, они посмеивались:

— Вон как омолодили немцы нашего «Деда». Правда, годков двадцать накинули Семену Васильевичу, но он понимает шутки и обижаться на них не станет. А главное — приметы «верные»...

Спустившись с Синички, мы продолжали свой путь к равнине. Бойцы повеселели. Но противник продолжал преследовать нас по пятам. Мы громили на своем пути вражеские засады и заслоны, а выделенный в арьергард четвертый батальон успешно отбивал все атаки немцев с тыла.

Но удивительное дело — чем больше и чаще доставалось фашистам, тем громче и нахальнее кричали они об уничтожении партизан.

После боя на горе Шевка, где роты Горланова и моя основательно пощипали гитлеровский заслон, самолеты противника сбросили листовки следующего содержания: «Сдавайтесь, вашего соединения больше не существует».

Захваченные на горе Шевка пленные рассказывали:

— Наши командиры объявили, что одна часть парти-

зан умерла в горах от голода, а другая — уничтожена авиацией.

— Вы этому верили? — задал я вопрос пленным.

— Сегодня, конечно, не верим, так как видим вас собственными глазами...

Продолжая марш, соединение подошло к Делятину, крупному районному центру Прикарпатской Украины, расположенному на железнодорожной магистрали. С южной и восточной стороны он окаймлен цепью гор, на север и на запад от него тянется равнина. Окрестности покрыты лиственными и сосновыми лесами.

Разведка, посланная в Делятин от моей роты, донесла, что в городе царит абсолютное спокойствие, гитлеровцы не предполагают, что мы находимся так близко.

В Делятине обосновался штаб фашистской дивизии, части которой расположены в разных местах. Действующие в Карпатах против нас полки и другие мелкие подразделения также входили в состав этой дивизии. Кроме того, в северной и западной половинах города было замечено большое скопление автомашин.

Река Прут делит Делятин на две части. Два больших моста через эту реку усиленно охраняются.

Вскоре после получения этих разведанных меня вызвали в штаб и сообщили:

— Этой ночью будем штурмовать Делятин! Приказ уже печатается.

Штурм Делятина предусматривал следующий порядок действий: в ударную часть были сведены вторая, третья, четвертая, восьмая и девятая роты. Они должны были внезапным лобовым ударом ворваться в центр города.

Второй, третий, четвертый батальоны и все остальные роты соединения должны были атаковать неприятеля с флангов. Непосредственное руководство операцией возлагалось на Руднева и Вершигору.

Когда все командиры ознакомились с приказом, слово взял Ковпак.

— Штурм Делятина — большой риск, но иного выхода у нас нет. Немцы нас не ждут, их гарнизон значительно ослаблен. Это должно содействовать успеху операции. Главное — скрытно подойти к городу и нанести внезапный, молниеносный удар. При вступлении в Делятин надо в первую очередь захватить и сохранить мосты.

Выступивший после Ковпака Руднев детально ознакомил нас с особенностями предстоящего боя.

— Необходимое условие успеха — внезапность, быстрота, решительность действий. Товарищ Бакрадзе должен после занятия Делятина совместно с пятой и восьмой ротами захватить село Баниша. Я вам еще раз напоминаю об этом, товарищ Бакрадзе! Берегите захваченные машины, не уничтожайте их, сажайте на них бойцов, быстро проезжайте мост и укрепляйтесь в Банише. Мы присоединимся к вам.

Руднев закончил...

— Все ясно?

— Ясно. Каждый об этом думал не раз. Все обсудили. Все взвесили.

— Ну, тогда за дело!..

Вернувшись в роту, я зачитал боевой приказ.

Бойцы старались не пропустить ни одного слова. Каждый думал: «Лишь бы вырваться на равнину».

Партизаны расклеивают на деревьях наспех написанные листовки примерно следующего содержания: «Если будете идти за нами без отдыха пять суток, все равно не догоните, не утруждайте себя понапрасну». Другая листовка: «Советуем поскорее убираться к себе в фатерланд, пока всех вас не перебили».

Среди бойцов — оживление. Наспех приготовили еду. Разжигать огонь боялись — заметят с воздуха; мешали муку в воде, крошили туда сало — каша была готова. Мне тоже принесли в котелке это кушанье. Что ж, сегодня можно и так — завтра утром нас будет угощать Делятин.

Когда стемнело, приняли по радио сообщение Совинформбюро о том, что Советская Армия прорвала фронт немцев у Курска. Настроение бойцов поднялось.

Согласно приказу я должен был сразу после вступления в Делятин посадить своих бойцов на трофейные машины и перебросить их в село Баниша. В моей роте оказалось много шоферов-профессионалов и любителей. Они уже готовились к поездке, шутя приглашая бойцов в «свои» машины. Получалось как в народной поговорке: «Вина еще не было видно, а бурдюки уже надувались»...

Перед выступлением Руднев крепко пожал мне руку:

— Желаю победы!..

Не знал я тогда, что в последний раз вижу любимого комиссара...

Роты спускались с горы в полной темноте, ничего не видя перед собой. Впереди заметили какие-то светящиеся точки, приблизились, и выяснилось, что это гнилушки, дающие фосфорический свет. Один из партизан натер гнилушкой спину шедшего впереди товарища — фигура бойца стала светиться. Изобретение пришлось по вкусу. Правда, мы немного походили на призраков, но зато уже не рисковали потерять друг друга, сорваться в пропасть.

Было тяжело — приходилось нести больных и раненых.

Впереди шли штабные разведчики, они проверяли безопасность дороги. За ними следовали Руднев и Вершигора, затем двигались третья, девятая, пятая и восьмая роты. Ковпак со штабом и ранеными находился в середине колонны.

«Дед» подбодрял бойцов:

— Делятин должен стать венцом наших карпатских боев!

И через несколько минут:

— Мы должны показать немцам, что у состряпанной ими лжи короткие ноги. Партизаны и сегодня сильны, как всегда.

Подъем сменялся спуском. Это разнообразило дорогу. Наконец, перевалив через последнюю возвышенность, увидели перед собой город.

— Делятин! — тихо, вполголоса воскликнул кто-то.

Город был затемнен, его демаскировали лишь синие огоньки уличных фонарей. По этим еле светящимся точкам примерно можно было представить себе расположение улиц.

Прибавили шагу...

Я волновался... Приближались решающие минуты.

Тропинка вывела нас на шоссе. Все облегченно вздохнули, ступив на ровную дорогу. Вокруг — тишина. Делятин спал.

Внезапно на улицах города погас электрический свет.

Что это могло означать?

Уж не обнаружили ли нас?

Нет, свет снова загорелся. Наверное, что-то на электростанции случилось.

Бледный свет фонарей слабо окрашивал небо над городом.

„ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ ЗАНИМАЛИ ГОРОДА...“

Тысяча четыреста партизан стоят в ночной темноте перед Делятином. А город спит. Группа разведчиков подкралась к постам, охраняющим входы в город, и без шума сняла их. Путь открыт. Выстраиваются вторая, третья, пятая, восьмая и девятая роты, они должны первыми ворваться в Делятин и захватить его центр. Это ударная группа.

На левый фланг выдвинулся третий батальон под командованием Матющенко. Его цель — взорвать железнодорожный мост. На правом фланге — второй и четвертый батальоны под командованием Кульбаки и Кудрявского, их задача — сжечь железнодорожную станцию, уничтожить нефтехранилище, повредить стрелки и взорвать железнодорожное полотно.

Больные и раненые остались со штабом. Охрана штаба возлагается на четвертую и десятую роты.

Руднев и Вершигора докладывают Ковпаку:

— К штурму все готово.

— Ну что же, начинаем!

— Пошли, ребята!..

Доносится громовое «ура» — ударная группа ворвалась в город. Такой молниеносный удар мог бы вызвать растерянность и замешательство не только у спящего, но и готового к бою противника.

Трещат автоматы. Партизаны быстро продвигаются к центру. Не слышно приказов командиров, каждый боец знает свою задачу и цель.

Гаснут огни. Мы быстро находим электростанцию, вытаскиваем спрятавшегося электромонтера.

— Почему выключил свет?!

— Я не виноват, получил по телефону приказ коменданта.

— Включай рубильник!

Улицы снова осветились.

Шум усиливался, партизанские роты продвигались вперед.

Гитлеровцы панически заметались: они явно не могли уяснить для себя — что, собственно, происходит.

Давно не приходилось видеть мне такой паники.

Неожиданно появляется Руднев.

Командир восьмой роты Сергей Горланов (слева) и заместитель командира четвертой роты Александр Тютюрев

ческие лампочки. Кружившиеся вокруг фонарей бабочки и мошки рассыпались во все стороны. Какая-то птица стремительно пролетела над электрическим фонарем и скрылась в густой листве дерева. Снова раздалось подряд несколько оглушительных взрывов.

Все шло по плану — взлетел на воздух железнодорожный мост.

Над нефтехранилищем к небу тянулись огромные языки пламени. Горели железнодорожная станция и товарные склады. Матющенко и Кульбака хорошо справились со своей задачей.

Но растерявшийся вначале враг стал постепенно организовывать сопротивление. Все соединение втянуто в бой, сражаются даже люди, находящиеся в резерве штаба.

— Партизаны! Враг бежит, преследуйте его, уничтожайте!

— Ура! — мощно гремит на главных улицах и на шоссе.

— Товарищ командир, только что в этот дом вбежали два гитлеровца! Вот за этим большим камнем спрятался фашист! — кричит мне мой связной.

Метаем туда гранаты.

— Хенде хох! — преграждают дорогу группе бегущих фашистов выскочившие из укрытия партизаны.

Гитлеровцы в одних трусах и безрукавках тотчас же останавливаются и покорно поднимают руки.

Неожиданно раздался адский грохот. Взрывная волна сотрясает город, замигали электрические лампочки.

Я решил любой ценой достигнуть моста и отрезать путь убегающим немцам.

Стал отыскивать кратчайшую дорогу, но безрезультатно. Вдруг заметил в одном дворе взбегающего по лестнице мужчину.

— Стой!

Мужчина остановился.

— Я местный житель, живу в этом доме,— еле слышно забормотал он.

— Далеко отсюда мост?

— Недалеко.

— Тогда проводите нас к нему.

— Сжальтесь надо мной, пощадите моих малых деток и жену! Я вам укажу дорогу к мосту, только не берите меня с собой.— начал он упрашивать меня.

— У нас нет времени на разговоры. Идем!

По дороге заметил с десятков разбитых автомобилей. Незнакомец рассказал мне, что около ста нагруженных немецких автомашин пытались проскочить через мост, к которому мы шли.

Разведчики подтвердили, что неприятельские машины действительно проследовали в том направлении, куда я должен был вести свою роту.

У моста увидел Вершигору. Он был возбужден.

— Начали хорошо, товарищ Бакрадзе, враг застигнут врасплох. Но сделано только полдела. Значительная часть гарнизона успела убежать по этой дороге, — он протянул руку в сторону шоссе. — Несомненно, к рассвету они бросят против нас большие силы. Надо быть готовыми ко всяким неожиданностям.

Вершигора оставил у моста вторую роту, а с пятой и восьмой двинулся вперед.

Противник заметно усилил огонь, я приказал всем бойцам залечь. По обеим сторонам дороги тянутся довольно глубокие канавы — отличные укрытия.

Горланов с несколькими разведчиками в азарте боя не услышал команды — продолжал бежать по шоссе.

— Ложись!..

Они не услышали — как подкошенные упали посреди дороги.

Зря погибли ребята! Кто-то рядом всхлипнул.

— Это война, дорогой. Она без смерти не бывает.

Мы снесли убитых товарищей в укрытие.

Нельзя было терять ни одной минуты. Подоспевший в это время связной передал: фашисты устроили впереди большую засаду, необходимо принять меры предосторожности.

Выдвинувшиеся вперед разведчики вступили в бой с укрепившимися гитлеровцами, я со своей ротой обошел врага с тыла. Окруженные гитлеровцы быстро были перебиты.

Мы заметили впереди множество автомобилей. У них — ни одной живой души. Очевидно, пассажиры разбежались. Партизаны бросились к машинам.

ГДЕ РУДНЕВ?..

Первый этап штурма Десятин был успешно завершен. Партизаны полностью овладели городом, гитлеровский гарнизон захвачен врасплох и обращен в бегство. Но штабу вражеской дивизии удалось удрать из города и скрыться.

Второй этап оказался значительно сложнее и тяжелее. Противник сумел быстро вызвать главные силы дивизии: к Десятину спешно перебрасывались регулярные части из Станислава, Коломыи и других районных центров, потеря Десятин всполошила немцев, и они приняли решительные меры.

К рассвету фашисты окружили Десятин, их танки и механизированные части вклинились в город и завязали бой с партизанами.

Почти на всех главных улицах происходили ожесточенные рукопашные схватки.

Враг пытался в первую очередь отрезать партизанские подразделения друг от друга.

Теперь атаковали немцы, а партизаны перешли к обороне. Согласно приказу командования, мы должны были покинуть Десятин, однако это нам не удавалось: нельзя было оторваться от значительно превосходящего противника.

Рассвело. Вся территория города была превращена в поле боя. К утру выяснилось — врагу удалось рассечь и изолировать наши подразделения. Но партизаны и в такой напряженной обстановке наносили неприятелю жестокие удары.

В эти тяжелые минуты мне не давала покоя мысль о

судьбе штаба, судьбе Руднева. Я знал, что он руководил боем на очень опасном участке. Наконец получен приказ комиссара. Его передали мне заместитель начальника штаба Войцехович и командир второго батальона Кульбака. Руднев приказывал перейти небольшую возвышенность по левую сторону от шоссе и занять села Белая и Черная Ослава. Кроме того, нужно было очистить от противника дорогу, ведущую от Делятина к этим селам, чтобы по ней могло свободно пройти наше соединение.

На батальон Кульбаки возлагалось уничтожение неприятеля, залегшего по правую сторону шоссе.

Уже совсем рассвело, когда я со своими бойцами занял безымянную высоту.

Гитлеровцы попытались сбить нас с нее, но мы успешно отразили атаку. Склоны высоты были покрыты телами убитых фашистов.

Во время схватки я неожиданно заметил сына Руднева — Радика.

— Как ты попал сюда? Видишь, что здесь творится? — спрашиваю мальчика.

— Я был с отцом в городе, участвовал в уличных боях, потом потерял его из виду, вот и подался сюда...

Не по душе пришлось мне все это. С той минуты не расставался с мальчиком. Он постоянно находился при мне.

Подразделение Кульбаки, ведя бой, продвигалось вдоль шоссе.

Вправо от него, на склоне горы колосились хлеба. Время от времени колосья начинали неестественно шевелиться. Ясно — нас обходят...

Бьем по пшеничному полю из пулеметов, винтовок, автоматов. В ответ раздаются крики раненых. Уцелевшие гитлеровцы поспешно удирают.

Делаем бросок вперед и овладеваем высотами, господствующими над селами Белая и Черная Ослава. Перед нами открылась картина ожесточенного боя во всех частях города.

В окрестности Делятина прибывают все новые и новые фашистские части.

Готовимся к захвату сел. Пятая и девятая роты спускаются с возвышенности. Сбиваем засады и продолжаем наступление. Ожесточенная схватка — и оба села наши. Захватываем много пленных.

А в городе по-прежнему гремит артиллерия, к ней при-

соединяется рев танковых пушек. Я теряю связь с Кульбакой.

Привели большую группу пленных, среди них оказался немецкий капитан. Допрашиваю его с помощью переводчика:

— Вы из Делятина?

— Четыре часа назад моя часть переброшена сюда из Станислава.

«Вот чего мы не учли, штурмуя Делятин», — подумал я.

И тут заметил направляющегося к нам быстрым шагом человека. Это был Базима. Но каким образом он очутился здесь? У него через плечо перекинут автомат, в руках — плетка. Я очень удивился, что он пришел один и в такой момент. Базима взял меня под руку и отвел в сторону.

— Отстал от штаба и не смог его найти, — сказал он мне. — Не имею представления, где он сейчас находится. Положение очень серьезное, но на вашем участке сравнительно спокойно. Руднев остался в центре города, он переводил бойцов через мост под ожесточенным огнем противника.

— Григорий Яковлевич, — говорю ему, — сейчас было бы целесообразно, чтобы Сидор Артемьевич со штабом перебрался сюда.

— Не знаю, где сейчас искать штаб! — пожал плечами Базима...

— Где мой отец? Почему о нем ничего не слышно? — спросил Радик.

— Скоро бой кончится, и отец придет, — говорю мальчику, а у самого на душе скребут кошки.

Я посадил нескольких партизан на трофейные машины и приказал им отыскать комиссара. Но машины не смогли выехать на шоссе, оно простреливалось пулеметами противника.

Базима решил сам найти штаб. Выделил ему десять бойцов, и он ушел. Через Базиму я просил Ковпака перебраться со штабом в село Белая Ослава.

Наши успели взорвать большой мост через Прут в центре Делятина, по которому проходила шоссейная дорога. Это имело большое значение — путь фашистским танкам и тяжелой артиллерии был прегражден. Немцы теперь не могли быстро перейти на тот берег Прута, где находилось наше соединение.

Накормили людей.

Подошла новая группа партизан и сообщила: «Штаб под командованием Ковпака успел до взрыва моста перенести раненых бойцов и все имущество, а затем с боем отступить в горы».

Это известие немного успокоило. Значит, штаб вне опасности. Но что с Рудневым, куда он исчез, где находится в настоящее время? Об этом никто не знал.

Фашисты осатанело полезли напролом. Мы ответили контратакой и отбросили их на исходное положение.

Санитары принесли раненых, им тотчас же оказали помощь и отправили на машинах к командиру пятой роты Ефремову.

На нашем же участке положение все более осложнялось.

Появился командир пятой роты Ефремов.

— Товарищ Бакрадце, гитлеровцы собрали разрозненные части и готовятся к атаке. Необходимо немедленно уходить.

Предложение Ефремова было своевременным. Враг нажимал со всех сторон. С каждым часом росло число раненых. Получено сообщение: противник навязал тяжелый бой восьмой роте. Значит, подкреплений нам ждать не от кого.

Меня мучила мысль: «Где штаб? Что с Рудневым?» Боялся взглянуть на Радика: мальчик смотрел на меня глазами, полными слез.

Уже около шести часов вечера пришел штабной писарь Тутученко с несколькими партизанами. Ковпак выделил их для связи с нами. Тутученко доложил обстановку:

— Весь состав штаба и находящиеся при нем роты сумели прорвать окружение противника и сейчас укрылись на горе Дусь. Это вон там, — он указал на покрытую густым лесом гору. — Особенно жестоким был бой во время прорыва последнего кольца. Фашисты убедились на собственном опыте, что значит партизанская атака. Мы перебили много гитлеровцев и решительным ударом прорвали кольцо эсэсовцев. Исключительно храбро, показывая всем партизанам пример, дрался с врагами наш «Дед».

— Значит, штаб вне опасности? Что вам известно о Базиме и комиссаре?

— Сегодня утром пришел Базима в сопровождении ваших бойцов. А о комиссаре — ничего.. Вряд ли он остался в живых. Хлопцы видели, как его, тяжело раненого, под ураганным огнем выносили из окружения санитарка Галина Деркач и разведчики штаба.

Я был потрясен. Неужели больше никогда не увижу дорогого Семена Васильевича?

— Смотри, ничего не говори Радику, — предупредил я Тутученко. — Мальчик очень волнуется, всех спрашивает об отце.

Было решено любой ценой пробиться к Ковпаку. Час в одиннадцать ночи собрал бойцов и двинулся на соединение со штабом.

Первое вражеское кольцо мы прорвали сравнительно легко. Затем прорвали еще два кольца, здесь пришлось действовать врукопашную. Расчистив путь, мы ушли в горы.

Но нам не удалось в ту ночь добраться до штаба. Стояла непроглядная тьма. Измученные двухдневными непрерывными боями, партизаны, почувствовав себя в безопасности, повалились на землю и тотчас же заснули.

КОНЕЦ — ЭТО НАЧАЛО...

В четыре часа утра мы двинулись дальше. В этот момент в моем сводном отряде находилось уже до пятисот партизан — наше «ядро» обросло бойцами из других батальонов, дразшихся в городе.

Тутученко знал местонахождение штаба. Это облегчало нашу задачу.

Дусь — довольно высокая гора, расположенная на расстоянии двадцати-двадцати пяти километров от Деятина.

По пути к ней предстояло пройти большое ущелье. Мы предполагали, что немцы устроили там засаду. Поэтому шли в полной боевой готовности.

С особой осторожностью продвигаются выдвинутые вперед разведчики. Они проверяют буквально каждый метр дороги.

Так и есть — разведчики остановились и залегли за каменными глыбами: засада обнаружена вовремя.

Разгорелся бой. Группа партизан взобралась на горный склон и забросала противника гранатами. Другая группа бойцов, ворвавшись в укрытие, схватилась с фашистами врукопашную.

После короткой, но ожесточенной стычки противник был обращен в бегство.

В этот день рота истребила четырнадцать фашистов и

потеряла недавно вступившего в наш отряд пастуха гуцула.

Он в упор застрелил из автомата двух гитлеровцев, но в этот момент его самого сразила вражеская пуля.

Мы похоронили отважного пастуха на склоне горы и двинулись дальше.

Чтобы сбить противника со следа, сделали большой крюк и к вечеру прибыли в расположение штаба.

Грустный, с мрачным лицом сидел Базима. Сидор Артемьевич нервно хлестал плетью по голенищу:

— Лучше бы меня самого, чем Семена. Эх, такой человек...

— Неужели это правда, Сидор Артемьевич?

— Наверно, да. Бойцы второго батальона говорили, будто комиссар в сопровождении нескольких человек укрылся в горах. Но эти слухи ни тем не подтвердились.

К нам подбежал Радик.

— Что вы знаете о папе? Где он?

Сидор Артемьевич попытался ободряюще улыбнуться, но у него свело судорогой лицо.

— Отец, Радик, видимо, в горах. Будем надеяться, отобьется от немцев и нас догонит...

Радик грустно посмотрел на «Деда». Мы предупредили всех, чтобы никто не проговорился при мальчишке о судьбе Руднева, но он, по-видимому, догадывался, что с отцом случилось что-то неладное.

Не было видно и Кульбаки с его батальоном. Человек сто его бойцов присоединились к нам в селе Черная Ослава. Но они ничего не знали о своем командире.

Я рассказал Ковпаку о боях, которые нам пришлось выдержать, и зачитал ему список павших товарищей. Услышав в числе погибших фамилию Горланова, он тихо сказал: «Какой молодец погиб! Я как сына любил Сергея».

Я молча передал «Деду» ордена Горланова. Он взял их и долго рассматривал, особенно орден, пробитый пулей.

Горланов был бесстрашный солдат. Не раз в бою мы помогали друг другу, часто сражались вместе. Он был убит в такой обстановке, что мы не смогли даже достойно похоронить его.

С сердечной болью сказал я об этом Ковпаку.

«Дед» нахмурился еще больше. Некоторое время молчал, потом с трудом выговорил:

— Вечная память Сереже и всем нашим погибшим бойцам. Правда, немцев победили мы раза в четыре больше, да

это не то утешение. Мы с ними за наших товарищей еще не так поквитаемся.

Ковпак замолчал и снова впал в тяжелое раздумье. Немного погодя приказал:

— Хлопцы, небось, устали. Пускай сегодня хорошенько отоспятся. Утром созываю совещание командиров.

Жаркий летний день сменила прохладная ночь. Крепко заснули утомленные партизаны.

* * *

Много испытанных друзей потеряли мы в этом сложном и тяжелом рейде. Погиб мой бывший помощник Деркач. И у меня даже не было возможности предать земле его прах, оплакать преданного, любимого друга. Не было видно и Михаила Тартаковского. Сердце предсказывало недоброе.

Я отыскал Сергея Анисимова. Он стиснул зубы и не произнес ни слова — все ясно. Мы долго сидели молча. Как рассказали позже, Михаил Тартаковский спустя полчаса после форсирования реки Быстрицы был тяжело ранен в грудь. Бойцы уложили его на носилки. Врач Шевченко сделал все, что было в его силах для спасения Тартаковского, но ему уже нельзя было помочь. Спустя два часа после ранения Михаил скончался.

Я многое перенес, принимал участие в сотнях боев с жестоким и коварным врагом, но никогда до этого не испытывал такой душевной тоски и безумной усталости.

Потеря боевого товарища тяжелей всех испытаний, тяжелей самой смерти. Мне кажется, что нет на свете большего горя, душевной боли, чем сознание, что твоего верного друга, плечом к плечу прошедшего с тобой через все испытания, больше нет в живых.

Между тем Ковпак снарядил группу разведчиков на поиски Руднева. Они принесли невеселые вести:

— Весь город и окрестности Делятина заняты гитлеровцами. О Семене Васильевиче ничего не удалось узнать.

— Командиры, в штаб на совещание! — объявил Тутученко.

Когда все собрались, Ковпак оглядел каждого из присутствующих, отбросил окурок и начал говорить. Разобрав последний рейд, он подробно остановился на результатах боя за Делятин.

— Вся страна знает о боевых делах нашего соединения.

В нынешней войне партизанская борьба занимает почетное место. Мы успешно завершили рейд в Западную Украину. Наш боевой путь, начиная от Брянских лесов и до Делятина, характеризуется тремя главными моментами: первое, — мы разгромили много вражеских гарнизонов на оккупированной территории; второе, — уничтожили базы в тылу врага, нарушили работу транспорта, взорвали много мостов, станций, складов, пустили под откос немало вражеских эшелонов, сравняли с землей Биткувские нефтяные промыслы; третье, — подняли в тылу у врага население и сплотили его на борьбу против немецких захватчиков. Вот чего добилось наше соединение в результате проведенных боев.

— Не стану скрывать, товарищи, — продолжал Ковпак, — в боях за Делятин враг нанес нам немалый урон, мы потеряли много товарищей, в том числе особенно дорогого нам человека — Семена Васильевича. Но враг просчитался: он не смог нас уничтожить, напротив, мы крепко потрепали делятинский гарнизон и те подкрепления, которые фашисты подбросили к городу. По сведениям разведки, в боях за Делятин нами уничтожено до четырехсот двадцати вражеских солдат и офицеров, сожжено семьдесят семь автомашин, взорваны железнодорожный мост, два вражеских эшелона, железнодорожное полотно, повреждены стрелки.

Штаб думал о дальнейшей судьбе нашего соединения, наметил новые планы. Для достижения успеха в тылу врага необходимо быстрое и маневренное движение. «Нанести сокрушительный удар, уничтожить противника и как можно скорее уходить» — это ведь хорошо известная партизанская тактика. Мы всегда придерживались этой тактики.

Практика партизанских боев последнего времени со всей очевидностью показала, что существование столь крупной воинской единицы в данных условиях нецелесообразно. Соединение, насчитывающее около тысячи пятисот бойцов, в горных условиях слишком громоздко и негибко. Для нанесения противнику коротких, молниеносных ударов целесообразно на какое-то время создать небольшие боевые группы. Именно поэтому мы приняли решение разбить соединение на более мелкие группы и дать каждой из них право самостоятельных действий.

Высказанные Ковпаком соображения одобрили все участники совещания.

Но как быть с больными и ранеными? Их было более двухсот человек. И здесь был найден выход: по сообщению

Командир взвода минеров ковпакского соединения, ныне известный поэт Платон Воронько

разведчиков, в селе Княжий двор (Печенежский район, Станиславской области) жили братья Короткины — Ульян и Дмитрий. Разведчики передавали: «Мы твердо убеждены в их надежности. Им можно поручить наших раненых».

И мы решились на этот шаг. Ковпак приказал устроить в лесу полевой госпиталь. Теплая летняя погода позволяла пойти на это. Мы тотчас же вызвали Короткиных. Они охотно согласились принять на себя заботы о больных и раненых партизанах. Для охраны и обслуживания госпиталя мы оставили десятую роту под командованием Курочкина, врача Савченко и несколько медицинских сестер.

Как мы потом узнали, братья Короткины отдали все силы, чтобы поставить на ноги раненых бойцов. Я встречал после войны многих партизан, с чувством глубокой благодарности вспоминавших об этих славных советских патриотах.

Итак, все соединение было разделено на пять групп: первую возглавил Ковпак, вторую — Вершигора, третью — Матюшенко, четвертую — Кудрявский, пятую — Павловский и Горкунов. Они должны были самостоятельно пробиваться на восток.

Согласно плану, выработанному штабом, конечным сборным пунктом всех пяти групп назначался хутор Конопотоп. Он был выбран не случайно — все партизаны знали его. В нем уже однажды стояли лагерем. Кроме того, в окрестностях Конопотопа действовали отряды Сабурова и Бегмы, а также местный партизанский отряд Олевского района.

Командиры группы должны были приложить все старания к тому, чтобы партизаны невредимыми вышли к Конотопу, громя по пути гарнизоны и полицейские посты врага, пуская под откос его эшелоны.

Таким образом, соединение развертывалось двухсоткилометровым фронтом. От Конотопа мы находились на расстоянии семисот-восьмисот километров.

Перед выступлением каждой группе была выделена рация. Вторая, четвертая и девятая роты составляли одну группу, которой руководили Павловский и Горкунов. В группу Ковпака входили третья рота под командованием Федора Карпенко, штабные разведчики и артиллеристы Анисимова.

Фашистские самолеты сбрасывали листовки, распространявшие очередную ложь: «Соединение Ковпака окончательно уничтожено, Ковпак в сопровождении нескольких партизан укрывается в горах. Приняты все меры для его поимки. Каждый, кто доставит его живым, получит большое денежное вознаграждение».

Население-то, конечно, понимало, что это ложь.

Да и кто мог поверить этим листовкам, состряпанным фашистами? Конечно, никто, даже сами гитлеровцы. Они металась из одного города в другой, из села в село. По дорогам непрерывно носились автомашины с альпийскими стрелками. К чему же такая суета, если соединение Ковпака уничтожено?

Итак, наш Карпатский рейд успешно завершен.

Бойцы уходили в ночь.

И плыла над отрядами песня, написанная нашим собратом по оружию — партизаном Платоном Воронько, ныне известным советским поэтом:

По высоким Карпатским отрогам,
Там, где Быстрица — злая река,
По звериным тропам и дорогам
Пробирался отряд Ковпака.

Он гремел на днепровских равнинах,
Шел на Припять и Прут голубой,
Чтобы здесь, на карпатских вершинах,
Дать последний решительный бой...

Конец первой книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	2
Вместо предисловия, или От- то Олендорф дает показан- ня	3
Листая партизанский днев- ник...	16
Легендарные при жизни	34
«Одиссея» Вано Рехвиашвили	41
Задание Кремля	46
Уходили в поход конников- цы!	56
Партизанские будни	60
Блидча не отвечает...	78
Огненные рассветы	80
Пушки бьют по судам	84
Абордаж на Припяти	87
Крах операция «Мокрый ме- шок»	93
«Мы теряли друзей бое- вых...»	98
К Карнагам	102
Разведчику — везде тролка...	108
Вперед! — Днестр	111
Черный лес	115
Когда пылает земля	118
В горах	126
Тропы, не отмеченные на карте	131
Прорыв	136
Горная война	139
«Партизанские отряды за- нимали города...»	147
Где Руднев?..	150
Конец — это начало...	154

Давид Ильич Бакрадзе

КАРПАТСКИЙ РЕЙД

*Перевод с грузинского
Н. Г. Аккермана*

Художник Г. С. Богачев
Редактор А. С. Елкин
Художественный редактор Г. Л. Ушаков
Технический редактор Б. С. Фриман
Корректор Р. М. Шлигель

Г-50209. Сдано в набор 1. XII 1967 г. Под-
писано к печати 9. IV 1968 г. Изд. № 3/4733
Бумага 84×108¹/₂ тип. № 2. Тираж 100 000 экз.
Цена 25 коп. Объем физ. в. л. 5. Усл. п. л.
8,49. Уч. изд. л. 8,92.
Изд. ДОСААФ, Москва, Б-66,
Ново-Рязанская ул., д. 26.

Отпечатано с матриц типографии издатель-
ства ДОСААФ, Москва, Д-424, Волоколам-
ское шоссе, д. 88 в типографии № 2 изда-
тельства и комбината печати «Радянська
Україна», Киев, А. Барбюса, 51/2.
Зак. 1551.